

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

И. М. Рагимов

ФИЛОСОФИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Санкт-Петербург
Издательство «Юридический центр»
2017

УДК 343.2; 343.97

ББК 67.408

P14

Редакционная коллегия

*Ю.В. Голик (отв. ред.), М.Т. Агаммедов, Н.А. Винниченко,
И.Х. Дамения, И.Э. Звечаровский, А.В. Земскова,
А.В. Коновалов, С.Ф. Милоков, А.В. Сальников,
А.В. Федоров, А.А. Эксархопуло*

Рецензенты:

*С.Я. Гусейнов, доктор философских наук,
член-корреспондент Академии административных наук РФ
Ф.М. Джавадов, доктор юридических наук, профессор
А.В. Сальников, кандидат юридических наук,
заслуженный работник прокуратуры РФ*

P14

Рагимов И.М.

Философия преступления и наказания. — СПб.: Издательство «Юридический центр», 2011. — 288 с.

ISBN 978-5-94201-668-5

В настоящей монографии рассматриваются основополагающие проблемы уголовного права, связанные с преступлением и наказанием. Автор с философских позиций размышляет над вопросами о причинах и истоках преступления, сущности наказания, будущем преступности и наказания.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, работников правоохранительных органов, теоретиков и практиков, специализирующихся в области уголовного права, а также философов, социологов, психологов и всех интересующихся проблемами борьбы с преступностью.

ББК 67.408

© И.М. Рагимов, 2017
"Юридический
центр", 2017

ISBN 978-5-94201-668-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. ПРЕСТУПЛЕНИЕ	
<i>Понятие и сущность. Причины и истоки.</i>	
<i>Личность преступника. Будущее преступности</i>	13
§ 1. Понятие и сущность преступления.....	—
§ 2. Причины и истоки преступного поведения	43
§ 3. Личность преступника.....	120
§ 4. Будущее преступности.....	127
ГЛАВА II. НАКАЗАНИЕ	
<i>Понятие и сущность. Содержание и свойства.</i>	
<i>Право наказания. Будущее наказания</i>	137
§ 1. Понятие и сущность наказания	—
§ 2. Содержание и свойства наказания.....	174
§ 3. Право наказания	211
§ 4. Будущее наказания	222
Заключение	257
Приложение	
Афоризмы о законе	260
Афоризмы о преступлении	268
Афоризмы о наказании	274

ВВЕДЕНИЕ

«О народ! Обсуди предметы
И ты постигнешь истину!»

Коран. Сура 2

I. Работая над проблемой наказания достаточно долго, я понял, что никакие знания ни о каком предмете не могут быть полностью исчерпывающими. Ни одну из реалий природного, социального или духовного мира человек не в состоянии изучить до конца. Однако он всегда стремится познать истину. А это, как известно, возможно только в результате глубокого и длительного исследования того или иного предмета.

Вникая все глубже в суть проблемы наказания, я убедился в ограниченности только юридического подхода к познанию этого сложного феномена и необходимости выйти за рамки уголовно-правового и криминологического изучения.

Понял я также, что без философского осмысления понятия преступления и его причины мы не в состоянии постичь философский смысл понятия и сущности наказания, ибо, только понимая, что такое преступление, возможно тот или иной акт поведения человека отнести к этому понятию, а потому и реакцию, вызванную им, назвать наказанием.

Исходя именно из этих принципиальных положений, я решил рассмотреть наказание во взаимосвязи с понятием преступления и его причины не только с юридических, но и с философских позиций. В результате этого мне пришлось отойти от некоторых ранее высказанных мною суждений по рассматриваемой проблеме.

Но я успокаивал себя, ссылаясь на слова американского философа, поэта и публициста Джеймса Расселла Лоуэлла: «Только глупцы и покойники никогда не меняют своих мнений».

У меня нет абсолютной уверенности в том, что я найду истину, ибо интересующие меня проблемы затрагивают те области научного знания, где по-прежнему не утихают споры. Я лишь пытаюсь все новыми и новыми аргументами проверить собственное убеждение. Смогу ли я это сделать? «Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума, — писал Г. Гегель, — есть первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего. Какого бы высокого мнения мы ни были о величии и могуществе духа, оно все же будет недостаточно высоким. Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания; она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими»¹.

Поначалу философия преступления и наказания как предмет исследования казалась совершенно непонятной и требующей предварительного знакомства со множеством философских определений и понятий, что меня даже немного устрасило и чуть ли не отвратило. Однако я всегда помнил, что познание — процесс продвижения разума от незнания к знанию, от непонимания к пониманию, от тайны к истине. Как справедливо отмечает Д.А. Керимов, «познание так же бесконечно, как бесконечен мир, жизнь, бытие, в том числе и бытие права»².

В то же время я четко осознавал, что этот путь познания предполагает преодоление множества препятствий и затруднений. Было очевидным, что без славной работы наших предшественников мы сами не сможем пойти дальше; это и есть всемирный закон эволюции, согласно которому настоящее является сыном прошлого и отцом будущего (Г. Лейбниц).

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 83.

² Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011. С. 7.

В мире, в нашей жизни, нет ничего того, о чем уже не было бы сказано раньше, или, как говорят в таких случаях: все новое — это хорошо забытое старое. Ни один комментарий, ни один, даже самый добросовестный и квалифицированный, пересказ не вызывает тех впечатлений, которые могут быть получены при непосредственном знакомстве с трудами выдающихся мыслителей прошлого, не выразит подлинный смысл некогда высказанных идей. В этом я глубоко убедился, изучая историю философии, религии, права и других наук о преступлении и наказании.

II. В науке уголовного права всегда ставился вопрос: можем ли мы ограничиться только юридическими рамками изучения преступления и наказания? Достигнем ли тогда намеченных целей? Возражая профессору М.В. Духовскому, который одним из первых потребовал расширения рамок науки уголовного права, А.Ф. Кистяковский говорил: «Если автор считает неправильным взгляд на уголовное право как на науку, изучающую только преступление... как отрывочное явление, без изучения его причин... то можно ему задать вопрос: что же автор прикажет пока делать нашей науке, когда нормы жизни общественной, в которых она не госпожа, таковы, что приходится, прежде всего, изучать только преступление и налагаемое за оное наказание»¹.

Несомненно, что юридическое изучение преступления и наказания не только важно, но и необходимо. Как подчеркивает М.П. Чубинский, «это должно признать и помнить раз и навсегда при каких бы то ни было реформаторских предложениях»².

Но нам нужны факты психической и физической жизни, лежащие в основе понятия преступления и наказания, а также сведения о нравах, привычках, наклонностях преступника, о приемах и способах преступного деяния. Кроме того, необходимо философское обоснование поведения человека, в том числе и преступника, а также права наказания за преступление и т. д. А этих

¹ Цит. по: *Сергиевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права // *Сергиевский Н.Д.* Избр. труды. М., 2008. С. 208.

² *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики. М., 2010. С. 24.

необходимых и чрезвычайно важных знаний и сведений наука уголовного права не дает. Поэтому, если мы хотим объяснить причину преступного поведения человека, а значит, понять сущность преступления и наказания, следует использовать достижения других наук. В данном случае речь идет об использовании научных методов и средств неправовых наук в целях изучения и объяснения проблем уголовного права — преступления и наказания, а не о включении их в предмет этой науки. В связи с этим представляются неверными высказывания Э. Ферри относительно того, что «вся юстиция будущего будет сосредотачиваться на преступнике как биохимической личности, которая и действует в той или иной социальной среде», поэтому никакие примирительные попытки «не могут пустить корней»; нет среднего пути; необходимые для прогресса науки новые методы «не вяжутся с изучением преступления как абстрактной юридической сущности»¹.

Между тем современная уголовная юстиция сосредотачивается именно вокруг преступления как юридической и философской сущности, с использованием результатов психологии, психиатрии, генетики, медицины при изучении личности преступника.

Иными словами, в настоящее время проблемы преступления и наказания прочно вошли в число изучаемых, обсуждаемых не только в криминологической и уголовно-правовой науке, но и в философии, социологии, психологии, богословии и т. д.

Подчас очень трудно, а иногда и невозможно, дать определение тому или иному понятию, хотя оно широко употребляется в обычной повседневной практике и считается само собой разумеющимся. Поэтому обычные люди при общении и разговоре о преступлении, преступности и наказании не ставят себе целью проникнуть в сущность и содержание этих понятий. Для них эти слова — простые и обычные, а самое главное — понятные. А это дает им возможность очень хорошо понимать друг друга. Блаженный Августин писал: «Если меня не спрашивают о значении тех или иных понятий, я знаю, о чем идет речь. Если же меня просят объяснить их смысл другим, я не способен это сделать».

¹ Ферри Э. Sociol crimin. 1893. P. 14, 580, 584.

Сложность, труднообъяснимость понятий преступления и наказания связана с их философской сущностью. Поэтому, прежде всего, обнаруживается потребность в интегративном и одновременно глубинном философском подходе к этим феноменам, с целью раскрытия их философской сущности, хотя очевидно, что эта задача весьма сложная.

Ю.В. Голик предупреждает: «Тот, кто решит погрузиться в пучину философских проблем права, пойдет по интересному, увлекательному, но и очень “опасному” пути. Дело в том, что философия относится к числу тех наук, в которых ни по одному из вопросов среди исследователей нет единства мнений. Очень часто эти мнения расходятся столь кардинально, что нет даже точек соприкосновения. Споры бесконечны, и длятся они не десятилетиями и даже не столетиями, а тысячелетиями»¹.

Совершенно справедливое высказывание, но я рекомендую исследователю принять за основу слова русского ученого В.И. Вернадского: «Я вполне сознаю, что могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить ее идти по дорожке, практически, важной, по такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучают меня... И это искание, это стремление — есть основа всякой научной деятельности».

Есть много вопросов, которые мыслящие люди задают себе в какой-то момент по какой-либо проблеме и на которые та или иная конкретная наука и практика не могут предложить однозначного ответа. Задача философии как раз и состоит в том, чтобы изучить эти вопросы и, по возможности, объяснить их. Как устроен мир? Развивается ли он? Кто или что определяет эти законы развития? Смертен или бессмертен человек? Как может человек понять свое предназначение? Каковы познавательные возможности человека?

Одним словом, можно с полным правом утверждать, что во всех достижениях человечества присутствует значительный, хотя и

¹ Голик Ю.В. Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 7.

косвенный, вклад философии. Философия едина и многообразна, человек не обходится без нее ни в одной из областей своей жизни. «Все... области знания граничат в окружающем нас пространстве с неизвестным. Когда человек входит в пограничные области или заходит за них, он попадает из науки в сферу умозрения. Его умозрительная деятельность — тоже вид изучения, и это, помимо всего прочего, есть философия» (Б. Рассел).

Как известно, философия включает в себя множество предметных областей, в том числе философию права, которая исследует, в самом широком смысле, последствия тех или иных законодательных принципов. Не следует забывать, что вопросы добра и зла, понятие справедливости относятся к философской дисциплине — этике, то есть это этические категории, а не правовые. Значит, понятия «преступление» и «наказание» следует отнести к категориям философским, поскольку право, правовые науки, в частности уголовное право и криминология, не в состоянии ответить на интересующие нас вопросы.

Философия служит научной базой, основой для исследования конкретных проблем других наук, в том числе и правовых. Так, например, понятия возмездия, кары, страдания и т. д. возможно рассматривать только через философию.

Известному правоведу, социальному философу Е.В. Спекторскому принадлежат замечательные слова: «Все три области философии — этика, метафизика и гносеология — теснейшим образом связаны с юриспруденцией. Как сатана объявлял у Данте: “*Tu non pensavi ch’ io loico fossi!*” — “Ты не подозревал, что я логик!”, так и юриспруденция может объявить: “Ты не подозревал, что я философ!” Сознание этого должно возвысить и облагородить ее, должно поставить ее выше тех упреков, которые ей слишком часто приходится слышать, а именно, что она будто бы занимается только рабским буквоедством или пустым и вредным крючкотворством. Но *nobesse oblige*. Сознание этого также и обязывает. Оно обязывает юриспруденцию относиться с большим вниманием к философии и ее проблемам. Если вообще, как заметил еще Платон, “отсутствие интереса к философии является признаком, скорее, самодовольного невежества, чем превосходства истинно-

го знания, то отсутствие такого интереса у юриста является уже пренебрежением к его собственному профессиональному делу, пренебрежением, тем более непростительным, что результатом его может оказаться гибель юриспруденции от натиска чужеродных учений»¹.

Представляется, что это самый глубокий и убедительный ответ представителям позитивизма, которые считают, что наука о праве самодостаточна и не стоит привлекать философию, этику и другие науки для раскрытия и понимания сущности правовых явлений. Лучше, чем Гегель, и не скажешь: «Юриспруденция является частью философии»².

И в самом деле, может ли юриспруденция обойтись без философии в раскрытии сущности понятий и понимании многочисленных правовых проблем? Если исходить из того, что философия пытается ответить на те теоретические вопросы, которые отдельные конкретные науки не в состоянии разрешить, то ответ может быть только отрицательным. В принципе, все науки имеют общее основание и одинаковую цель — изучение природы и раскрытие ее законов для блага человечества. Однако нельзя забывать слова Арххамистра (Древняя Индия, IV в. до н. э.): «Философия всегда считается светильником для всех наук, средством для совершения всякого дела, опорой всех установлений». История свидетельствует, что именно философы во все времена ставили вопросы и пытались на них ответить раньше, чем юристы. И это естественно, ибо сущность философии в размышлениях над всеобщими проблемами «мир — человек». Следовательно, если объектом наказания является человек, который одновременно выступает также в качестве субъекта преступления, то следует признать, что без философии невозможно объяснить сущность и содержание системы «преступление — человек — наказание». В данном случае правовые науки, в частности уголовное право и криминология, бессильны.

¹ Философия и юриспруденция // Юридический вестник. Кн. II. М., 1913.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 17–18.

И. Кант писал, что «философия есть в действительности не что иное как “практическое человекознание”»¹.

Философия обращает внимание на преступление и наказание и на их сущность с точки зрения их места и роли в общесоциальном механизме, оправдания или осуждения их юридической природы с позиций этических норм, духовно-нравственных ценностей². Поэтому, для того чтобы учение о преступлении и наказании было методологически правильно построено и давало максимальный эффект для общества, оно должно быть ориентировано не только на юридические дисциплины, но, прежде всего, на философию, и только при посредстве нее на всю сумму гуманитарных наук, объединенных при помощи философии в цельную систему научного познания.

Порой, не понимая друг друга, философы и юристы выступают со взаимными обвинениями. Философы полагают, что юристы не в состоянии высказывать независимое, свободное мнение, поскольку они подчиняются требованиям формальных законов. Юристы же считают, что философы говорят много прекрасных, но весьма далеких от практической пользы вещей.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что философия порой пытается объяснить многие явления слишком сложными понятиями и категориями, не совсем доступными для юриспруденции. А это создает определенные проблемы для практического их применения. На самом деле, не столько сложна сама философия, сколько сложен язык, которым она излагается. Парадокс заключается также в том, что чем непонятнее, сложнее, запутаннее философская мысль, тем гениальнее считается философ.

Уверен, что каждый, кто осмелится взяться за исследование такой нелегкой и неблагодарной проблемы, как преступление и наказание, обязан тщательно и внимательно ознакомиться с трудами не только выдающихся юристов, но и известных философов, психологов, социологов, писателей, исследования которых име-

¹ Кант И. Из рукописного наследия. М.: Прогресс, 2000. С. 78.

² См.: Сыч К.А. Уголовное наказание и его классификации: опыт теоретического моделирования. СПб., 2002. С. 75.

ют отношение к этим институтам уголовного права. При этом, естественно, нельзя забывать, что в системе юридических наук философия права является фундаментальной наукой, а в сравнении с ней отраслевые науки носят преимущественно прикладное значение. От их единства и взаимопроникновения зависит успех развития, как первых, так и вторых.

А. Вебер подчеркивал, что «философия родилась в тот самый день, когда мысль отказалась объяснить природу посредством фантастических существ, перешедших в область басни, а вместо того стала объединять все субстанции или вечной силой и вечным разумом, или же, говоря ее собственным языком, основными началами и причинами»¹. Из этого следует, что всякая философия какого-либо явления есть исследование причин возникновения этого явления, условий его существования и видоизменений. Поэтому философия преступления и наказания, видимо, родилась тогда, когда человек начал задумываться о своем поведении, которое причиняет определенный вред другим людям, сообществу, а также о том, как предотвратить такого рода явления.

Как подчеркивали еще древние философы, только через философские категории мы в состоянии познать истину о понятии и сущности преступления и наказания, и именно эти категории являются методологически универсальными средствами, инструментами, методами познания природы общества.

Исходя из этих положений, я попытаюсь ответить на те вопросы, которые имеют философскую сущность: Что такое преступление вне уголовного закона? Где находятся причины и истоки поведения человека, преступного в частности? В чем заключается сущность наказания? Откуда оно появилось? За что и зачем наказывать? Кого и как наказывать? Кому принадлежит право наказания и кто это право дал? Нужно ли вообще наказание обществу и каково его будущее?

¹ Вебер А. История европейской философии. Киев, 1882. С. 10.

Глава I

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

*Понятие и сущность. Причины и истоки.
Личность преступника. Будущее преступности*

§ 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

I. Необходимым шагом к научному познанию понятия «преступление» должно стать отчетливое установление предмета, обозначаемого словом «преступление». Иначе говоря, необходимо, прежде всего, осознать то, что мы привыкли представлять, употребляя слово «преступление». Для этого недостаточно только изучения и описания преступления как категории юридической. Следует попытаться объяснить преступление как явление, как понятие философское.

Старое правовое, формальное и привычное значение понятия преступления не дает нам возможности познать его истинное содержание и сущность, а значит, и ясный смысл наказания, его социальное назначение. Главный недостаток значительного числа определений, на наш взгляд, заключается в том, что вместо анализа действительных причинных взаимоотношений, существующих в реальной действительности, догматика уголовного права весьма усиленно занималась и занимается анализом перечисленных в Уголовном кодексе преступных деяний, игнорируя аналогичные явления, данные вне Кодекса.

Как справедливо отмечает Е.Б. Кургузкина, «постижение подлинного понятия преступления не может в полной мере лежать

в рамках юридической науки и должно выходить за ее пределы»¹. Это утверждение полностью вытекает из высказывания Гегеля о том, что юридическая наука как наука о позитивном праве занимается не смыслом права и, соответственно, не смыслом преступного, а тем, что в данном месте и в данное время соответствующим властно-авторитетным образом установлено (позитивировано) как закон. Следовательно, уголовное право как юридическая наука в своем подходе к пониманию преступного исходит не из разума, а из авторитета, то есть властного установления².

С практической точки зрения, можно поставить вопрос: что должно считаться преступлением? Ответ простой: преступление есть деяние наказуемое. Именно так понимает преступление наука уголовного права. Ну а если более конкретно, то догматика уголовного права традиционно дает следующее определение понятию преступления: «Преступное деяние есть деяние, нарушающее нормы правопорядка».

Когда-то Апостол Павел произнес: «Где нет закона, нет и преступления» (Рим. 4:15). А уже в XX в. Л. Хулсман повторил то же самое в другой формулировке: «Это закон говорит, где есть преступление, это закон создает “преступление”»³. Однако юридическое, формальное определение понятия «преступление» не дает ответа на следующие теоретические вопросы. Каковы общие свойства деяний, которые в различные времена и у различных народов считались «преступными» и, соответственно, наказывались? Какие деяния являются преступными по своей природе? Можно ли найти хотя бы одно деяние, которое само по себе считалось бы преступлением во всех кодексах? Можно ли выделить те черты, которые являются общими для всех разновидностей преступления у различных социальных типов?

Совершенно справедливо утверждение Э.А. Позднякова о том, что юридический подход к преступлению и его определения фор-

¹ Кургузкина Е.Б. Понимание преступного // *Философские науки*. 2008. № 5. С. 84.

² См.: *Гегель Г.В.Ф. Философия права*. М., 2007. С. 283.

³ *Хулсман Л. Picnes. Perdue. Paris, 1982. P. 68.*

мальны и они ни в малейшей степени не удовлетворяют запросов тех, кто желает глубже проникнуть в суть феномена «преступление», раскрыть его глубинные основания и причины¹. Ведь чисто формальный характер понятия «преступление» дает возможность господствующей власти, исходя из различных соображений, в том числе политических, создавать системы, которые требуют этого понятия. В уголовном праве криминализация и декриминализация деяний при всем стремлении к наибольшей объективности все же не может быть свободна от волюнтаристского подхода тех, кто непосредственно занимается законотворчеством. Кроме того, не исключены случаи намеренной криминализации деяний, которые, не являясь общественно опасными, считаются таковыми только для узкого круга власть предержащих в защиту нарушения ими общественных интересов². В особенности это характерно для государств с авторитарным, недемократическим режимом управления.

Одним словом, следует согласиться с Ю.В. Голиком в том, что длительные и не поддающиеся учету попытки юристов дать полное и всеобъемлющее понятие преступления до сих пор ни к чему не привели³.

Не удовлетворившись юридическим определением преступления, некоторые мыслители решили разработать это понятие независимо от уголовных законов. Так, Э. Дюркгейм вслед за своим предшественником Р. Гарофало попытался дать некое социологическое определение преступления, которое бы отличалось от юридического, хотя социальное значение преступления сознавалось еще древними философами. Французский представитель социологической школы Г. Тард считал, что преступление следует объяснять, прежде всего, как явление социальное, а его происхождение — как историческое⁴.

¹ См.: Поздняков Э. Философия преступления. М., 2001. С. 58.

² Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 84.

³ См.: Голлик Ю.В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 24.

⁴ Тард Г.Д. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004. С. 7.

По Гегелю, сущностью преступления является его ничтожность с точки зрения незыблемости права как абсолютной ценности. Такой вывод вытекает из следующего тезиса философа: «Посредством преступления нечто изменяется, и предмет существует в этом изменении, но это существование есть противоположность себя самого и, тем самым, в себе ничтожно; ничтожность состоит в том, что право снято как право. Именно право как абсолютное не может быть снято, следовательно, проявление преступления ничтожно в себе, и эта ничтожность есть сущность преступного действия»¹.

П.А. Сорокин считает, что преступление есть явление чисто психическое, а не внешнее. Он пишет: «Преступным будет и может быть тот или иной акт не сам по себе, а лишь в том случае, когда в психическом переживании кого-нибудь он квалифицируется как преступный»². При этом преступление П.А. Сорокин понимает как конфликт разнородных шаблонов моделей поведения, существующих в данном обществе³.

Ряд авторов рассматривают преступление исключительно с биологической точки зрения: «Преступление есть выражение невозможности для индивида отказаться от гомеофагии (канныбализма, прямых или косвенных посягательств на жизнь): оно заключается в удовлетворении наших инстинктов и стрессов насчет наших ближних, вместо того чтобы искать “удовлетворения наших потребностей во внешнем мире”»⁴.

Представители утилитаризма исходили из того, что «преступление есть поступок, совершенный членом данной социальной группы и рассматриваемый остальными сочленами в качестве поступка, настолько вредного для группы или предполагающего такую степень антисоциального настроения у исполнителя, что

¹ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 145.

² Сорокин П.А. *Преступление и кара. Подвиг и награда*. СПб., 1914. С. 85.

³ Там же. С. 128–130.

⁴ Bahar. Une nouvelle definition du crime basse sur la science biologique // *Revue pénitentiare*. 1895. P. 739.

первые, стремясь защитить свое благосостояние, реагируют на него публично, открыто и коллективно»¹.

Исходя из этого, они делают вывод, что преступление есть не только государственное, но и общественное явление. Э. Ферри, не соглашаясь с Л.П. Мануврие², утверждающим исключительно социальный характер преступления как явления, называет преступление «естественным и социальным явлением», ибо преступление, будучи явлением социальным, в то же время есть проявление биологической стороны индивидов³.

Несовершенство вышеперечисленных, а также многих других определений связано, как видим, с тем, что юридическое определение преступления не дает ответа на следующий вопрос: достаточно ли одного деяния, которое запрещено законом, для установления понятия о преступлении?

Следует отметить, что в последнее время, наряду с юридическим определением понятия «преступление», в научный оборот введен термин «преступление» в криминологическом смысле, под которым предложено понимать виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве преступления законом⁴. Одновременно Д.А. Шестаков предложил выделять и мнимое преступление — деяние, необоснованно запрещенное законом под страхом уголовного наказания.

Какое действие следует считать преступным, а какое — нет, — вопрос, на который не существует однозначного ответа. В соответствии с афинским законодательством Сократ был преступником, однако сейчас мы считаем, что его «преступное деяние» было полезным не только для его родины, но и всего человечества. В Спарте младенцы, родившиеся уродами, истреблялись как неспособные

¹ Макаревич. Указ. соч. С. 80, 89.

² *Manovrier*. Les aptitudes et les acts // Bull. de la soc. d'anthr. Paris, 1890; Elle nouvelle, oct. 1893.

³ Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 102.

⁴ См.: Шестаков Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб., 2001.

к службе, негодные для государства. У арабов, до Корана, закапывание живыми родившихся девочек не расценивалось как преступление и даже не осуждалось, поскольку для семьи женщины были как бы тяжестью, грузом, не способными выполнять работу. Это было связано также с нехваткой мужского пола, необходимого для ведения боевых действий. Неповинный, честный Аристид был изгнан из Афин только за то, что его соперничество с Фемистоклом вредило борьбе с персами, нарушая единство и согласие партий. А для последователя Зороастра самым тяжким преступлением считалось закапывание в землю мертвых. Вместо этого трупы оставляли собакам или хищным птицам. У греков величайшим преступлением считалось не завернуть мертвого в саван.

Можно привести множество таких примеров из истории любого народа. Прав Г.В. Мальцев, утверждая, что «одно было и остается неизменным: всякое сообщество, древнее или современное, причисляет к категории преступных те поступки своих членов, которые по опыту представляются ему опасными для общего дела, причиняющими вред коллективу и отдельным его членам, несущими угрозу развала социальной организации. Все это ныне резюмируется в понятие общественной опасности преступного деяния»¹.

Из всего этого следует, что «преступление» — это всего лишь понятие, применяемое в определенных социальных ситуациях. Один и тот же по содержанию поступок в различные исторические времена, в разных обществах и в разном социальном контексте может расцениваться как антиобщественный, социально нейтральный или общественно одобряемый. Так, во времена Арабского халифата халиф Умар, руководствуясь заповедью о том, что сомнения смягчают наказания, отменил наказание за воровство в голодный год. Т. Тард отмечает: «Система добродетелей, так же как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории»². Существовали народы, у которых кража и грабеж

¹ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 420.

² Тард Г.Д. Сравнительная преступность. М., 1907. С. 33.

не только не являлись преступлениями, но, напротив, считались добродетелью.

Каждое общество порождает определенное количество определенных же видов преступлений, являющихся следствием его структуры и общего состояния. Понятие преступления связано с господствующими в том или ином обществе идеями, с представлениями о том, что преступно и должно влечь за собой уголовное наказание, а что — нет.

Действительные основания причисления одних деяний к разряду уголовных, а других — к административным или гражданским могут быть найдены только на почве знания о ходе исторического развития того или иного народа. То же самое поведение, которое не одобряется обществом в данное время и в данном месте, может одобряться в другое время и в другом месте. И очень трудно определить, какое поведение — одобряемое, а какое — неодобряемое. Изучение преступления вне времени и пространства, путем вынесения его из той социальной среды, в которой оно существует, невозможно. Поэтому кого считать преступником и когда — также дело времени и исторического периода.

В связи с этим П.А. Сорокин подчеркивал: «Сравнивая конкретные акты, называемые преступными различными кодексами, оказывается, нельзя указать ни одного акта, который бы всеми кодексами считался таковым. Даже такие преступления, как убийство, и то не всегда и везде считаются за преступления»¹.

Возникают ситуации, когда состояние общества, общепринятые нормы и ценности почему-либо утрачивают обязательный характер, подавляющим большинством населения ставятся под сомнение их целесообразность и справедливость. Например, спекуляция и обман покупателей в советский период считались преступлениями, хотя население страны понимало бессмысленность и несправедливость установления уголовной ответственности за эти деяния.

¹ *Сорокин П.А.* Преступление и кара. Подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Сост., вступ. ст. и предисл. В.В. Сапова. М., 2006. С. 128–130.

Как известно, для многих народов употребление спиртных напитков имеет давнюю традицию, а для некоторых даже является характерной чертой. Установлено также, что определенная часть насильственных преступлений совершается именно в состоянии алкогольного опьянения. Следует иметь в виду и то, что от злоупотребления спиртным ежегодно умирают десятки и даже сотни тысяч людей. Разве в данном случае это явление не наносит вреда самому человеку и всему обществу? Почему же потребление наркотических веществ считается опасным для общества и является преступлением, а злоупотребление спиртными напитками — нет?

В свое время советское уголовное законодательство совершение преступления в состоянии опьянения расценивало даже как смягчающее обстоятельство при назначении наказания. Потом пришлось от этого отказаться. Поэтому в перспективе не исключается, что пьянство, то есть употребление спиртных напитков, может быть рассмотрено как преступление.

В принципе, количество поступков, которые можно определить как преступления, возрастает.

Так, например, законодательство может ввести ответственность за действия женщин, занимающихся проституцией, исходя из того, что их число неуклонно возрастает, хотя это явление (деяние) существовало еще в древности, когда их побивали камнями и когда общественное мнение преследовало их своим негодованием.

Когда-то у народов Кавказа (да и у многих других народов) был обычай похищения девушки. Он не считался преступлением, ибо не преследовалось цели нанесения вреда девушке или ее родственникам. Наоборот, она получала возможность выйти замуж и создать свою семью. С точки зрения морали, можно считать, что этот обычай — порочный, ибо девушка, возможно, не согласна выйти замуж без любви. Однако обычная жизнь кавказцев в те времена была такова, что подавляющая часть девушек выходили замуж, даже не зная, за кого их выдают. Иными словами, обычай, традиции считали такого рода деяния не преступлением, а совершенно нормальным явлением. Позднее, в период Советской власти, это деяние расценивалось как похищение и считалось преступлением — пережитком прошлого. Итак, нет такого дея-

ния, которое бы во все времена у всех народов считалось преступлением.

Законы, в том числе и уголовный, предписывают добрые обычаи и запрещают плохие. Однако есть множество случаев, когда законодатель и общество признавали общественно опасными и вредными обычаи, которые, на самом деле, были полезными, и наоборот. Так, например, в Персии закон не считал преступным половое сношение сына с матерью, тогда как общение с иноверной признавалось тяжким преступлением, несравнимо более опасным. Обычаи являются как бы источниками и началами, из которых вытекают законы.

Согласно этимологии данного слова, обычай — это форма обыкновенного, то есть привычного, повторяющегося поведения¹. Д.А. Дриль считал, что «обычай — не общее, наперед установленное обязательное правило для будущих действий, а только решения, хотя вследствие частой повторяемости решение обобщаемое, но по мере особенностей, представляющихся новых случаев допускающее изменения»².

Неверно думать, что правовой обычай — это нечто архаическое, оставшееся от времени доиндустриального общества. Обычай, в том числе и правовой, — живой, развивающийся элемент социальной регуляции современной общественной жизни³.

Хотя уже давно установлен запрет на кровную месть, но фактически она и по сей день существует у некоторых народностей. И ничего удивительного в этом нет. Человек, не являющийся кавказцем, считает кровную месть пережитком прошлого, звериным законом безжалостного возмездия. Может быть, и так. Однако закон кровной мести гораздо сложнее и более разностороннее, чем большинство европейских законов. Кровная месть просто так, мгновенно не возникает и не исчезает. Кавказец с младенчества

¹ См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 637–638.

² *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2010. С. 224.

³ См.: *Лапаева В.В.* Социология права. М., 2011. С. 177.

знает все правила кровной мести и хранит их в своем сознании. В принципе, кровная месть в основе своей является единственной преградой на пути массовых убийств. Только благодаря кровной мести на Кавказе долгие годы сохранялся порядок, который всех устраивал. Страх и правила (условия) мести способствовали, а точнее, служили основанием взаимоотношений племен, людей. Преследовать врага до конца жизни считалось священным долгом кавказца.

Что такое кровная месть? Можно считать, что она является священным долгом, который теоретически приводит к бесконечной цепи, ибо порождает новый виток мести, и так без конца. «Не только кровная месть, но и все формы наказания — от самых примитивных до самых совершенных — являются выражением мести»¹.

На самом деле, убийство из мести — это ответная реакция индивида на несправедливое, неправильное поведение, которое причинило смерть или какое-либо увечье ему или одному из членов его семьи, рода, племени, группы. Это не оборона от нападения, ибо она возникает уже после того, как причинен вред, и потому о защите от грозящей опасности говорить уже поздно. Кровная месть может быть направлена не только против того, кто причинил вред, но также и в отношении других членов группы. Согласно Э. Фромму, человек берется вершить правосудие, когда теряет веру. «В своей жажде мести он больше не нуждается в авторитетах, он — “высший судья”, и, совершая акт мести, он сам себя чувствует и ангелом и Богом... это его звездный час»².

Вспоминается факт, имевший место в Ленкоранском районе Азербайджана в начале 90-х годов XX в., когда несовершеннолетний Р. прямо на глазах у присутствующих в зале суда застрелил убийцу своего отца. И это сейчас, в наше время, а не в прошлом, в древности. Почему мстительность является такой глубоко укоренившейся и интенсивной страстью?

Может быть, человеку присуще элементарное чувство справедливости? В нашем реальном примере, на самом деле, у несо-

¹ *Menninger K.A.* The Crime of Punishment. New York, 1968.

² *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004. С. 380.

вершеннолетнего убийцы была уверенность в том, что суд вынесет несправедливый приговор, и поэтому он решил осуществить правосудие самолично.

Психологи утверждают, что жажда мести как глубинное чувство личности присуща всем людям, независимо от национальности и вероисповедания. Поэтому вряд ли можно согласиться с Э. Фроммом, утверждающим, что тот, кто достиг в своем развитии уровня, соответствующего христианскому и буддистскому идеалу человека, совершенно лишен мстительных чувств. Во-первых, Библия признает месть. Во-вторых, в таком случае можно говорить также о мусульманине, соблюдающем все принципы ислама.

По Э. Фромму получается, что убийство из мести исчезнет с религиозным развитием человека. В настоящее время вряд ли возможно найти человека, достигшего такого уровня. Как раз наоборот: в современных условиях убийства на религиозной почве достигли своего пика.

Следует отметить, что в свое время кровная месть выполняла, на самом деле, определенную социальную роль в обеспечении стабильности общества. Она являлась сильнейшим средством предупреждения тяжких преступлений в обществе.

В Мекке до ислама не было ни суда, ни тюрьмы, ни наказания. Племя охраняло своих достойных членов по правилам обычаев. В частности, когда рождалось много девочек, бедуин находил простой способ их убийства. Безжалостные обычаи пустыни разрешали лишних дочерей живьем зарывать в землю, чтобы они не были грузом для племени и не уменьшали долю мальчиков, отсасывая материнское молоко. Однажды в Каабе мимо Пророка Мухаммеда проходила маленькая девочка. Он подозвал ребенка, ласково погладил ее по голове и начал напевать ей детские песни. Вокруг сидели курейшиты; они, глядя на девочку и Пророка, неодобрительно покачивали головами — ведь девочки считались бесполезными созданиями. Один пожилой курейшит, который не мог более смотреть на это бесстыдство, подойдя к Мухаммеду, сказал: «Что ласкаешь ребенка? Или ты не знаешь, что даже разрешено безнаказанно убивать девочек?» Тогда Пророк поднялся и решительно возвестил еще один новый аят Корана: «Добры с ро-

дителями будьте в их краткий в этой жизни час; Детей в нужде не убивайте — прокормим их, и с ними вас» (Коран. Сура 6, аят 152). Вот так возник важный закон ислама, который положил конец обычаю, существовавшему в пустыне испокон веков.

Иногда обычаи и традиции оказываются настолько глубоко укорененными в сознании и в условиях жизни людей, что их отмена или запрет происходит поэтапно, а не сразу. Так, например, запрет на спиртное, по Корану, был наложен в момент, когда однажды несколько верующих в пьяном виде пришли на намаз и их движения возбудили нездоровое внимание. Тогда в Коране появляется следующий аят: «Они спрашивают тебя об опьяняющих напитках и азартных играх. Скажи: “В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы”» (Коран. Сура 2, аят 219).

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что Г. Оппенгеймер, скорее всего из-за незнания Корана, неверно излагает причину запрета употребления спиртных напитков в Исламе. Он пишет: «Мы можем, например, быть уверенными, что мотив для наказания пьянства в магометанском, китайском и мексиканском праве лежал в сфере верований в магию, и алкоголь, подобно другим ядам, рассматривался, благодаря своему специфическому действию, как обладающий сверхъестественными свойствами»¹.

Как видим, Коран в этом аяте строго не запрещает употребление спиртных напитков, а также азартные игры, то есть за это ответственности не наступает. Наоборот, даже говорится о некоторой пользе от этих занятий.

Дело в том, что у арабов в доисламскую эпоху тысячелетиями существовали свои обычаи и нравственные качества. В частности, они хвалились употреблением вина, но не потому, что это само по себе было предметом гордости, а по той причине, что считали подобное одним из проявлений щедрости (карам), точнее, средством побуждения души к расточительности. Если заглянуть в доислам-

¹ Оппенгеймер Г. Исторические исследования о происхождении наказания. М., 2012. С. 77.

ские поэтические сборники, мы увидим множество посвященных вину хвалебных стихов.

То же самое можно сказать в отношении азартных игр (май-сир), считая, что это занятие является одним из проявлений щедрости, так как все, что они выигрывали, или все, что оставалось у выигравших за вычетом их ставок, тратилось на пищу для бедных. Данный аят Корана, скорее, воздействует на людей путем убеждения, а не принуждения. Позднее появляется аят 43 Суры 4-й Корана, где Аллах посылает людям следующее: «О те, которые уверовали! Не приближайтесь к намазу, будучи пьяными, пока не станете понимать то, что произносите...» Как видим, в этом аяте Корана отношение к спиртному более строгое, но еще не считается грехом, а на юридическом языке — преступлением.

Последние аяты Корана, посвященные спиртным напиткам и азартным играм, практически запрещают эти занятия и предусматривают наказания за них: «О те, которые уверовали! Воистину, опьяняющие напитки, азартные игры являются скверной из деяний дьявола. Сторонитесь же ее, — быть может, вы преуспеете» (Коран. Сура 5, аят 90); «Воистину, дьявол при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Неужели вы не прекратите?» (Коран. Сура 5, аят 91). Именно на основании этих установлений Корана сегодня некоторые страны мусульманского мира считают подобные деяния преступлениями, за которые предусмотрены строгие меры наказания.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо отметить, что в Коране и других источниках мусульманского права подробно рассматриваются вопросы, относящиеся к различным институтам уголовного права, в том числе институту преступления.

По мусульманскому праву правила поведения регулируются религиозными, юридическими, нравственными нормами, обычаями, правилами вежливости и этикета. Согласно Корану, жизнь человека находится под постоянным контролем Аллаха, который оценивает каждый поступок с точки зрения его соответствия религиозным предписаниям (нормам). В нем неоднократно под-

черкивается, что Аллах видит все, что делают люди, от него «не скрыто ничто на земле и на небе».

Поэтому любое преступное поведение — это не только отклонение, нарушение норм права, за которое следует наказание в этой жизни, в то же время оно выступает и как религиозный грех, влекущий наказание в потустороннем мире. А это означает, что преступление, по Корану, можно рассматривать как отклонение от предписания юридических норм, а также как религиозный грех.

Вопросы преступления и наказания затрагиваются в правовых нормах 4-й Суры (аяты 33, 34, 94, 95) Корана. Однако, несмотря на религиозно-правовой характер указанных аятов, Коран нельзя назвать юридическим кодексом в современном понимании.

При исследовании понятия преступления мусульманские правоведы исходили из двух основополагающих философско-богословских начал. Прежде всего, они полагали, что все поступки и даже мысли людей так или иначе предопределяются волей Аллаха. Однако рамки, установленные Кораном, достаточно гибки для того, чтобы позволить человеку самостоятельно выбирать вариант своего поведения во многих жизненных ситуациях. Поэтому Коран дает общее направление, основные принципы и нормы по защите пяти основных ценностей: религии, жизни, разума, продолжения потомства и собственности.

С точки зрения крупнейших представителей мусульманско-правовой теории преступления, преступное поведение (преступление) в формально-юридическом значении состоит в совершении запрещенного и наказуемого Аллахом деяния.

В настоящее время Коран практически не используется как юридическое средство во многих мусульманских странах, но продолжает действовать в духовном плане, в целях предотвращения преступлений. Вследствие этого возникают противоречия между уголовным законодательством и религиозными догмами. Это вполне естественно, ибо, сколь бы Коран одновременно ни был глубок и тонок, конкретен, универсален и многомерен, ряд Его положений, норм не могут быть буквально и непосредственно отражены, реализованы в современных уголовно-правовых законодательствах мусульманских государств.

Итак, суть преступления не может быть выявлена посредством одних лишь теоретических и прикладных криминологических исследований юридического характера, без привлечения социологических, психологических, статистических, философских средств познания. Криминология не дает всеобъемлющих юридических, экономических, социологических, психологических рекомендаций о преступлении, она лишь информирует общество о состоянии преступности и предлагает соответствующие средства борьбы с этим явлением. В преступном деянии всегда остается нечто загадочное и таинственное, пребывающее на глубинных уровнях, непроницаемых для криминологического анализа. Вследствие этого возникает проблема недостаточности аналитических средств, которыми располагает криминология и другие частные дисциплины.

По объективным свойствам преступление является посягательством конкретного человека на установившийся в обществе порядок отношений между людьми, коллективами и личностью. Это делает преступление *социальным*, ибо взаимодействие тех или иных единиц составляет сущность социального явления. Совершая то или иное преступление, человек включается во взаимодействие с другим членом общества, социальной группой, с обществом в целом. Однако под социальным взаимодействием следует понимать не все виды взаимодействия, а лишь такие, которые не имеются нигде, кроме человеческого общежития, то есть между людьми или между организациями. Следует также особо подчеркнуть, что преступление является социальным явлением в силу того, что тот или иной акт поведения всегда сопровождается психическими переживаниями.

Следовательно, по форме взаимодействия людей между собой, не имеющие никакого отношения к психическим формам, в сферу социальных явлений не входят. А мы знаем, что преступное поведение всегда сопровождается психическими переживаниями. П. Сорокин отмечает: «Всякое взаимодействие, между кем бы оно ни происходило, раз оно обладает психическим характером — будет социальным явлением»¹.

¹ Сорокин П. Преступление и кара. Подвиг и награда. СПб., 1914. С. 19.

Совокупность индивидов, находящихся в психическом взаимодействии друг с другом, составляет социальную группу, или социальный агрегат. Поэтому преступление является результатом отсутствия необходимых условий для возможности правильного психического взаимодействия людей, в результате чего нет одинакового проявления одинаковых психических переживаний различными членами общества. Иначе говоря, социальные условия в обществе создают неодинаковые возможности для людей, а это приводит к неправильному психическому взаимодействию между ними, а значит, к конфликту.

Но дело не только во внешних социальных условиях. Члены общества или группы, в силу индивидуальности человеческой природы, неодинаково понимают и принимают те или иные условия общества, в котором они живут. А это в конце концов приводит к противоречию интересов индивидуума и общества, которое иногда завершается преступлением. В итоге мы имеем специфическую социальную группу, отделившуюся от общества, которая характеризуется повторяемостью, массовостью, типичностью, общественной опасностью, и таким образом становится исходным моментом социологического анализа.

Итак, предмет социологии преступления в конечном счете замыкается на поведении человека вообще и преступного в частности. Поэтому, в принципе, преступление возможно рассматривать как социально-психологическое явление. Однако для понимания сущности преступления этого недостаточно. Необходимо философское осмысление и познание этого феномена.

Следует отметить, что в последнее время в философской литературе уделяется достаточно серьезное внимание проблемам преступления и преступности. Опубликована монография Э.А. Позднякова — «Философия преступления». Защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д.С. Бабичева под названием «Политико-правовое исследование философии преступности». А.П. Дубнов и В.А. Дубовцев опубликовали книгу «Философия преступности. Проблемы криминализации российского общества» (1999). И, наконец, совсем

недавно увидела свет солидная монография А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности» (2013).

При этом следует отметить, что авторы не различают понятий «философия преступления» и «философия преступности». Так, Д.С. Бабичев, в частности, пишет: «Исследование же философии преступности предполагает рассмотрение феномена преступности как неизбежную реальность бытия, которая способна к непрерывному существованию и развитию»¹. В другом месте автор даже предлагает при исследовании *философии преступности* опираться на знания, полученные в области философии, философии права, социологии и других гуманитарных наук².

Отметим сразу, что автор, наряду с понятием «философия преступности», в работе неоднократно использует также понятие «философия преступления». По его мнению, исследование философии преступности предполагает философское осмысление природы феномена правонарушения, рассмотрение его сущности с позиции абсолютного проявления «зла», исходящего от человека. Именно «зло» как явление, содержащееся в человеке, составляющее его сущность и руководящее его поступками, по мнению автора, порождает в нем преступные начала. С этим нельзя не согласиться, так как Д.С. Бабичев справедливо полагает, что причины преступного поведения следует искать в самом человеке. Таким образом, автор дает ответ на философский вопрос о том, почему человек совершает преступление, и, тем самым, хочет он того или нет, подтверждает правильность использования понятия «философия преступления», а не «философия преступности».

Нельзя согласиться также с доводами А.И. Александрова относительно использования понятия «философия преступности»³. Употребляя это понятие, автор, на самом деле, говорит о понятии «философия преступления». Так, на стр. 65 своей монографии он пишет: «Философия преступности должна адекватно постичь

¹ Бабичев Д.С. Политико-правовое исследование философии преступности: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 40.

² Там же. С. 22.

³ Александров А.И. Философия зла и философия преступности. СПб., 2013.

философско-теоретический смысл и сущность феномена правонарушения, границы и степень его соотношения с правомерным поведением, выявить основные причины и условия возникновения и сохранения жизнеспособности преступного поведения, а также выработать методологические предпосылки если не преодоления его, то, хотя бы, минимизации. Именно это является ее исследовательскими задачами как вполне самостоятельного и перспективного направления научного исследования».

Во-первых, смысл и сущность феномена правонарушения, в том числе, естественно, и преступления, причины и истоки преступного поведения — это объект исследования философии преступления, ибо на вопрос, что такое преступление и где истоки, корни этого явления, отвечает не философия преступности, а философия преступления.

Автор на стр. 69, еще раз возвращаясь к этому вопросу, отмечает: «При философском исследовании преступности нужно ответить на ряд вопросов: почему человек совершает преступление; какие заложенные в нем свойства толкают его на поступки, квалифицируемые как преступление...»

Если эти вопросы отнести к философии преступности, то спрашивается, на какие вопросы должна дать ответ философия преступления? Если исходить из того, что это не имеет принципиального значения, тогда получается, что разницы между понятиями «преступность» и «преступление» не существует, хотя позднее А.И. Александров как раз рассматривает эти явления как связи общего и единичного, количества и качества (стр. 85).

Во-вторых, автор, на наш взгляд, ошибается, утверждая, что «философия преступности» должна выработать методологические предпосылки если не преодоления преступности, то хотя бы ее минимизации. Фактически речь идет об уголовной политике по борьбе с преступностью. А это уже объект не философского исследования, а криминологии и уголовного права.

Однако, чтобы убедиться в правильности применения понятий «философия преступления» и «философия преступности», на наш взгляд, следует рассмотреть взаимосвязь, самостоятельность и соотносительность понятий «преступление» и «преступность».

Важность и необходимость разграничения этих понятий состоит в том, что именно от того, как будет пониматься их соотношение, зависит вообще методологический подход к исследованию причин преступности и преступления. Иными словами, если преступность отличается от преступления качественно, если это не однопорядковые явления, то совершенно очевидна и естественна бесперспективность изучения преступности путем познания причин конкретных преступных деяний.

II. Понятия «преступление» и «преступность» можно рассматривать как соотношение части и целого. Поэтому для правильного понимания этой проблемы необходимо, в частности, использовать философские категории целого и частного.

Еще мыслители прошлого, начиная с Аристотеля, сталкивались с неразрешимыми трудностями при определении этих понятий. Достаточно глубокие исследования в этом направлении были сделаны Гегелем, который пытался преодолеть эти трудности. Нам же, юристам, остается только использовать в своих исследованиях то, что считается общепризнанным.

Гегель пишет: «...вещь как *эта* вещь есть это их чисто количественное соотношение, есть простое скопление их “также”. Она состоит из того или иного определенного количества одного вещества, состоит также из определенного количества другого вещества, а также из других: вещь составляет только связь, состоящую в отсутствии всякой связи»¹.

Понимание преступности как вещи приводит А. Лепса к следующему выводу: «Преступность как вещь состоит из разных преступлений, которые имеют только какое-то количественное соотношение между разными преступлениями или их группами или “их простое скопление”, или их “также”. Равным образом мы можем сказать, что преступность как сумма разных преступлений не имеет связи между разными преступлениями»².

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб., 2002. С. 448.

² Лепс А. Философия Гегеля и преступность как явление сущности // Юридические науки и образование. 2012. № 35. С. 167.

Далее автор из теории переходит в область практики и утверждает, что «современная криминология сегодня складывает вместе преступления, совершенные на какой-то территории за определенный промежуток времени, в результате чего и получается совершенно новое явление — преступность, как явление сущности, которая рассматривается динамически, изучается ее структура, сравнивается с количеством населения и т. д. Конечно, у таких “справок” есть определенное оперативное значение в повседневной работе учреждений, относящихся к правоохранительным органам. Но таким “справкам” часто пытаются дать научную ценность, хотя дело далеко от науки»¹.

Итак, А. Лепс полагает, что преступность как новое явление есть результат суммы отдельных преступлений на определенной территории. Этим автор подчеркивает количественно-статистический характер понятия «преступность». Возражений нет. Одновременно А. Лепс отмечает, что новое образование под названием «преступность» — явление сущности, имеющее структуру, динамику, тенденцию, характер и т. д. Тогда возникает вопрос: может ли преступность как явление сущности, характеризующаяся перечисленными признаками, иметь только количественную характеристику, без качественных свойств? В связи с этим возникает достаточно много и других принципиальных вопросов, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение. Существуют ли отдельные преступления как части самостоятельно в преступности как в целом, или же они неотделимы от нее? Каким образом отдельные преступления объединяются в преступности — естественным или искусственным путем? По качественным или количественным признакам? Приводят ли взаимодействия отдельных преступлений в преступности к возникновению новых качеств целого, не свойственных преступлениям как части? Что возникает раньше: отдельное преступление как часть целого или преступность как целое?

Сегодня преступность характеризуется как отрицательное социально-правовое явление, а также как социальное либо как одновременно социальное и философско-правовое явление, как один

¹ Там же. С. 468–470.

из параметров общества, характеризующих состояние социального механизма, рассогласованность между его составными частями¹.

Весьма оригинальное определение преступности дает А.И. Александров. На вопрос, что такое преступность, автор отвечает: «Преступность — это массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета»². Какой вывод вытекает из этого определения? Массовое решение людьми своих проблем подчеркивает сознательный, организованный, целенаправленный характер преступности, а не стихийный. Иначе говоря, чтобы решить свои проблемы, определенная группа людей, то есть определенная масса, собирается, заранее договаривается и приходит к единому массовому решению относительно нарушения уголовного запрета о совершении преступлений в определенный период времени на определенной территории. При этом не имеет значения характер этих преступлений. Возможно ли подобное массовое решение?

Существует и другая позиция, которая не менее была распространена как в постсоветском пространстве, так и в зарубежной криминологии: преступность есть совокупность всех конкретных преступлений, совершенных в определенный период времени в данном обществе или регионе³.

Некоторые авторы полагают, что это определение носит формальный характер, определяя лишь нормативную сторону преступности и не вскрывая сущности этого общественного явления⁴.

¹ См.: Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997; Криминология для юридических вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997; *Спиридонов Л.И.* Социология преступности. М., 1978 и др.

² *Александров А.И.* Указ. соч. С. 71.

³ См.: Криминология / Под ред. И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.Б. Сахарова. М., 1976; Криминология / Под ред. В.Г. Звирбуля, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1979; *Вермет М.* Основные проблемы криминологии / Пер. с венг. М.: Прогресс, 1978; *Холыст Б.* Криминология. Основные проблемы / Пер. с польск. М., 1980 и др.

⁴ См.: *Шапиев С.* Преступность и общество (Криминологическое теоретико-прикладное исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2000. С. 31–32.

Как известно, любое общественное явление предстает как элемент социальной системы, каковой выступает общество. В рамках этой системы анализируются все социальные явления и процессы в их взаимодействии. К таким явлениям относится и преступность. Используя статистический метод познания, социология представляет общественный материал о качественных и количественных изменениях преступности. На основании этих материалов криминология изучает состояние, динамику, структуру преступности, то есть все то, что связано со статистикой преступности, которая складывается из деяний, совершенных людьми в обществе и против интересов общества.

Особенность преступности состоит в том, что каждое отдельное преступление есть результат сознательной деятельности человека, а цифры по преступности складываются стихийно, то есть статистика по преступности может не соответствовать реальности. Разумеется, нельзя ограничиваться только статистическим анализом преступности, не затрагивая проблемы ее социального и исторического происхождения. Преступность — это в то же время относительно массовое, исторически изменчивое, социальное, имеющее уголовно-правовой характер явление.

Однако социальный характер преступности обусловлен социальной сущностью конкретного преступления, а не тем, что преступность имеет социальные корни и причины. Что имеется в виду?

Дело в том, что поведение людей — явление, принадлежащее к социальной категории, а преступление, как известно, разновидность поведения. Поэтому, прежде чем изучать преступное поведение в качестве явления социальной категории, необходимо дать определение того, что мы понимаем под социальным поведением. «Под социальными явлениями, — отмечает Л. Гумплович, — мы понимаем отношения, возникающие из взаимодействия человеческих групп и общений»¹. По мнению Г. Зиммеля, социальное явление или общество «существует там, где несколько индивидов состоят во взаимодействии»².

¹ Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899. С. 113, 105, 106, 116, 265 и др.

² Зиммель Г. Sociologie. Leipzig, 1908. С. 5–7, 31–39.

Как видим, разница во взглядах между Г. Зиммелем и Л. Гумпловичем состоит в том, что последний в качестве элемента взаимодействия рассматривает группу, а не индивида, хотя принципиального значения в этом нет, ибо «несколько индивидов» тоже можно принять за группу.

С точки зрения социологии, социальное явление как объект социологии есть, прежде всего, взаимодействие тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками. Однако всякое взаимодействие людей всегда сопровождается определенными внутренними процессами между общающимися. Иначе говоря, анализируя социальные явления, и в частности поведение людей, живущих в группе, и пытаясь расчленить на те или иные категории бесконечно разнородные поступки, следует всегда исходить из анализа тех психических переживаний, которыми сопровождается тот или иной акт поведения человека.

Поэтому представляется, что именно анализ психических переживаний даст ключ к объяснению любых поступков человека, в том числе и преступных. А это возможно, естественно, при использовании в социальных явлениях психологических категорий и понятий.

Следовательно, под социальным явлением следует понимать не любое взаимодействие, а лишь такое, которое обладает психической природой, совершенно независимо от того, между кем или чем оно совершается. В чем же состоит психическое взаимодействие?

С психологической точки зрения (внутренней), это взаимодействие сводится к обмену, желаниям и вообще ко всему тому, что известно под именем психических переживаний. При этом необязательно, чтобы взаимодействие носило длительный характер. Для психологического переживания достаточно, чтобы взаимодействие было кратковременным или случайным, например при совершении преступления без определенной и незапланированной подготовки, то есть спонтанно.

Социальность преступности как раз и заключается во взаимодействиях отдельных людей через понятие «преступление», то есть в результате совершения конкретных преступных деяний. Если когда-нибудь преступлений не будет, то, естественно, и от-

падает необходимость в использовании понятия «преступность как социальное явление».

Таким образом, если мы рассматриваем преступность как статистический числовой показатель (например, в 2011 г. в Азербайджане совершено 24 000 преступлений), то вряд ли можно говорить о социальном характере преступности, ибо это явление не служит продуктом взаимодействия людей, так же как к социальным явлениям не относятся такие характеристики, как пол, возраст, рост, вес, цвет волос и т. д. Другое дело, когда преступность рассматривается как совокупность отдельных, конкретных преступлений, если ее повторяемость, массовость, типичность, общественно опасная значимость установлены, то есть если зафиксированы ее признаки и свойства. В таком случае преступность как социальное явление становится исходным моментом социологического и криминологического исследования.

Вернемся к Гегелю: «Целое состоит из частей, без них оно не есть нечто... Поэтому целое и части обуславливают друг друга... каждая из них самостоятельна в самой себе, они два самостоятельных существования, безразличных друг другу... целое равно частям и части равны целому»¹.

Опираясь на логику соотношения части и целого, обратимся непосредственно к анализу его проявления в явлениях преступления и преступности. Под частью следует понимать единичное явление, то есть конкретное преступление, совокупность свойств, качеств, признаков которого определяет его специфику и особенность и, тем самым, отличают от всех других частей — преступлений. Так, например, убийство отличается от изнасилования, хотя они оба как части входят в одно и то же целое. Даже при всем множестве отдельных преступных проявлений исключается абсолютная тождественность хотя бы двух из них, ибо не существует в точности одинаковых преступлений, так же как и одинаковых субъектов, их совершивших. Вместе с тем нет такого отдельного преступления, которое существовало бы изолированно, само по себе, вне отношения с другими преступными явлениями. Грабеж

¹ Лесс А. Указ. соч. С. 173.

как преступление невозможно будет понять без уяснения содержания разбоя, иначе мы не сможем дать им правильную квалификацию.

Вообще, любое преступление не может ни возникнуть, ни существовать, ни исчезнуть без связи и взаимодействия с другими явлениями социальной, политической, правовой, духовной и нравственной жизни. Но если отдельные преступления (части) связаны между собой, взаимодействуют, следовательно, они имеют что-то общее, которое и относит их всех к одному и тому же целому (преступности).

И это общее, присущее всем, без исключения, преступлениям, составляет сущность преступного акта. Представляется, что именно *зло* как категория философская является сущностью преступления. Именно через категорию *зла* мы можем провести сравнительную характеристику отдельных преступлений. Например, убийство отличается от изнасилования многими свойствами, однако их объединяет то *зло*, которое и есть общее в обоих этих явлениях. Следовательно, как нет абсолютно сходных, тождественных преступлений, так и нет абсолютного различия между ними. Различия могут быть только в степени и характере зла. Итак, под общим применительно к преступлению следует понимать единство тех свойств и качеств, которые присущи всем им, без исключения.

Д.А. Керимов пишет: «Возникновение целого может иметь место только в том случае, если реально существуют его части, объединение определенной совокупности которых и создает некую целостную организацию»¹. Все это дает нам возможность утверждать, что не может быть преступности (целого) без отдельных преступлений (частей), равно как и наоборот; что они органически взаимосвязаны, зависимы, обусловлены. При этом следует особо подчеркнуть, что преступность как образование целого содержит в себе не только отдельные существенные свойства преступления, но всю совокупность характерных черт, особенностей, то есть преступность включает в себя преступление целиком. В результате, новое образование, то есть преступность, приобретает

¹ Керимов Д.А. Методология права. С. 212.

те свойства, которые составляют сущность преступления — зло. Таким образом, и преступление, и преступность характеризуются общей сущностью — злом. Преступность как целостное образование — это не только простая совокупность преступлений.

Преступность как целое по отношению к отдельным преступлениям, то есть к частям, носит объективный характер, закономерна, ее образование — необходимость. Л.О. Вольт отмечает, что «любое целое тем и отличается от механического агрегата, что оно обладает некоторой закономерной упорядоченностью, организацией частей»¹.

Исходя из этого, преступность следует рассматривать как систему, ибо, как отмечает В.Г. Афанасьев, «слов нет, всякое целое есть система»², потому что совокупность преступлений, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, не свойственных образующим, есть система. Преступность обладает также определенной структурой.

Признаком преступности как целого образования является обязательное наличие общей структуры, объединяющей отдельные преступления как части и накладывающей на них свой отпечаток.

Под структурой В.И. Свидерский понимает «принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого»³. Структура преступности характеризует внутреннюю форму ее организации. В самой этой структуре отдельные преступления входят в другое целое по различным своим признакам. Так, например, образуются группы преступлений несовершеннолетних, особо тяжких преступлений, экономической блока и т. д.

Преступность изменчива, нестабильна. Уровень устойчивости преступности зависит от природы, характера, свойств, дина-

¹ Вольт Л.О. Соотношение структуры и элементов // Вопросы философии. 1963. № 5. С. 45.

² Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964. С. 8–10.

³ Свидерский В.И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964. С. 135.

мики отдельных преступлений. Поэтому можно утверждать, что отдельные преступления, то есть части, первичны по отношению к преступности (целому), но вторичны по отношению к старым преступлениям. Это относится к тем деяниям, которые позднее получили статус преступных. Д.А. Керимов утверждает, что «именно целое составляет тот фундамент, на котором существуют, функционируют и развиваются части. Поэтому, какое бы значение ни имели части в составе целого, они в конечном счете носят подчиненный характер по отношению к целому»¹.

Но ведь за счет частей, то есть отдельных преступлений, целое — преступность — и существует, меняется. Ведь только путем учета и тщательного анализа конкретных преступлений можно углубить познание сущности преступности, обнаружить новые и конкретизировать известные закономерности ее развития. Это вовсе не умаляет значения целого, которое является объектом исследования общих причин преступности. Поэтому можно утверждать, что и отдельные преступления (части) и преступность в целом (целое) являются самостоятельным объектом научного исследования. К. Фишер отмечает: «Целое есть самостоятельное, а части суть лишь момент этого единства; однако в такой же мере и они обладают самостоятельностью, а рефлексивное единство есть лишь момент»².

Признание преступности в качестве социального явления неизбежно ведет к признанию ее обусловленности специфическими социальными причинами. Иначе говоря, если преступность, в отличие от отдельного преступления, не есть акт «свободной воли», то, следовательно, ее существование вызывается также какими-то стабильными, не зависящими от воли людей, действующими силами или причинами.

Преступность складывается из деяний, совершенных людьми в обществе и против интересов общества. Любое социальное изменение, каким бы незначительным оно ни казалось, прямо или косвенно оказывает влияние на уровень и динамику преступно-

¹ Керимов Д.А. Указ. соч. С. 219.

² Фишер К. Гегель: его жизнь, сомнения и учения. М.; Л., 1933. С. 390.

сти. Однако это нельзя связывать с причинами преступности, поскольку эти изменения, а также существующие вообще социальные условия оказывают влияние на преступность через индивидуумов, воздействуя отрицательно на их поведение.

Социология и криминология неоднократно возвращались к поиску факторов, влияющих на состояние, уровень, структуру, динамику различных проявлений преступности и негативных дефиниций в целом. Обнаружилось огромное множество таких факторов: экономических, политических, демографических, даже космических. Спрашивается, на кого они влияют? На личность, индивидуума или же на преступность как статистическую совокупность отдельных преступлений? Что мы должны исследовать в таком случае: влияние этих факторов на человека или же на преступность, которая невозможна без отдельных преступлений? Когда мы пытаемся ответить на вопрос о причинах преступности, то начинаем искать ответ в индивидууме, который совершил преступление как субъект деяния, и вопрос о причинах преступности отступает на второй план. Поэтому следует согласиться с Г. Манхейном, который полагал, что «настало время вообще отказаться от поисков причин преступности»¹ и серьезно заняться исследованием механизма истоков поведения человека, преступного в частности.

Итак, исследовать феномен преступности только на философском уровне, в отрыве от правовой действительности, не представляется возможным, так как преступность — сложное, многоаспектное и, прежде всего, социально-правовое явление, с присущими ему собственными характеристиками и закономерностями развития. Представляется, что преступность и преступление — разные понятия, поэтому между ними знак равенства ставить нельзя.

Используя статистический метод познания, социология представляет объективный материал о качественных и количественных изменениях преступности. На основании этих материалов криминология должна изучать состояние, динамику, структуру преступ-

¹ Манхейн Г. *Comparative Criminology*. London, 1965. P. 208.

ности, то есть все то, что связано со статистикой преступности. Что же касается причин преступного поведения человека, то это проблема не криминологии, а других наук: философии, психологии, биологии, генетики, одним словом, всех тех наук, которые изучают сущность человека в широком смысле слова. В связи с этим представляется, что следует исследовать не причины преступности, а причины преступного поведения человека, а также условия и обстоятельства, способствующие совершению этого деяния.

Преступность — результат обобщения материала, то есть обработка статистического материала, но не с целью выяснения причин преступного поведения человека, а для практического и теоретического использования в борьбе с этим явлением. Вот почему нельзя говорить о «философии преступности». Следует использовать термин «социология преступности», поскольку преступность — это в то же время социально-правовое явление. Предмет как социологии, так и философии преступления в конечном счете замыкается на поведении человека вообще и преступном в частности.

Говоря о философии преступления, следует также признать, что существует социология и психология преступления. Преступление — социально-психологическое и философско-правовое понятие. Поэтому мы не можем согласиться с Э.А. Поздняковым в том, что понятие преступления «как определение должно носить юридический характер, и другим просто не может быть»¹.

Понять сущность философии преступления возможно только после уяснения свободы воли человека, что является задачей философии как науки.

Философия преступления более конкретна в смысле предмета исследования и, естественно, зависима от подхода к решению проблемы в философии вообще. Она старается ответить на вопрос: почему человек в той или иной ситуации совершает преступное деяние? Н.А. Неклюдов полагает, что философия преступления есть наука, занимающаяся исследованием преступления на основании данных уголовной статистики. Он пишет: «...фило-

¹ Поздняков Э.А. Философия преступления. С. 82.

софия преступления как деяния будет не что иное, как отвлечение статистики качества и количества»¹.

Автор утверждает, что философия преступления как деяния не имеет целью исследовать то отношение, в котором находится преступное действие к нашему духу, — есть ли оно продукт безусловного произвола или относительной свободы лица, продукт его злой воли или просто следствие неизбежного рока, судьбы, — это задача философии вообще или философии уголовного права в особенности, словом, философии субъективной.

Итак, для Н.А. Неклюдова существует объективная философия преступлений, исходным пунктом которой являются внешние условия, а также субъективная философия, то есть злая воля как причина преступления. Иначе говоря, предметом объективной философии являются исключительно те внешние обстоятельства, которыми наиболее пользуется злая воля как предмет субъективной философии.

Таким образом, по мнению автора, с точки зрения объективной философии преступлений совершение преступного деяния обуславливается не одной злой волей, ибо она сама по себе бесплотна, а еще и внешними условиями.

Во-первых, вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что наука, занимающаяся исследованием преступления на основании данных уголовной статистики, есть философия преступления. Скорее, это наука криминология, которая занимается именно анализом данных статистики с целью выработки рекомендаций по борьбе с преступностью.

Во-вторых, изучение преступника и преступления вне времени и пространства, путем искусственного вынесения их из той социальной среды, из тех условий социального общежития, при которых они только и могут иметь место и с которыми они стоят в органической неразрывной связи, невозможно и не имеет никакого смысла.

В-третьих, когда мы говорим о философии преступления, речь идет о *деянии*, которое непосредственно связано с человеком вне

¹ Неклюдов Н.А. Уголовные статистические этюды. М., 2010. С. 5.

связи с внешним миром, то есть о «чистом деянии». В этом случае мы ищем ответ на вопрос: был ли человек свободен в выборе поведения, когда совершал преступление, или нет? Нас не интересуют условия и обстоятельства, в которых он находился и которые, на самом деле, могли бы способствовать этому. Вот почему мы считаем, что не имеет смысла делить философию преступления на субъективную и объективную.

Философия преступления есть вечное искание ответов на вопросы: свободен ли человек в выборе своего поведения? Где истоки преступного деяния?

§ 2. ПРИЧИНЫ И ИСТОКИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

I. Исторический экскурс. Учение о причинах преступления имеет богатую историю развития, насыщенную различного рода устоявшимися теориями, оригинальными взглядами и интересными соображениями философов, юристов, психологов, социологов, представителей религии, медиков и даже писателей. Некоторые из них, при внимательном изучении, представляются слишком примитивными, а порой даже смешными и непонятными. Тем не менее и они представляют огромный интерес в изучении вопроса о причинах преступления. В результате, на сегодняшний день существуют следующие общепризнанные подходы к определению причин, порождающих преступления: нормативно-юридический, философский, этический, религиозный, антропологический (результат биологических, естественных свойств человека), социологический и т. д. Возможно также историю этого вопроса разделить на следующие последовательные периоды.

В *доисторический период* эта проблема была предметом внимания философов, которые в отдельных кратких замечаниях касались понятия и причин преступления, так сказать, между прочим, при рассмотрении общих научных вопросов философии. Социальное значение преступления и его причин осознавалось древними философами еще со времен Солона, Пифагора, Протагора, то есть

до появления величайших древнегреческих мыслителей Платона и Аристотеля. В трактате «Горгий» Платон рассматривает причины преступления не как болезнь души преступника, а как болезнь государства, врачевание которой лежит на обязанности государственной власти. Иными словами, философ усматривает причины преступлений именно в социальных корнях общества, а не в самой личности.

В отличие от Платона, взгляды Аристотеля носят более цельный характер, ибо о причинах преступления он почти всегда говорит не с абстрактно-философской, как это делает Платон, а с уголовно-политической точки зрения. Аристотель также рассматривает причины преступления как социальное зло, с которым нужно бороться и, по возможности, предупреждать его. Стоики, философия которых имела космополитический характер, наоборот, считали, что преступление есть порочность человеческой натуры. Однако древние философы так и не смогли создать какую-либо устоявшуюся теорию относительно преступления и его причин, хотя их взгляды по этой проблеме сыграли неоценимую роль в развитии науки уголовного права.

Второй период начинается с появления **классической школы** уголовного права и связан с двумя великими явлениями — Гуманизмом и Реформацией. М.П. Чубинский совершенно справедливо отмечает, что, не будь Гуманизма и Реформации, не могла бы возникнуть и та естественно-правовая доктрина, которая привела к расцвету новых уголовно-правовых учений¹.

Политики, философы и юристы стали задумываться о новых подходах к проблеме причин преступления. Среди них были: Гуго Гроций, Гоббс, Спиноза, Локк, Фихте, Гомель, Фейербах и др. Без сомнения, они внесли огромный вклад в борьбу с устаревшими и отжившими свой век взглядами на понятие преступления и его причины и, соответственно, методами борьбы с этими явлениями. Но, к сожалению, никто из них не смог сделать того, что сделал Ч. Беккариа.

¹ Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2010. С. 136.

Э. Ферри писал: «Ни римляне, так прекрасно разработавшие гражданское право, ни средневековые юристы не сумели поднять уголовное право на высоту философской системы. Впервые Беккариа, руководствуясь, правда, скорее чувством, чем строго научным стремлением, дал толчок учению о преступлениях и наказаниях»¹.

Действительно, именно с именем Ч. Беккариа связано образование классической школы уголовного права, на принципах которой в дальнейшем строилась система уголовного права во всем цивилизованном мире. Научным методом этой школы было априорное изучение преступления как абстрактной юридической сущности. Одному из блестящих представителей этой школы Ф. Каррара принадлежат слова: «Преступление есть юридическое явление, нарушение, а не действие»².

Лучшие представители классической школы в России определяли преступление как явление, обнимающее собой сферу «юридических отношений»³ и как таковое являющееся объектом чистого юридического исследования, как выражался С.Н. Таганцев, «изучения юридической конструкции преступных деяний»⁴.

Таким образом, классическая школа исходила из того, что преступное деяние как фактическое отношение вне пределов юридического понятия не должно становиться предметом изучения криминолога, ибо для уголовного права, по словам В.Д. Набокова, «преступление и наказание суть понятия»⁵.

Такая конструкция понятия преступления с неизбежностью приводила к игнорированию личности преступника как субъекта преступного деяния. Это дало возможность обрушиться на классиков с вопросом: возможно ли изучить преступление без личности его совершившего? Э. Ферри по этому поводу писал: «Для криминалиста-классика личность преступника имеет совершенно

¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 22.

² Carrara. Programma, parte generale. 6-e ed., 1886. P. 1, 21–23.

³ Набоков В.Д. Сборник статей по уголовному праву. СПб., 1904. С. 8.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1902. Т. 1. С. 16.

⁵ Набоков В.Д. Указ. соч. С. 5.

второстепенное значение, как в прежнее время больной для врача. Преступник представляется ему существом, к которому применяются теоретические формулы, являющиеся продуктом теоретических измышлений, — одушевленным манекеном, на спину которого судья наклеивает номер статьи уголовного кодекса и который сам становится номером при исполнении судебного приговора»¹.

Далее, классическую школу обвиняли в том, что она, определяя преступление как явление юридическое, тем самым, исчерпывает содержание науки уголовного права, ограничивая пределы своего изучения преступления исключительно как явления юридического². Однако самое мощное и последовательное обвинение в адрес классической школы было направлено относительно того, что она принимает как подразумеваемый постулат свободу воли людей в результате совершения преступления, то есть именно от свободной воли людей зависит, совершать или совсем не совершать преступлений, совершать их тем или иным образом и в большем или меньшем количестве³.

На самом деле, классическая школа не отрицала принципиально возможности исследования преступников. Просто-напросто она оставляла его без внимания. Классическая школа подходила к преступнику в основном лишь с одной стороны — со стороны учиненного преступления, хотя и признавала, что исследование преступления без совершившего его субъекта невозможно. Поэтому утверждение о том, что классическая школа смотрела на преступление только как на юридическую сущность, как на деяние без деятеля, совершенно игнорируя влияние человеческих и социологических факторов на преступление, не соответствует действительности. Подтверждение тому можно обнаружить, в частности, в работе Ч. Беккариа «Преступление и наказание».

Как справедливо отмечает М.П. Чубинский, «именно после Беккариа широко развивается могучий реформаторский поток,

¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 32.

² См.: Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910. С. 1.

³ Ферри Э. Указ. соч. С. 33.

который, в конце концов, смел старые порядки уголовного правосудия и вызвал создание нового порядка, резко противоположного прежнему по своим принципам и организациям»¹.

Следует также подчеркнуть, что Ш. Монтескье, труды которого оказали сильное влияние на формирование взглядов Ч. Беккариа, был более позитивистом, чем все его предшественники (Эйро, Николя, Т. Мор), за исключением Бэкона, в том смысле, что он не только высказывал мысли, плодотворные для уголовной политики, но и стремился обосновать их. Понятно, что ни у Беккариа, ни у Монтескье не было в распоряжении богатого социологического, статистического и антропологического материала, которым владели позитивисты. Они в значительной мере пользовались лишь историческим материалом.

Позиция классиков, на наш взгляд, заключается в том, что изучение психофизической организации субъекта преступления не должно и не может быть предметом юридического, в частности криминологического, исследования, ибо изучение физической, биологической, психологической сущности человека является самостоятельной областью антропологического и социологического исследования.

В противном случае, наряду с понятием преступления, закрепленным в уголовном законодательстве, называемым «легальным определением», следует использовать также понятие, используемое в криминологии, то есть «материальное» или криминологическое определение.

В начале XIX столетия изучением преступления стала заниматься преимущественно *статистика*. Представляется, что будет правильным считать это началом нового, *третьего периода* исследования понятия и природы преступления в связи с личностью преступника.

Как известно, в отличие от физических и биологических, социальные явления, к которым относится и преступление, экспериментально изучить точно не представляется возможным. Поэтому приходится ограничиваться и удовлетворяться методом

¹ Чубинский М.П. Указ. соч. С. 218.

наблюдения в научных исследованиях в области социологии. Одним из наиболее полезных и эффективных орудий для таких наблюдений как раз и является статистика.

Г.Д. Тард писал: «Статистика есть нечто вроде развивающегося общественного чувства: у общества она — то же, что зрение у животных, и по определенности, постепенности, возрастающему обилию своих таблиц, графических кривых и раскрашенных карт она делает эту аналогию с каждым днем все более поразительной. И в действительности, глаз есть не что иное, как чудный аппарат для быстрого, моментального и оригинального исчисления оптических колебаний, которые он передает нам в форме непрерывного ряда видимых картин, вроде постоянного обновляющегося атласа»¹.

Статистика преступности появилась в Бельгии и во Франции под видом одной из глав моральной статистики. Группа ученых, которые, не имея цели изучить преступность как таковую, поставив предметом своих изысканий моральную статистику, рассматривали преступление как аморальное, безнравственное деяние. Они занимались вопросами преступности не на априорных доказательствах, а на выводах, почерпнутых из реальной жизни общества.

Научная уголовная статистика появилась на свет между 1825 и 1830 гг. Родоначальником уголовной статистики считается профессор Брюссельского университета А. Кетле. Кроне как-то сказал, что уголовная статистика «является первым условием успеха в борьбе с армией преступности и играет в этой борьбе ту же роль, какую во время войны играет разведочная служба»².

Пользуясь цифровыми данными, Кетле исследовал вопрос, подчиняются ли действия человека как существа, обладающего нравственным чувством и мыслью, определенной закономерности? И пришел к следующим смелым выводам: «Общество в себе самом носит зародыш совершаемых преступлений. Само общество тем или иным путем неизбежно создает преступление, и пре-

¹ Тард Г.Д. Указ. соч. С. 81.

² Krochue. Der gegenwärtige Stand der Geff ngniswissen Schaft, G Zeitschz f.d. ges. Strafzecht. 1881. 1. S. 75.

ступник в его руках лишь преступное орудие; каждая общественная форма порождает определенное число и определенный род преступлений, с необходимостью совершаемых в ее среде»¹.

Кетле полагал, что преступления будут постоянными и неизменными до тех пор, пока не исследуют их причины и не воздействуют на эти причины для их изменения, хотя это знали до него многие из тех, кто серьезно занимался этой проблемой. Новым и важным было то, что на основе анализа статистических данных о состоянии преступности он попытался нанести мощный удар по вере *в возможность путем уголовного наказания бороться с преступностью*.

В частности, он утверждал, что уголовные наказания, не затрагивая социальных факторов преступности, не могут останавливать ее рост. С этим следует безоговорочно согласиться, хотя мы знаем, что наказание прямого эффективного воздействия на социальные факторы оказать не в состоянии. В то же время, оценивая значение таких факторов преступности, как пол, возраст, климат, экономические условия, социальное положение и т. д., автор попытался исследовать и *биологические факторы* преступности.

А. Кетле был настолько увлечен своими статистическими данными, что начал доказывать, кто из людей имеет известную склонность к преступлению. Заслуга Кетле заключается в том, что до него причины преступности указывались предположительно, теоретически, теперь же было возможно с помощью цифр более-менее точно указать на причины преступления, что обещало успех в случае следования по указанному наукой пути.

Другой, не менее важной заслугой статистики является изучение на основе статистических данных и причин противоправного деяния мотивов преступлений, хотя этими данными криминалисты почти не пользовались, в то время как именно в них можно было бы почерпнуть много полезного для правильного применения уголовного наказания в качестве не только превенции, но и репрессии.

¹ *Quetelet A. Physique sociale. Essai sur le développement des facultés de l'homme. 2 ed. 1869, 1. P. 312; 11. P. 358.*

Как видим, основная задача статистиков заключалась в том, чтобы с помощью цифровых показателей помочь в определении причин преступности и источников конкретного преступного поведения. В то же время надо иметь в виду, что статистика еще не говорит о всей совокупности условий и индивидуальных факторов, которые в результате определяют преступление. В связи с этим Б.М. Бехтерев отмечает: «Статистика вообще оперирует большими числами, а потому о частных условиях, ближе определяющих характер преступления, она не дает нам точных указаний. Только вся совокупность факторов, воздействующих на данную личность, и в том числе не только общие, но и более частные, ближайшие, определяют преступление и его характер»¹.

Как известно, Кетле провел множество исследований причин, влияющих на возникновение преступлений. Он составил замечательную таблицу, показывающую, что времена года оказывают определенное влияние на склонность к преступлению. Ученый утверждал, что статистика позволяет прогнозировать преступность на определенной территории. В частности, он пришел к заключению, что число преступлений, совершаемых ежегодно, почти не изменяется, и движение преступности, по его мнению, столь равномерно, что даже можно составить таблицу преступлений почти с такой же точностью, как и таблицу смертных случаев. Так, он пишет: «Как печально положение человеческого рода. Почти с той точностью, с какой мы определяем число рождений и смертей, мы можем предсказать, сколько лиц обагрят свои руки кровью ближних, сколько будет подделывателей и отравителей»². Конечно, вряд ли можно согласиться с этим утверждением Кетле, ибо, на самом деле, предсказать с такой точностью, о которой он говорит, состояние, динамику и уровень преступности невозможно, поскольку это явление носит стихийный характер, хотя сей-

¹ *Бехтерев Б.М.* Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности // *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2010. С. 708.

² *Quetelet A.* *Physique sociale. Essai sur le développement des facultés de l'homme.* 2 ed. 1869. 1. P. 312; 11. P. 358.

час и делаются определенные прогнозы развития преступности. Неточность этого утверждения Кетле можно простить, так как в его распоряжении были статистические данные за короткий период времени. Следует также учитывать, что, будучи математиком, Кетле делал выводы именно на основе цифровых данных, то есть исследовал число преступлений и проступков вне их связи с социальными условиями жизни общества.

Исследуя физические законы, управляющие нравственным порядком, он допускал, что «средний человек» обладает определенной склонностью к преступлению, то есть индивидуум в известной мере подвержен возможности совершить преступление. Выводы, сделанные Кетле относительно влияния климата, пола, возраста на преступное поведение человека, носили примитивный характер и в последующем была доказана их сомнительность. Тем не менее заслуги статистики нельзя недооценивать. Как правильно было подмечено на Статистическом конгрессе в Лондоне в 1860 г., «уголовная статистика для законодателя то же, что карта, компас и лот для мореплавателя».

Итак, еще задолго до возникновения позитивной школы уголовного права, исследующей преступление и его причины, статистика уже занималась вопросами преступности. Однако это исследование, скорее, носило характер цифр, иероглифов, которые нужно было еще разобрать, изучить с привлечением данных других наук. Именно по этому пути и пошли как антропологи, так и социологи, а также все те, кто взялся за исследование причин преступления, в результате чего возник вопрос: совместим ли изменяющийся состав цифр с понятием свободной воли, являющейся основой классической школы уголовного права?

Отвергая основные положения классической школы относительно причин преступления, то есть свободу воли, позитивная школа начала искать эту причину в чем-нибудь другом. Антропологи стали утверждать и доказывать, что преступление есть не продукт свободной воли, а необходимый результат всей физической и духовной индивидуальности преступления. Подвергая жестокой критике классическую школу с ее свободной волей, Х.М. Чарыхов писал: «Как теоретик, так и практик имели перед

собой только понятие убийства, насилия, кражи, мошенничества. И благодаря печальной теории о “свободной воле”, субъект, приведенный к преступлению, становился истинным виновником убийства, кражи, мошенничества. Но заблуждения, как и всякие ошибки, должны были быть неизбежно устранены. Падение доктрины о “свободной воле” было началом завоевания позитивного учения о преступлении»¹.

Антропологи поначалу причины преступления искали в окружающей физической природе: влияние метеорологических, климатических, термометрических, геологических и т. п. факторов. Но скоро главное внимание они сосредоточили на человеке: причины преступления стали искать в его антропологической, физиологической и психической организации. Утверждалось, что, совершая преступление, человек вкладывается в него не только своей животной (физиологической, биологической) природой, но и своей психикой, содержание которой не исчерпывается переживаниями, порождаемыми состоянием его организма. В образовании преступного поведения, по мнению антропологов, принимает участие «все то, что мы видели, слышали и т. д. Одним словом, все наши отношения к внешнему миру»².

Ч. Ломброзо полагал, что изучение преступления животных поможет более глубокому пониманию преступления людей, как анатомия и физиология животных помогла познанию природы человека. В самом деле, можно ли изучить преступление у животных, чтобы лучше определить преступления людей? Ломброзо, например, считал, что это возможно не только у животных, но даже у растений.

Предмет антропологии или учение о человеке — это познание его природы. Именно антропология позволила ему сделать вывод о том, что существует прямая связь наследственности и преступного поведения человека. Разве кто-нибудь в наше время может поверить в то, что преступное поведение «как таковое» передает-

¹ Чарыхов Х.М. Указ. соч. С. 133.

² *Manouvrier*. La genèse normale du crime // *Bul. de la Société d'Anthropologie*. Paris, 1893. P. 456.

ся по наследству? Думаю, что и сам Ломброзо в это не верил. Он утверждал, что всякое преступление представляет собой поворот к привычкам примитивного человека, что каждый преступник отличается телесными и душевными признаками дикаря.

Хотя антропологическая школа не сумела сконструировать понятие преступления, и поэтому ее учение как теоретическая система, в отличие от классической школы, осталось логически незавершенным, тем не менее именно антропологи совершили переход от догматического, логического изучения классиков к позитивному познанию преступления и преступника. То есть, вместо отвлеченных конструкций и абстракций понятия преступления, рассматривалось само реальное явление, в конкретном своем проявлении. В конечном счете Ч. Ломброзо пришел к выводу о том, что «преступление — явление столь же естественное и необходимое, как рождение, смерть, зачатие, психические болезни, начальной разновидностью которых оно часто является»¹.

Восполнить пробел в теоретической системе взялся его последователь Р. Гарофало, который попытался установить естественнонаучное понятие преступления и, тем самым, возвести антропологическую доктрину на уровень естественнонаучной теории преступления. Попытка оказалась неудачной. Тогда другой представитель этой теории Вагар решил сформулировать «новое определение преступления на основе биологической науки»². По его мнению, стремление отнять жизнь подобного себе есть проявление наследственного инстинкта к каннибализму, общего для всех людей и животных. Этот инстинкт и толкает человека жертвовать более слабым, чем он, для нужд питания.

После того как антропологическая теория о прирожденном преступнике не получила одобрения в обществе, в особенности среди работников, осуществляющих правосудие, Э. Ферри в 1882 г. объявляет о создании новой школы, которую он назвал *уголовной социологией* и в которую ввел экспериментальные данные

¹ *Lombroso. L'home criminel. Paris, 1895. Т. II. P. 150.*

² *Bahar J. Une nouvelle definition du crime basse sur la Science biologique // Revue pénitentiaire. 1895. P. 739–740.*

антропологии, физиопсихологии, психопатологии и уголовной статистики, а также указываемые наукой средства борьбы (путем предупреждения и репрессии) с преступностью. Цель новой школы, как объясняет сам Э. Ферри, «изучить естественный генезис преступления, как в самом преступнике, так и в той среде, в которой он живет, для того, чтобы разные причины лечить разными средствами»¹.

В итоге он приходит к следующему выводу: «Когда мы говорим о преступном типе и о прирожденном преступнике, мы под этим разумеем физиопсихическое предрасположение к преступлению, которое у некоторых индивидов может и не приводить к преступным действиям (подобно тому, как предрасположение к душевным заболеваниям может и не привести к сумасшествию), если оно сдерживается благоприятными условиями среды, но которые, как скоро эти условия становятся неблагоприятными, служат единственным позитивным объяснением антигуманной и антисоциальной деятельности преступника»².

Таким образом, Ферри указывает, что преступление, какое бы оно ни было по форме и к какой бы категории ни относилось, имеет сложное происхождение и природу — как биологическую, так и физическую и социальную. Поэтому деяния человека могут быть ему вменены, и, следовательно, он является ответственным за них, потому что живет в обществе.

В конечном счете мы получили социологическую школу, которая проблеме преступления и наказания сделала объектом изучения трех самостоятельных и в то же время тесно связанных друг с другом дисциплин, образующих собой систему науки уголовного права: уголовной социологии (криминологии), уголовной политики и уголовной догматики. По существу, эта школа является примирительной, так как, обратив серьезное внимание на социальный фактор преступности, она не отрицает в лице большинства своих представителей ни многих антропологических данных, ни юридического изучения, составляющего центр классической школы.

¹ Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 22.

² Там же. С. 114.

Один из представителей социологической школы Г.Д. Тард пишет: «Преступление — явление социальное, как и всякое другое, но и в то же время и антисоциальное, как рак, участвующий в жизни организма, но содействующий его умерщвлению»¹.

В принципе, все представители этой школы полагают, что преступление есть не что иное, как ответ на социальную несправедливость, как следствие несовершенной и неудовлетворительной организации общества, радикальная реформа которой довела бы до минимума цифру преступности, а может быть, и вовсе ее уничтожила.

Социологическая школа исходит из того, что преступление есть необходимый результат социальной обстановки, в которой вырос и живет преступник. Один из представителей этой школы Х.М. Чарыхов писал: «Итак, социальная среда определяет и движет формы общественного развития. Преступление как одна из форм общественных и индивидуальных действий человека, как одна из форм общественного развития не может быть рассматриваемо и изучаемо вне влияний тех факторов, которые определяют и движут формы общественного развития в целом. И поэтому преступление как частный случай из общего процесса развития определяется факторами социальной среды, а не космической»².

Рассматривая преступление как социологическую сущность, а не сущность физиологическую, Л.П. Манувриэ полагал, что «человек всегда действует сообразно со своей физиологической организацией, но природа и характер его действий всецело определяются внешней средой. От анатомии и физиологии зависит лишь способность человека действовать. А как он действует — это уже зависит от среды»³.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, если социальная среда есть все, если она настолько испорчена, что благоприятствует развитию порочных и

¹ Тард Г.Д. Указ. соч. С. 198.

² Чарыхов Х.М. Указ. соч. С. 19.

³ *Manouvrier. Les aptitudes et les actes // Revue Scientifique. 1891. P. 592.* (Второй конгресс в Париже, 1889).

преступных натур, то именно на эту среду и на условия ее функционирования должны быть направлены реформаторские усилия. «Общества имеют таких преступников, каких они заслуживают»¹. Получается, что рост и снижение преступности зависят, главным образом, от социальных факторов, то есть от факторов, которые легче других могут быть изменены и исправлены обществом.

Во-вторых, можно заключить, что чем ниже стоит человек на социальной лестнице, тем выше степень возможности совершения преступления с его стороны.

В-третьих, разделив факторы преступности на две группы — социальные и индивидуальные, — преимущественное значение в определении причин преступления социологическая школа отводит социальным факторам как категории первичных факторов преступности. Поэтому отсутствие первичных, то есть социальных, факторов при прочих равных условиях не приведет к жизни и возникновению причин индивидуального (производного) порядка, то есть психофизических свойств. А из этого вытекает, что следует искать причины самого человека как причины преступления. Надо искать эти причины, прежде всего, в окружающей общественной среде, ибо причины преступления — в самом человеке, однако причины самого человека — в среде. Преступник, то есть «микроб», есть элемент, который приобретает значение лишь тогда, когда он находит себе питательную среду.

В-четвертых, под социальными факторами преступности понимается совокупность влияний общественной среды, а под индивидуальными — влияние индивидуальной среды человека (Лист, Чарыхов).

В чем недостаток этой школы? Констатируется, что преступление — социальный феномен, определяемый факторами социальными. И только. Какова же природа этого феномена: консервативная или эволютивная? На это ответа нет. Усматривая непосредственную причинную связь между социальными факторами и преступным явлением, дальше этого представители социальной

¹ *Lacassagne. Marche de la criminalité en France // Revue Scientifique. 1881. N 22. С. 167.*

школы, используя позитивный метод, не идут, то есть они не пытаются обнаружить ту логику, на основании которой социальная среда порождает такой социальный феномен, как преступление. И наконец, социологическая школа не проводит четких границ между социальными и индивидуальными факторами, а также экономическими причинами, условиями. Таким образом, социологическая школа не образует собой вполне законченной и стройной системы, ибо, расходясь по ряду существенных вопросов с антропологической школой, она, тем не менее, по многим позициям ей близка, а потому эти направления не могут быть представлены как два враждебных и строго обособленных лагеря.

Достаточной популярностью пользуются сторонники **экономического направления изучения** преступления и его причин, имеющего богатую теоретическую и практическую базу.

То, что преступность служит необыкновенно чутким барометром экономического положения общества, неоспоримо. Об этом ярко свидетельствует сравнительный анализ состояния преступности в разных странах с различным экономическим развитием. Еще Т. Мор в «Утопии» указывал на экономическую причину, которая, вызывая нужду и нищету многих тысяч людей, принуждает их к преступной жизни. Д. Романьози замечает, что экономическая нужда приводит к преступлению: «Мы можем указать примеры несчастных, которые понуждаемые нищетой и рабством, обращались к разбою. Задержанные впоследствии на вопрос, почему они занялись столь отчаянной профессией, опасность которой им была известна, ответили, что они, действительно, знают, какой опасности подвергаются, но что они предпочли подвергнуться этому риску, чем вести ту несчастную жизнь, какую они вели»¹.

Ф. Энгельс проводил специальное исследование преступности с привлечением статистических данных. В результате он пришел к выводу, что необычайный рост преступности в Англии связан с тяжелым экономическим положением.

За самое широкое предупреждение преступлений высказывался Вольтер, требуя, чтобы, прежде всего, законодатель ис-

¹ *Romagnosi. Cenesi del dizitto penale. Milano, 1841. P. 294.*

следовал, какие преступления наиболее свойственны слабым сторонам человеческой натуры. Указывая, например, на то, что преступления против имущества, главным образом, совершаются бедными, а законы составляются богатыми, он выступал против невнимания к причинам этих преступлений. По его утверждению, в борьбе с нищенством и бродяжничеством нужны не показательные казни, а забота об искоренении разумными мерами самого явления, именуемого нищенством.

И. Бентам справедливо замечал, что, если человек лишен средств существования, то страхом кары его нельзя остановить, ибо непреодолимый мотив влечет его к преступлению, раз невозможно согласное закону удовлетворение его нужд. По мнению автора, самое верное средство — не ожидать бедности, а предупреждать ее. Система Бентама отличается замечательной обстоятельностью и оригинальностью. Никто из его предшественников не проник так глубоко в тайники, порождающие преступления, и не нашел столь действенных средств их предупреждения¹.

Следует заметить, что еще Гомер в «Одиссее» (XVII, 286) говорил: «Пустой желудок не имеет ушей. Голод приносит много бед людям». Философы «золотого» века также не обошли вниманием вопрос о влиянии материальных условий на преступность. Так, Ксенофонт видел в нищете могущественный стимул к преступному поведению. В «Пире» он говорит устами Каллиаса: «Те, кто знает, что их жизнь обеспечена, не предаются преступлению».

Итак, вряд ли кто-либо может сомневаться в том, что бедность и нищета оказывают существенное влияние на состояние преступности. Однако нельзя забывать, что богатство и роскошь также играют немаловажную роль в совершении преступлений. Все зависит от вида и характера преступления. Платон в книге «Республика» отмечает, что материальные крайности — роскошь и нищета — одинаково опасны. Поэтому философ советует правителям следить, чтобы роскошь и нищета не появлялись в государстве: первая развивает изменность, безделье и стремление

¹ См.: *Bentham*. Introduction aux principes de moralie et de jurisprudence, 1789.

к новшествам, вторая — измененность чувств и желание делать зло, независимо от любви к нововведениям.

Весьма оригинальную мысль по этому вопросу высказал Аристотель в первой книге «Риторика». Он отмечает, что богатство и бедность сами по себе не толкают на преступление. Однако бедные желают денег, так как нуждаются в них, а богатые, купающиеся в излишествах, ищут наслаждений, без которых решительно могли бы обойтись. Но и тех, и других побуждает так поступать не богатство и не бедность, а просто страсти. Таким образом, по Аристотелю, источником преступления являются страсть, желание, которые вызваны именно богатством и нищетой. Следовательно, отсутствие нищеты и богатства устраняет страсти, а значит, и преступление. В этой же работе философ указывает на одно, очень важное обстоятельство: преступление легче совершается в состоянии нищеты, когда нечего терять.

Действительно, внешние факторы, в том числе и социально-экономические, оказывают определенное воздействие на субъекта и приводят его в такое психофизическое состояние, которое для определенной части населения имеет своим последствием преступление. Однако ведь не все индивидуумы, оказавшиеся в такой ситуации, становятся на преступный путь. В мире всего 6% преступников от общего количества населения Земного шара. Вот почему один из самых спорных и трудных вопросов — установление связи между преступлением и экономическими условиями. При этом следует иметь в виду, что эти условия носят как индивидуальный характер, то есть относятся только к конкретному индивидууму, так и общий характер — экономическое положение, состояние общества, народа в целом. Поэтому представляется правильным понятие «экономические условия» относить и к жизни общества, и к жизни каждого отдельного человека. Когда мы говорим об экономических причинах преступления, речь должна идти не о непосредственной причине, а о причинах, которые оказали влияние на волю человека, то есть на *To*, что заставило человека принять именно такое решение, а не другое. А это *To* находится в руках человека. На это *To* может оказать воздействие не только экономическое положение, но и другие факторы различ-

ного характера, в том числе психофизические, ибо человек в то же время — существо биологическое.

На вопрос: «Является ли главной или одной из главных причин преступления экономическое неравенство, вследствие которого граждане разделены на бедных и имущих?» — отвечаем: экономическое состояние общества, так же как и вся социальная среда, являются условиями для возникновения причин совершения преступления. Иначе говоря, нищета, бедность могут влиять на преступное поведение, но не являются главной причиной преступлений. Причина — в самом человеке. Даже в условиях коллективизма, уравниловки преступления, особенно экономические, продолжали существовать, хотя за такие деяния были предусмотрены самые суровые наказания, включая смертную казнь. Поэтому улучшение экономического положения масс ни в коем случае не приведет к исчезновению преступных проявлений. Речь может идти только об их уменьшении. Если подавляющее большинство испытывает влияние экономических условий на преступное поведение, то нет основания предполагать, что эти условия действуют на них сильнее, чем на меньшинство, которое экономически более состоятельно. Но тогда как объяснить, что все-таки бедняки составляют главный контингент армии преступников? Значит ли это, что они составляют подавляющее большинство?

Анализ статистики преступности в Азербайджане за определенный период времени демонстрирует наличие неоспоримой связи между преступностью и экономическими условиями в стране. Но в то же время этот анализ обнаруживает и то, что преступность носит на себе столь же ясные следы совершенно иных явлений: политических, межнациональных отношений, изменения общественно-политического устройства государства, форм управления страной и т. д. Так, например, Карабахский конфликт, продолжающийся вот уже более 25 лет, оказал серьезное влияние на состояние, характер и уровень преступности в Азербайджане не только по причине ужасного экономического и социального положения беженцев из Армении и Карабаха, а в большей степени из-за психологического состояния вообще всего населения республики.

Особый подход к рассматриваемому вопросу сформировался после Октябрьской революции. Большевики, по выражению М.В. Козловского, считали аксиомой положение, что преступник — продукт социальной среды и что все его действия, все побуждения от него и от нашей «воли» не зависят. Хотя ученые-криминалисты молодой Страны Советов в 20-х годах были едины в том, что «ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности»¹.

Разумеется, такой подход ученых и науки уголовного права в объяснении понятия преступления и его причин не соответствовал философии марксизма, которая гласила: «Теория, рассматривающая наказание как *результат собственной воли* преступника, является лишь спекулятивным выражением древнего “*jus talionis*” (право тождественного возмездия) — око за око, зуб за зуб, кровь за кровь»².

Большевики были убеждены в том, что источниками преступления являются сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, поддержанное всей международной буржуазией, а также стихия мелкобуржуазной анархичности, буржуазных привычек и навыков, которым были привержены еще достаточно широкие слои трудящихся. Таким образом, по их убеждению, с устранением этих причин автоматически будет покончено с преступлениями.

Таким образом, научное объяснение понятия преступления и его причин шло вразрез с политикой и доктриной социалистического государства в борьбе с преступностью. Поэтому с начала 30-х годов XX в. советская криминология была вынуждена изменить свое отношение к пониманию понятия преступления, а значит, и к объяснению корней преступного поведения. Так, А.Н. Трайнин отмечал в те годы, что «дурная наследственность, физические или психические аномалии не имеют решающего значения в движении преступности, поскольку общественные явления определяются социальными рычагами и сами указанные

¹ См.: Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 27.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 531.

факторы лишь производны от социальных основ человеческой жизни»¹. Такой подход просуществовал до начала 60-х годов, до того момента, когда советские ученые стали уделять внимание личности преступника и развернулась дискуссия о соотношении социального и биологического в преступном поведении личности, которая продолжается по сей день.

В принципе, историю развития учений о природе преступно-го можно представить как историю борьбы двух направлений — социологического и биологического. Все сводится к решению следующих проблем: имеется ли какая-либо взаимосвязь между наследственными свойствами организма и поведением человека, в том числе преступным? И если имеется, то каков уровень количественного «вклада» биологического в различные функции человеческого организма, в психологические процессы и поведение человека?

Если до XIX в. эта проблема так остро не стояла, то успехи медицины и генетики со временем начали порождать у человечества надежды на то, что эти науки помогут ответить на волнующие всех нас вопросы: почему человек совершает преступление? В чем истоки такого поведения? Как их искоренить?

Принципиальная позиция марксизма-ленинизма состояла в том, что социальные явления, к которым относилась и преступность, не могут быть объяснены с биологических позиций. Но в то же время возникала другая проблема: человек ведь одновременно и биологическое существо. Значит, человека и его поведение следует изучать с социально-биологических позиций. В противном случае, то есть если все сводить к социальной среде и полагать, что природное, биологическое в человеке никакой роли в преступном поведении не играет, следует ждать, когда в обществе будут решены все социальные проблемы людей и необходимость в их наказании отпадет, поскольку люди не виноваты в недостатках социальных условий общества. В романе «Отверженные» В. Гюго словами своего героя Жана Вальжана вопрошает: «...вправе ли человеческое общество в равной мере подвергать своих членов без-

¹ *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть. М., 1929. С. 141–142.

рассудной своей беспечности, с одной стороны, и беспощадной предусмотрительности — с другой, навсегда зажимая несчастного человека в тиски между недостатком и чрезмерностью — недостатком работы, чрезмерностью наказания?»

На наш взгляд, следует искать не общее сопоставление социального и биологического, приобретенного и унаследованного в человеке, а попытаться раскрыть конкретное взаимодействие, анализ механизма действия факторов в объяснении причин поведения. Понятно, что человек изменяет, но не отменяет, не уничтожает в себе природное, биологическое. Генетическое разнообразие создает уникальность, неповторимость биологической индивидуальности каждого из людей. Однако наука доказала, что биологические различия людей, даже рас и этнических групп, ничтожны в сравнении с их единством.

Действительно, по наследству передаются многие психологические свойства. Однако это не свидетельствует о том, что существует связь между физической конструкцией человека, психическим складом и преступным поведением (об этом говорили психиатры Э. Крегмер и Р. Фунес).

Г. Кайзер совершенно справедливо подчеркнул: «Исследование преступности как продукта наследственности оказалось весьма недостаточным... Мы должны определенно признать неудавшуюся попытку объяснить преступное поведение наследственными факторами»¹.

Можно было бы утверждать о существовании наследственных причин преступности, если бы удалось установить, что закономерности генетического развития людей, проживающих в определенное время на определенной территории, совпадают с закономерностями в движении преступности.

Итак, основа дискуссии о роли биологического может быть устранена при условии, что генетический фактор не является решающей причиной поведения, в том числе преступного, а играет второстепенную роль по сравнению с социальными причинами.

¹ *Кайзер Г. Genetics and Crime. Proceedings of the II International Symposium on Criminology. San Paulo, Brasile, 1975. P. 7–8.*

Ведь от решения этой проблемы зависят методы и формы предотвращения преступных проявлений. Если будет установлено, что причины преступного поведения связаны с биологическим фактором, придется изобретать способы медицинского воздействия на преступников, формы генетического контроля. В принципе, подавляющее большинство советских и современных ученых-юристов считали и считают, что преступность — не биологическая категория. Такого же мнения придерживаются и философы. Так, например, П.Н. Федосеев пишет: «Было бы просто нелепо искать корни преступности в биологических качествах человека, но, вместе с тем, надо принимать во внимание при этом и некоторые из индивидуальных различий между людьми»¹.

В самом деле, разве смог бы неразумный человек выполнять роль мыслящего деятельного существа, способного к неограниченному прогрессу, если бы его мысли и поступки носили врожденный, генетически запрограммированный характер. Наука доказывает, что «громкая пластичность мозга, тренируемость и обучаемость людей исключают фатальное значение генетической программы»². Это означает, что люди с нормальной генетической программой могут себя контролировать, а в случае ее нарушения — в той или иной степени страдает мозг. То есть поражение генетической программы вызывает резкое противоречие между социальными потребностями и биологическими возможностями.

Острая дискуссия о соотношении социальной и биологической детерминант преступного поведения в СССР началась, как известно, в 20-е годы XX в., когда стали уделять серьезное внимание изучению личности преступника. Не углубляясь в историю столкновения этих противоположных взглядов, отметим, что этот спор продолжается и сегодня.

¹ Федосеев П.Н. Проблемы социального и биологического в философии и социологии. Биологическое и социальное в развитии человека // Вопросы философии. 1976. № 3. С. 29.

² См.: Беляев Д.К. Современная наука и проблемы исследования человека // Там же. 1981. № 3. С. 15.

В 1969 г. И.И. Карпец категорично заявил: «Мирного сосуществования социального и биологического в вопросе о природе преступности быть не может»¹. Стало ясно, что юридическая наука и, в первую очередь, криминология не в состоянии разрешить эту проблему, ибо речь идет о природе человека, его сущности и о причинах поведения вообще и преступного в частности. Скорее всего, ответ на вопрос о причинах преступного поведения человека должны дать генетики, биологи, психиатры и физиологи, то есть представители тех наук, которые изучают непосредственно природу человека как биологического существа.

Основатель теории деструктивности Э. Фромм полагает, что девиацию человеческого поведения необходимо объяснять не только действием психологических причин, ставя в зависимость психические расстройства от явления социальной среды². В советской криминологической науке никто никогда не утверждал, что есть прирожденные преступники, «преступные типы» или что преступление — биологическое понятие. Никогда не было и нет открытых или завуалированных сторонников Ч. Ломброзо. Однако в настоящее время считается общепринятым, что человек подчиняется не только законам общественного развития, но и законам природы, биологическим законам и что он является единством двух детерминаций — биологической и общественной. Поэтому с биологическим исследованием должно идти рука об руку и социологическое исследование преступления, то есть научное исследование преступления как своеобразного общественного явления и основанное на нем изложение социальных условий преступления. И.И. Карпец отмечает: «Человека нельзя отрывать от условий его существования, как нельзя объяснить причины его поведения, преступного в том числе, и причины преступности в целом биологическими факторами»³, ибо индивидуум есть общественное

¹ Карпец И. Проблемы преступности. М., 1969. С. 32.

² См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 244–310.

³ Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. С. 33.

существо, но как часть природы он и биологическое существо. П.Н. Федосеев констатирует, что в отношении механизма взаимодействия биологического и социального, в частности в области психологии, есть еще очень много неясного¹. В этом он абсолютно прав. Но вопрос ставится ребром: Чему — биологическому или социальному — принадлежит преимущество в поведении человека, в частности преступного? Б.С. Волков полагает, что «биологические особенности оказывают большое влияние на формирование социальной установки личности»². По мнению И.С. Ноя, «для современной науки сегодня уже бесспорно, что новорожденный вступает в жизнь в известной степени “запрограммированным”»³. Полагаем, что при изучении причин преступлений нельзя делать неоправданный крен в сторону психологических и психиатрических факторов, без достаточного выяснения влияния объективных социальных условий на эти факторы.

Преступление представляет собой настолько сложное явление, что вопрос о первичности или вторичности биологического или социального в преступном поведении человека не имеет перспектив. Главное то, что именно при наличии указанных факторов возможен преступный акт. Следует говорить не о приоритете того или иного фактора, а о взаимодействии биологического и социального, то есть человека и среды.

II. Религиозное объяснение причин преступления. На одном из древних храмов есть надпись: «Я есть то, что есть, что было, что будет, и никто не познал моего существа». Мы исходим из того, что познать философскую сущность преступления невозможно без определения его причин. В то же время совершенно очевидно, что ответ на вечный вопрос, почему человек совершает преступление, находится в прямой зависимости от познания смысла поведения

¹ Федосеев П.Н. Проблемы социального и биологического в философии и социологии. Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977. С. 29.

² Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975. С. 80, 85–86.

³ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1976. С. 79.

человека вообще. Но совершенно очевидно, что для этого необходимо понять сущность и природу самого человека, естественно, в той части, в какой он нас интересует, а потом перейти к изучению его поведения, в том числе преступного. Именно в такой последовательности мы решили рассмотреть исследуемую проблему.

Известное изречение: «Познай самого себя», написанное перед входом в храм Аполлона в Дельфах, стало своего рода ориентиром для философов, начиная с античных времен. На протяжении веков оттачивалась способность человека глубоко и тонко размышлять о самом главном — о себе, своем месте в мире, смысле собственного существования, справедливости, об истоках добра и зла. Медленно, постепенно шел он к познанию истины. М. де Монтень писал: «Наихудшее состояние человека — это когда он перестает сознавать себя и владеть собой»¹. А из этого вытекает, что наилучшее состояние человека — это когда он сумел познать и понять себя, а также владеть собой. Но возможно ли это? У Платона есть такое изречение: «Делай свое дело и познай самого себя». Неужели философ хотел сказать нам, что если человек захочет и постарается, то он обязательно добьется своего, то есть сумеет разгадать тайны человеческой сущности. Однако и по сей день человек остается загадкой, в полной мере не поддающейся познанию, о чем предупреждали в свое время многие философы. Так, М. де Монтень писал: «Изумительное суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо — человек. Нелегко составить себе о нем устойчивое и единообразное представление»². Более конкретно выразился Б. Паскаль: «...нет для человека задачи неразрешимее, а между тем, это есть он сам»³.

Человек — самое непостижимое для себя творение природы, ибо ему трудно уразуметь, что такое материальное тело, еще труднее — что такое дух, и уж совсем непонятно, как материальное тело может соединяться с духом.

¹ Монтень М. О природе человека: Монтень, Ларошфуко, Паскаль. М., 2009. С. 110.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 368.

Откуда вообще произошел человек? История создания Пророка Адама — первого человека — присутствует в Божественных писаниях иудеев, христиан и мусульман. Описание сотворения — примерно одинаковое в иудейских и христианских источниках. Согласно Книге Бытия, Адам был создан из «праха земного». Талмуд же утверждает, что Господь вымесил тело Адама из грязи. Исламская версия сотворения Адама отличается от христианской и иудейской. В ней мы можем найти много поразительных деталей.

«Он — Тот, кто знает сокровенное и явное, великий, милосердный, который сделал прекрасным все сущее, что сотворил, и сотворил в первый раз человека из глины» (Коран. Сура 32, аяты 6–7).

Сура 2-я «Корова» наиболее полно раскрывает предназначение Адама: «И сказал твой Господь ангелам: “Я установлю на земле наместника”. Они сказали: “Неужели Ты поселишь там того, кто будет распространять нечестие и проливать кровь, тогда как мы прославляем Тебя хвалой и освящаем Тебя?” Он сказал: “Воистину, я знаю то, чего вы не знаете”» (Коран. Сура 2, аят 30).

Так начинается рассказ об Адаме — первом человеке на Земле. По велению Господа ангелы спустились на землю, чтобы собрать все виды почв, существующих на ней: красную, белую, коричневую, черную; мягкую и податливую, твердую и песчаную... Затем из горсти собранной почвы Господь сотворил Адама. Его потомкам было суждено стать такими же разнообразными, как горстка почв со всех уголков света, из которой был создан их предок, — с разной внешностью и качествами.

В Коране почва, из которой был создан Адам, имеет множество названий. Это в какой-то степени помогает нам представить процесс его сотворения. Для каждого этапа используется отдельное название почвы. То, что ангелы собирали по всей Земле, названо почвой. Иногда Господь называет ее глиной. После смешивания с водой глина или почва превращается в грязь. Затем оставленная сохнуть материя получает название «вязкой» глины. По прошествии некоторого времени она темнеет и источает запах, становится черной гладкой глиной. Именно из этого вещества Господь сотворил тело Адама. Его бездушное тело сохло еще некоторое время и превратилось в то, что известно по Корану как «звучащая

глина». Адам был создан из вещества, близкого к гончарной глине, которая звенит при легком постукивании. Удивительно то, что все это получило неожиданное подтверждение. Оказалось, что самая простая глина содержит в себе основные элементы биологической жизни. Видимо, не зря с древнейших времен и до настоящего времени с помощью глины лечат самые различные заболевания.

С древних времен у многих народов существуют мифы и сказания о том, что человек был сотворен из глины. Например, в македонской легенде Господь собственноручно лепил людей из глины, стараясь, «чтобы ничто из частей тела не приделать криво и чтобы человек не обижался». Однако потом он решил ускорить процесс изготовления людей и сделал специальную форму человека, в которую набивал глину. При таком «серийном производстве» стало страдать качество. Одни люди получались с кривой рукой или ногой, другие — слепыми или лысыми, третьи — гордецами или упрямыми. Вот так появились хорошие (их Господь делал руками) и плохие (изготовленные с помощью формы) люди. Любопытно, что в шумерском мифе боги Энки и Нинмах также лепили людей из глины, причем сначала они делали хороших людей, а затем, захмелев, сотворили различных уродов.

О сотворении людей из глины рассказывается в мифах древних греков и египтян, ряда индейских племен Северной Америки, народов Африки. Ну а библейская история сотворения человека из глины, без сомнения, известна многим. Как утверждают ученые, даже само древнееврейское слово «человек» имеет связь со словом «земля, краснозем».

В начале XX в. известный русский ученый В.И. Вернадский, изучая глину, обнаружил у нее ряд любопытных свойств, которые свидетельствовали в пользу древних мифов о сотворении человека. В составе глины оказались *все макро- и микроэлементы, присутствующие в нашем организме*. Самое интересное, что они находились в глине *почти в тех же пропорциях*.

Недавно американские ученые сделали сенсационное открытие, подтвердив на более высоком уровне выводы В.И. Вернадского. Они установили, что обыкновенная глина содержит в себе базовые элементы биологической жизни, составляющие мембра-

ны клеток человека, да и других биологических организмов. Надо отметить, что клеточные мембраны не только участвуют в образовании клетки, но и содержат в себе генетический код организма — рибонуклеиновую кислоту (РНК), которая является основой всего живого.

Геологи и почвоведы различают до 40 видов глины. Они отличаются друг от друга составом, строением и цветом. Встречается голубая, белая, красная, желтая, зеленая, серая и даже черная глина. Цвет и оттенок глины, ее свойства определяются химическим составом, от которого зависят и лечебные свойства глин. Исцеляющие свойства глины определяются уникальными ионообменными свойствами. Она может поставлять клеткам недостающее и забирать то, что находится в избытке. Таким образом, глина способна нормализовать минеральный состав организма и регулировать обменные процессы.

Итак, одна из версий — человек сотворен Богом. Но можем ли мы познать то, чего сами не создали? Ведь, не познав себя, невозможно объяснить наше поведение, а значит, понять причины преступных деяний. В самом деле, почему человек, зная, что такое добро и зло, выбирает порой последнее? Как правильно подчеркивает Э.А. Поздняков, это «есть свидетельство феноменальной вздорности человеческой природы, из-за которой человек всю свою историю страдает, казнится и наказывается, притом поделом»¹.

Может быть, сам Бог наделил нас неким инстинктом бесчеловечности? Т. Гоббс по этому поводу писал: «Человек от природы является существом злым и деструктивным; он напоминает убийцу, которого от любимого занятия может удержать только страх перед более сильным убийцей»².

А ведь ангелы предупреждали Бога о том, что человек будет грешить и проливать кровь. Однако виновником преступной, грешной человеческой природы оказался змей, который «*был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог*», уловками и хитростью

¹ Поздняков Э.А. Философия преступления. С. 155–156.

² Подробнее см.: Гоббс Т. Левиафан. 4.2. О государстве // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 324.

убеждал Еву попробовать плод запретного *Древа познания Добра и Зла*. Женщина отказывается, говоря, что Бог запретил им есть с этого дерева, так как съевший плод умрет. Змей же отвечает ей, что она не умрет: «*Вы будете как боги, знающие добро и зло*». Наконец, женщина поддается уговорам змея, нарушив волю Господа, после чего дает попробовать плод и Адаму. Так Адам и Ева познали добро и зло, осознали свою наготу и спрятались от Бога.

Древо познания добра и зла символизировало собой приоритет Бога решать вместо человека и за человека, что такое добро и зло. До грехопадения человека зло уже существовало в мире в лице падших ангелов, и Адам, который давал имена животным, знал, что такое добро и зло. По словам Иоанна Златоуста, изначально Бог создал человека самовластным, иначе Он не стал бы наказывать его за нарушение заповеди либо награждать за ее соблюдение. Грехопадение заключалось в желании человека присвоить себе Божественное право решать: что такое добро и зло. За проступком последовало наказание: Змей был проклят и обречен ползать на животе и питаться прахом; женщине было определено «*в болезни рождать детей*» и находиться в подчинении у мужа; мужчине было назначено со скорбью и в поте лица трудиться во все дни жизни его на земле, которая «*проклята за него*». Люди перестали быть бессмертными и после смерти должны вернуться в землю в виде праха, из которого и был создан Адам. После этого Бог сделал людям одежду и выслал человека из Эдемского сада, «*чтобы возделывать землю, из которой он взят*». Чтобы люди не смогли вкусить плодов Древа жизни, у входа был поставлен херувим и «*пламенный меч обращающийся*». Значит, зло заложено в глубине человеческой природы, в ее иррациональной свободе, в ее отпадении от природы Божественной, оно имеет внутренний источник¹.

Почему, в отличие от животного, у которого отсутствует чувство жестокости, человек склонен к его проявлению? Э. Фромм пишет: «Человек — единственное живое существо, способное уничтожить себе подобных без всякой для себя пользы или выгоды»².

¹ См.: Бердяев Н.А. Мировоззрение Достоевского. М., 2001. С. 237.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 189–190.

Не может быть, чтобы Бог нас сотворил такими, то есть с врожденными склонностями. Где же тогда истоки зла? Дж. Б. Рассел приводит следующее высказывание Ж. Ж. Руссо: «Человек, не ищи творца зла далеко: это ты сам»¹. Согласно теории З. Фрейда, человеческими поступками руководят животные инстинкты. Он утверждает, что человек одержим этими инстинктами, так как они обусловлены его природой².

В соответствии с религиозными представлениями злое поведение человека, жестокость, преступление — это результат действия на человека «злых» сил. Так, Августин Блаженный утверждает: «Человек свободен в выборе поступков, и лишь под воздействием злой воли, результата вселения в него злых сил он совершает преступления»³. Почему Бог позволяет человеку стать преступником, то есть совершать зло? Ю. В. Романец пишет, что «Бог отрицает зло как окончательное, но допускает его как средство для обретения любви к добру»⁴. Подобные рассуждения мы находим у Архимандрита Платона (Игумнова): «Склонность к добродетели имеет истинную духовную ценность в том случае, когда она — следствие побежденной склонности ко греху»⁵.

По словам Августина Блаженного, приятность здоровья яснее тогда, когда испытана тягость болезни. «Поскольку каждый рождается от осужденного отростка, сначала по необходимости бывает по Адаму — злым и плотским, а потом, когда, возродившись, возрастает во Христа, становится добрым и духовным... хотя не всякий злой человек будет добрым, никто, однако, не будет добрым, кто не был злым»⁶. Означает ли это, что Бог разрешил каж-

¹ *Рассел Дж. Б. Князь тьмы / Пер. с англ. И. Ю. Ларионова. СПб.: Евразия, 2002. С. 347.*

² См.: *Фрейд З. Я и Оно. Тбилиси, 1991. С. 374–380.*

³ Творения Блаженного Августина. Киев, 1901. С. 41.

⁴ *Романец Ю. В. Этнические основы права и правоприменения. М., 2012. С. 302.*

⁵ См.: *Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 224–228.*

⁶ *Блаженный Августин. О граде Божьем. Т. 3. М., 1994. С. 43.*

дому из нас совершить зло, то есть преступление, с таким условием, что обязательно следует раскаяться. «Добро, которого я хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю» (Рим. 7: 19).

Сотворив нас, Бог изложил одновременно правила поведения и подробно определил то, что благочестивый человек должен делать, что случится с ним, если он не сделает должного, и каким образом он может искупить свое прошлое и сделаться снова человеком благочестивым. Наделив человека качествами добра и зла, Бог в то же время требует от нас не совершения зла, а, наоборот, постоянного стремления быть добрым.

В первую очередь религия при определении поведения людей опирается на понятия добра и зла, которые в переводе на юридический язык означают: правильное, человеческое, правовое или противозаконное, вредное и преступное поведение.

Вот что говорится в Коране:

«Кто бы ни совершил добро — (хотя бы) на вес пылинки, он обретает (воздаяние) за него.

Кто бы ни совершил зло — (хотя бы) на вес пылинки, он обретает (возмездие) за него» (Сура 99 «Землетрясение», аяты 7–8).

Или: «Тому, кто предстанет (перед Аллахом) с добрым деянием, воздается десятикратно. Тому, кто предстанет (перед Аллахом) со злым деянием, воздается тем же. И к ним (то есть сотворившим злое деяние) не будет проявлено несправедливости» (Сура 7 «Преграда», аят 8).

Такое же Божье напоминание можно встретить в Евангелии:

«...и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения» (Иоан. 5:29).

Особое внимание следует обратить на то, что в Божественных посланиях совершение добра и зла полностью зависит от самого человека и делается также для его же блага. Иначе говоря, то или иное поведение человека зависит от свободы его воли. А это означает, что сам человек несет полную ответственность за свой поступок перед Богом.

«Если вы вершите добро, то вершите для себя; если же вы вершите зло, то опять же для себя» (Коран. Сура 17 «Перенес Ночью», аят 7).

Или: «Тот, кто творит добро, (поступает) лишь на пользу себе. Тот, кто творит зло, (поступает) во вред себе. А Господь твой не притесняет (своих) рабов» (Коран. Сура 41 «Разъяснены», аят 46).

Без сомнения, в последнем выражении: «А Господь твой не притесняет (своих) рабов», как раз и подчеркивается, что поступок человека добровольен, зависит от него самого, его никто не принуждает. Поэтому следует утверждать, что Бог дал человеку свободу выбора в поведении.

По Корану, Аллах провозгласил превосходство разума, похвалил разумных людей. Разум удерживает человека от того, что может навредить ему.

Итак, основным элементом Божественных посланий является заповедь, которая может выступать как конкретное предписание — запрет, обязанность или дозволение или же как общий принцип. Следует отметить, что Коран во многих своих аятах особо подчеркивает вознаграждение за добрые поступки.

Священный Коран порождает в людях твердую убежденность, без которой человек не может следовать прямым путем, и поэтому Всевышний назвал его верным руководством для богобоязненных. Вот почему Коран — это Великое Писание, так же как и другие Божественные послания, которые по праву называются Священными, содержат в себе очевидную истину и огромные знания.

«Воистину, Коран ведет (людей) наиболее прямым путем и возвещает верующим, которые вершат добрые деяния, весть о том, что им уготована великая награда» (Сура 17 «Перенес Ночью», аят 9).

Из всего этого можно понять, что Бог, создав нас, хотел видеть человека только добродетельным. И на самом деле с самого рождения по своей природе он таковым и является.

Действие «злых» сил начинается там, где начинается человек, а именно его душевно-духовный мир. Это означает, что в нас, пока мы существуем, живут две души или две силы, что одно и то же, из которых каждая влечет нас в свою сторону: одна — к добру, другая — к злу. А из этого положения можно заключить: если силы зла окажутся сильнее, то человек совершит какое-либо преступление. М. де Монтень отмечал, что «величайшая трудность для тех, кто занимается изучением человеческих поступков, состоит

в том, чтобы примирить их между собой и дать им единое объяснение, ибо обычно наши действия так резко противоречат друг другу, что кажется невероятным, чтобы они исходили из одного и того же источника»¹.

Итак, принципиальная позиция религии состоит в том, что человек — несовершенен, ибо на его природу легла неизгладимая печать первородного греха прародителей — Адама и Евы, и он склонен поддаваться дьявольским искушениям. Оказавшись во власти этого искушения, человек вступает на путь, ведущий к преступлениям, то есть к отрицанию. В связи с этим возникает естественный вопрос: способен ли человек в выборе поведения, с точки зрения религии? Если признать, что человек — творение Всевышнего, значит, только Ему суждено полностью познать суть созданного Им существа, а следовательно, и истоки его поведения, в том числе преступного. Но наделил ли Бог человека способностью свободно распоряжаться своим поведением?

Этот вопрос был поставлен Августином в письме к Апостолу Павлу: «От неведения ли человек не обладает свободной волей выбирать то, что он, собственно, должен делать, или же вследствие плотских влечений, которые по природе своей еще более усиливаются силой губительного первородного греха. Он, видя, как должно поступать правильно, и желая этого, не может, однако, совершить это». Сам же Августин пытался доказать, что никакой свободы воли не существует и жизнь человека предопределена Богом, который либо дарует ему блаженство, либо налагает на него проклятье. Значит, человек совершает преступление по воле Бога. Поэтому первопричина преступления — воля Бога. Если это так, то получается, что человек не может или не в состоянии отвечать за свои поступки, в том числе и преступления. Возникает проблема ответственности за совершаемые поступки. Почему Бог одних дарует блаженством, а на других налагает проклятье? Почему одни, по Его воле, становятся преступниками, а другие — благородными? И наконец, зачем Богу угодно, чтобы люди, которых он сотворил, стали преступниками и совершали злодеяния?

¹ О природе человека: Монтень, Ларошфуко, Паскаль. С. 103–104.

Раннее христианство напрямую связывало возможность свободного выбора с предварительным, преднамеренным сознательным обдумыванием и обсуждением предстоящего действия. Это означает, что если человек решил совершить умышленное убийство, то он заранее готовится к этому преступлению, а значит, все взвешивает, обдумывает последствия и возможные варианты реализации своего плана. Соответственно, действия необдуманные, то есть импульсивные аффектные, стихийные, произвольные, спонтанные, не являются свободными. Так, например, военный офицер, придя домой и застав жену с любовником, тут же застрелил их. Все это произошло в течение нескольких секунд. Вывод: действия офицера не являются свободными.

В частности, Немезий Эмесский пишет: «Добровольное (или произвольное) действие понимается как сознательная разумная деятельность, начало которой находится в самом действующем, то есть человеке. Соответственно, невольное (или произвольное) действие понимается как такое, начало которого лежит вне человека, и оно делится на невольное по насилью и по неведению»¹.

Если все наши действия известны и зависят от Бога, то почему Он позволяет человеку совершать преступления против своих же собратьев? Иоанн Дамаскин в работе «Точное изложение православной веры» признает, что поскольку Бог — начало и причина всякого блага, то любое доброе дело человека совершается с его одобрения, содействия и помощи; порочных дел хотя Бог и не желает, но «позволяет свободной воле»².

По мнению Августина, произволение человека возможно лишь по отношению к греху, к благу же он может устремляться лишь с помощью Божественной благодати³. Д. Дорофеев в связи с этой позицией полагает, что «такой подход привел к необходимости и терминологически различать произвольный выбор человека, сделанный в отчуждении от Бога, и подлинно свободный выбор,

¹ Эмесский Немезий. О природе человека. М., 1998. С. 103.

² Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. Ростов н/Д, 1992. С. 115.

³ Блаженный Августин. Указ. соч. С. 250–253.

который мог быть осуществлен только в Боге. Для первого отрицательного аспекта “произвольного выбора” и стал использоваться термин “спонтанность”, применяемый к человеку, как оценка его своеволия в качестве подтверждения отрицательно оцениваемой претензии на независимость и личную автономность»¹.

Если Бог знает и предвидит действия человека, то почему Он не предостерегает его от совершения убийства? Иоанн Дамаскин отвечает: «Должно знать, что Бог все наперед знает, но не все предопределяет. Ибо Он наперед знает то, что в нашей власти, но не предопределяет этого. Ибо Он не желает, чтобы происходил порок, но не принуждает к добродетели силою»².

Августин, критикуя позицию Цицерона, выделяет три рода причин в мире: случайные, естественные и произвольные, и признает, что человеческая свободная воля является произвольной причиной для полагаемых его действий и как таковая находится во всеобщем временном ряду причин и следствий, которые изначально известны Богу как существу трансцендентному и вечному³.

Свободен ли человек в своих действиях при совершении спонтанных, неожиданных преступлений, например убийства? Немезий Эмесский считает, что человек в любом случае признается началом «своих собственных действий и имеет способность самоопределения»⁴.

Следовательно, даже совершение преступления стихийно, импульсивно, то есть спонтанно, влечет за собой ответственность, так как оно совершено по собственной воле человека. Ансель Кентерберийский полагает, что спонтанность является характеристикой разумных существ. В частности, он отмечает, что человек действует спонтанно, в отличие, скажем, от камня, который «действует по необходимости». Необходимое действие — это действие, полностью определенное «природой»⁵.

¹ Дорощев Д. Под знаком философской антропологии. М.; СПб., 2012. С. 86.

² Дамаскин Иоанн. Указ. соч. С. 115.

³ Блаженный Августин. Указ. соч. С. 250–253.

⁴ Эмесский Немезий. Указ. соч. С. 126.

⁵ Ансель Кентерберийский. Сочинения. М., 1995. С. 198–273.

Из этого тезиса вытекает, что все действия человеческой воли спонтанны, отличаясь от животно-органических «влечений». Слово «спонтанность», как правило, используется для характеристики природных явлений и человеческих поступков. Оно обозначает особый характер причины состоявшегося действия или особое состояние осуществляющегося процесса. Что касается отношения ислама к этому вопросу, то в Коране ясно и однозначно утверждается власть Аллаха над всем тем, что происходит в мире, включая и то, что случается с людьми, над их действиями, поступками. При этом ученые-исламисты по-разному объясняют это утверждение.

Одни уверены в абсолютном предопределении всего того, что происходит с человеком, то есть все его поступки являются желанием Аллаха. Именно Всемогущий руководит деяниями и поступками людей. Поэтому человек, совершая добро или зло, делает это не по своей воле, а по воле Аллаха. Тогда возникает вопрос об ответственности человека за совершенное им преступление. Ведь если человек не является инициатором собственных поступков, в том числе преступлений, и если любые совершаемые действия творятся Аллахом, то как можно быть ответственным за эти действия и заслужить наказание? Не будет ли это несправедливостью со стороны Аллаха, если, создав человека беспомощным и руководя его действиями, лишив его свободы выбора, Он же призывает человека нести ответственность за совершенное преступление, а потом отправляет в ад?

Сторонники отрицания свободы воли человека отвечают на этот вопрос таким образом: человеческое действие является просто воплощением демиургической воли Аллаха. Он — единственный подлинный действитель, человек — действитель лишь в фигуральном смысле (ашариты). Это означает, что от других творений Аллаха человек отличается только тем, что отвечает за свои действия, независимо от того, хорошие они или плохие, добрые или преступные, хотя диктуются они Аллахом. Иначе говоря, Аллах создает как бы действие и параллельно наделяет человека способностью его осуществить, поэтому именно человек и должен нести за это ответственность.

Получается, что до совершения убийства Аллах сотворяет в человеке способность совершить это преступление. Однако до этого Он должен создать действие, ибо без этого действия осуществить убийство невозможно, даже если Аллах вложил в человека способность осуществить это преступление. В таком случае возникает резонный вопрос: если Аллах, действительно, справедлив, а сомневаться в этом не приходится, ибо в Коране это проходит «красной нитью», то как же Он допускает, чтобы наказывали человека за то преступление, в частности за убийство, которое совершено по Его воле? Ведь Аллах не может делать ничего противоречащего справедливости и беспристрастности. Мудрый Аллах может делать только то, что есть благо и добро. Всемогущий и Справедливый Аллах не может быть злым по отношению к своим слугам, то есть к людям, не может совершать злых дел, тем более преступлений, не может требовать от своих подданных невозможного. И вообще, зачем Аллаху возлагать ответственность на людей за то преступление, которое они совершают не по своей воле, а по приказанию Всемогущего? Кроме того, если мы признаем, что Аллах повелевает действиями людей, то это означает, что Он чего-то желает, добивается, в чем-то нуждается. А разве Аллах — властелин и создатель Вселенной, а также всего живого и неживого — в чем-то нуждается? Поэтому желание, а тем более преступное, не может быть приписано Аллаху.

Почему же все-таки существуют зло, насилие, преступления, убийства. Неужели Аллах бессилен перед этими явлениями, отрицательными и вредными деяниями? Если Всевластный не имеет Божественной силы над злом, в частности над преступлениями, тогда получается, что Он слаб против зла. Это одновременно означает, что Аллах не имеет Божественной способности творить зло. С другой стороны, если Он властен над злом, преступлениями, то из этого следует, что Аллах не осведомлен о творящихся на земле злодеяниях и преступлениях, иначе бы Он этого не допустил. Но если Всевластный осведомлен об этих явлениях, значит, Он хочет и нуждается в этом, иначе зачем Ему создавать зло, насилие, преступления.

Однако анализ и глубокое осмысление содержания, в частности, многих аятов Корана дает возможность утверждать, что Аллах

наделил человека свободной волей. Но с какого момента — с самого рождения или же перед каждым его деянием?

Справедливость Аллаха означает, что человек должен быть создателем своих собственных дел. Ибо только в этом случае он может быть свободным, а значит, ответственным за свои деяния. Иными словами, если Аллах создал человека автором собственных деяний, это означает, что только в его воле совершать добрые дела или преступления. Однако Аллах требует от людей не творить зла и не совершать преступлений. Поэтому человек понимается как самостоятельное, волевое живое существо, действия которого могут соответствовать или не соответствовать Божественной воле. Все, что было необходимо сделать Аллаху, это даровать человеку свободу воли и выбор, после чего было достаточно даровать человеку разум для руководства своими действиями. Как сказал Клеанф, «желающего идти судьба ведет, не желающего — влачит».

Мне приходилось очень часто слышать от людей, совершивших преступление, известные всем слова: «Такова моя судьба» или «Это моя судьба». Многочисленные истории из реальной жизни, рассказанные разными людьми, приводят многих к мысли о том, что существует предопределенность, неумолимая *Судьба*, которой подвластны все и вся. Однако все ли предопределено, или мы можем каким-то способом изменить ход событий силой нашей воли, наших желаний? Этот вопрос имеет принципиальное значение в рассмотрении проблемы преступного поведения человека, ибо если это судьба, которая предопределена с момента его рождения, то применение карательных мер к преступнику смысла не имеет. Индийская философия говорит о Дхармане — законе, управляющем Вселенной и всеми ее обитателями. Он также учит, что существует Садхана — смысл жизни и предопределенный путь, на протяжении которого этот смысл проявляется. Она утверждает, что существует Карма — закон действия и реакции. Древние греки также почитали божество, стоящее выше самого Зевса, владыки Олимпа; его называли Зевс-Зен. Эсхил говорит о нем как о божестве, управляющем Судьбой. В древнееврейской Каббале его называли «Ничто». Это тот, кто находится на вершине короны, кто

управляет всеми невидимыми существами. Его импульс исходит с высот, чтобы прийти до нашего мира.

Одним словом, все древние народы интуитивно чувствовали, что далеко за пределами проявленного, даже выше божества, существует загадочный принцип судьбы. Что же такое судьба? Можем ли мы изменить ее? В чем же тогда может быть свобода выбора, которая дана человеку? Как понять, кто из идущих по жизненному пути будет добрым, а кто — преступником?

У античных язычников судьба — непостижимая предопределенность событий и поступков человека. Судьба язычника — это рок, фатум. Человек — игрушка судьбы, раб обстоятельств. От судьбы нельзя уйти, ее нельзя изменить, ей можно только покориться, как призывали делать стоики. Такое понятие судьбы абсолютизирует только один аспект — несвободу человека.

Такой же подход мы наблюдаем у метафизиков, которые утверждают, что человеком руководят высшие безличные силы, власть которых над ним беспредельна. То, что кажется индивиду свободным проявлением его воли или возможностью выбора, — всего лишь иллюзия. Существует неведомая человеку линия его судьбы, и проведение или рок ведет его по ней, предоставляя тому довольствоваться ролью игрушки чьей-то безмерно могущественной воли.

В религиозном сознании существует понятие судьбы как теологической детерминации, то есть Провидения. Не слепой рок, не безличные физические законы, а Премудрый и Благой Творец управляет жизнью человека. Как видим, религия, в отличие от языческой или естественнонаучной роковой детерминации, дает идею свободы и благого Промысла Божия. Лично человек свободен в выборе между добром и злом. Поэтому только от него зависит, какова будет его судьба: станет он добродетелем или преступником. Свою судьбу человек осуществляет в течение своей жизни.

Судьба человека в исламе несколько иная: у мусульман она состоит в абсолютной зависимости от воли Аллаха. Захочет Аллах, и человек будет добродетельным, или, наоборот, преступником. Предугадать невозможно, что же именно надо сделать, чтобы не стать преступником, а значит, попасть в рай. Остается только одно — покорность Аллаху.

Будем исходить из того, что каждый имеет свою судьбу, хотя, что это такое, никто не знает. Однако мы в ответе за то, что происходит с нами каждое мгновение, за то, чтобы не опускать руки и не опускаться самим. Ибо тот, кто верит в абсолютную неизбежность судьбы, позволяет, чтобы его несло течением жизни. А чем это может завершиться, жизнь подтверждает фактами. Каждому человеку дан шанс, возможность идти по пути, в своем ритме и согласно своим способностям, силе воли; но каким бы ни были его ритм и способности, он должен двигаться вперед, постоянно совершенствуясь и очищаясь. Платон сказал, что в своих действиях люди склонны винить судьбу, богов и все что угодно, но только не самих себя. Люди привыкли свою беспомощность, слабость, болезнь, пороки и вообще многочисленные глупости сваливать на судьбу как всеильную богиню. Преступление — это не судьба, а результат отсутствия или слабости силы воли. Человек — волевой в любой ситуации, при любых обстоятельствах, за исключением состояния аффекта, и при особых условиях, в принципе, никогда не способен совершить поступок, противоречащий его же интересам.

III. Психология и истоки преступного поведения. Вопреки Божественным писаниям, утверждающим Божественное происхождение человека, дарвинизм показал нерасторжимую генетическую связь человека с животным миром, установив, что человек произошел от одного из видов животных. Это означало, что наши животные предки имели биологическую сущность.

Процесс их гармонизирующей эволюции был проявлением единства биологического и социального. К моменту возникновения вида «человек разумный» сложилась особая генетическая программа, свойственная только этому виду, которую можно назвать «социализированной». Таким образом, после рождения, в процессе формирования сознания, на базе биологических предпосылок генетическая программа человека не теряет своего значения, она приобретает свойства, обеспечивающие готовность новорожденного к последующему развитию в адекватных социальных условиях. Иными словами, биологические свойства человека приобретают социализированный характер. Однако как живое существо

человек все-таки продолжает подчиняться основным фундаментальным и биологическим законам. Поэтому он обладает особенностями, свойствами, присущими всему живому на земле, и в первую очередь животным.

Итак, развитие человека, как доказывает наука, основано именно на диалектике взаимодействия биологического и социального, а не на их поглощении. Вот почему возникает естественный вопрос: *чего больше в этом случае у человека — биологического или социального?*

Известно, что у высокоразвитых животных и у человека в поведении присутствует значительный компонент агрессии, который проявляется в тенденции отвечать нападением или враждебностью на определенные виды раздражителей. Однако, как справедливо подчеркивает Д. Крук, «не существует достоверных доказательств в пользу генетически (наследственно) обусловленной потребности в агрессивном поведении»¹, хотя именно агрессия считается основным показателем генетической природы преступления. В то же время медицина утверждает, что агрессивное поведение человека не замкнуто фатально на прирожденных механизмах психики, а значит, можно посредством медикаментов ослабить или усилить агрессивность, эмоции. Говоря о биологическом факторе в преступном поведении, одни имеют в виду физиологию человека, другие — генетику, третьи — физические и психологические свойства личности. При этом те или иные свойства человека описываются в самых разных связях с преступным поведением. В конечном счете можно заключить, что ни одна из наук сегодня не в состоянии ответить на вопрос, который существует несколько тысячелетий: что толкает человека на преступление, какие его биологические свойства являются источниками его поведения, в том числе и преступного?

В состоянии ли человек сам, самостоятельно противостоять этим свойствам? В состоянии, если ему будет предоставлена свобода выбора, в том числе свобода совершения противоправного

¹ Крук Д. The Nature and Function of Territorial Agression // Man and Agression. Oxford, 1968. P. 154.

поступка, точнее, если человек по своей природе способен к выбору между преступным и правомерным поведением.

Однако существует противоположное мнение. Так, например, А. Шопенгауэр полемизировал с Ж.Ж. Руссо, утверждавшим, будто человек от природы добр, а во всех его нравственных изъянах виновна цивилизация. Сам Шопенгауэр утверждал, что человек — это страшное подобие дикого животного, которого не смогли укротить цивилизация и культура. Действительно, зло, которое наряду с добром составляет сущность человека, обладает мощной способностью искушать и заманивать человека в свои сети. И если тот поддается темному влечению, его покидает способность к свободному волеизъявлению. Он становится заложником своей страсти, рабом обстоятельств, игрушкой роковых сил.

Что же собой представляет этот добрый — злой человек? Все зависит от того, с какой стороны к нему подойти. *Естественный* человек представляет собой совокупность врожденных свойств и способностей, обеспечивающих его жизнь в природе. Он не знает различий между добром и злом, между преступлением и нормальным правомерным поведением, поскольку существует на бессознательном уровне. *Социальный* человек выступает как совокупность приобретенных качеств, свойств психики, навыков, сознания, поведения и т. д. И, наконец, *духовный* человек — личность, сознающая самоценность собственного внутреннего мира, свою уникальность. Иначе говоря, *человек* — это сложное существо, состоящее из прирожденных признаков (естественный человек), обладающее соответствующими политическими, моральными, юридическими качествами (социальный человек), способное ориентироваться в мире знаков, значений, символов и смыслов — от наиболее простых до самых сложных.

Какова роль каждого из этих свойств человека в его поступках? На этот вопрос уже давно пытаются дать ответ психология, генетика, психиатрия, биология, социология, медицина и другие науки. Огромный вклад в разработку этого вопроса внесла психиатрия, которой постоянно приходится иметь дело с явлениями не только душевной болезни, но и человеческой порочности, а также с преступлениями.

После того как был сделан вывод Ч. Дарвина об «эволюционном» происхождении человека, концепция особой неизменной «субстанции», составляющей «природу человека», оказалась несостоятельной. В связи с этим Э. Фромм замечает, что «новых открытий в человеческой природе можно ожидать только на базе эволюционного учения»¹.

Теория эволюции дала возможность психологии утверждать, что именно эта наука способна дать ответ на исторический вопрос об источниках поведения человека вообще и преступного в частности.

Такой вывод основывается на том, что психология должна заниматься изучением того, какие механизмы стимулируют человеческое поведение и как они могут быть использованы с целью достижения максимального результата. И, как известно, в этом направлении наукой психологией сделано достаточно много открытий, существуют различные теории и направления, хотя и по сей день вопрос об истоках поведения человека остается тайной. И причиной тому, на наш взгляд, является, как правильно подчеркивает Э. Фромм, то, что «сам человек не являет собой совершенное, законченное существо, он еще не готов, полон противоречий. Человека можно обозначить как существо, находящееся в активном поиске оптимальных путей своего развития, причем поиск этот нередко терпит крушение из-за отсутствия благоприятных внешних условий»².

Различные подходы и взгляды психологов на проблему агрессивности поведения человека привели к различным мнениям криминалистов относительно причин преступного поведения.

В 1868 г. появилось сочинение П. Деспина «Естественная психология», посвященное изучению преступников. Знакомство с фактами привело его к убеждению, что у тяжких преступников отсутствует нравственное чувство, говорящее человеку, что есть добро и что есть зло, подсказывающее осуждение преступных желаний и вызывающее последующие угрызения совести. А извест-

¹ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 2012. С. 300.

² Там же. С. 353.

ный французский психиатр Могге в начале XIX в. пришел к выводу, что посредством благоприятных внешних воздействий организм развивается, прогрессирует и путем наследственности дает все более и более совершенные психофизические типы, тогда как под влиянием неблагоприятных внешних факторов он, напротив, регрессирует, портится и путем той же наследственной передачи дает разнообразные, постоянно ухудшающиеся болезненные разновидности, отличающиеся самыми дурными и порочными влечениями, склонностями и вкусами. Эти типы вырождения не только не могут способствовать умственно-нравственному прогрессу человечества, но, напротив, представляют наибольшее препятствие к нему своими соприкосновениями со здоровой частью общества.

Д.А. Дриль в свое время отмечал: «И действительно, опыт учит, что в приблизительно одинаковых условиях один из двух людей впадает в преступление, тогда как другой уклоняется от него ценой здоровья и даже жизни. От чего же, спрашивается, зависит такое различие? От того, что в характере первого, а следовательно, и в лежащей в основе его психофизической организации в данное время есть такие особенности, которые и предрасполагают его к преступлению, тогда как в характере второго, напротив, есть такие, которые воздерживают от него»¹.

Как правило, психиатры и тюремные врачи, исследовавшие природу преступления, указывают на болезненный характер этого явления. Они почти все приходят к заключению о болезненной природе преступления и его аналогии с явлениями вырождения человеческого типа, с одной стороны, и явлениями душевных болезней — с другой. При этом они отмечают множество психических аномалий у преступников: их пониженную чувствительность, эгоизм, отсутствие нравственного чувства.

Для психоаналитиков разум и является той самой отправной точкой, с которой они начинали свои исследования феномена преступления, ибо именно разум считается тем, что коренным образом отличает человека от остальных животных. Поэтому в

¹ Дриль Д.А. Преступность и преступники... С. 59.

разуме надо искать причину особенности человека, то есть склонности к преступлению.

Если исходить из того, что психология должна заниматься изучением того, какие механизмы стимулируют человеческое поведение и как они могут быть использованы с целью достижения максимального результата, то именно психологи должны дать ответ на вопрос: где искать источник поведения человека вообще и преступного в частности и какие механизмы стимулируют это поведение? Согласно теории инстинктивистов (З. Фрейд, К. Лоренц, Э. Фромм и др.), человек живет прошлым своего рода, а значит, его поведение, в том числе преступное, агрессивное, насильственное, связано с его предками, то есть с животными. Э. Фромм утверждает, что гоминидный предок человека был хищником, наделенным агрессивным рефлексом в отношении всех живых существ, включая человека. Следовательно, человеческая деструктивность имеет генетическое (врожденное) происхождение, и, следовательно, Фрейд был прав¹. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть концепции известных представителей инстинктивизма относительно истоков поведения человека и в частности агрессивного.

Начнем с З. Фрейда — одного из первых современных психологов, который исследовал все богатство человеческих страстей: любовь, ненависть, тщеславие, жадность, ревность и зависть.² Источником всех этих страстей, по его мнению, является сексуальное влечение. Фрейд искусственно втиснул все эти страсти в тесные рамки теоретической схемы, где они получили обоснование либо как сублимация, либо как реализация сексуальности в любой форме.

Если говорить коротко, то основная теоретическая посылка Фрейда гласит: человек одержим одной лишь страстью — жаждой разрушить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать. Из этого заключения

¹ Фромм Э. Указ. соч. С. 175.

² См.: Фрейд З.: 1) Введение в психоанализ. СПб., 2012; 2) Психология бессознательности. СПб., 2012.

Фрейд следует, что преступление как одна из форм агрессии (речь идет о насильственных преступлениях) представляет собой некий постоянно присутствующий в организме подвижный импульс, обусловленный самой биологической и физиологической конституцией человеческого существа, самой природой человека.

Иначе говоря, человек представляет собой существо с постоянно возникающей агрессивной преступной энергией, которая не может долго находиться под контролем. Эта энергия либо должна быть использована для полезных целей, либо она проявит себя через насильственное преступление — убийство, изнасилование и т. д.

Следовательно, в человеке действуют силы, которые он не сознает и путем рационализации защищает себя от их осознания. Это означает, что преступное поведение определяют психические силы, которые в основном находятся на бессознательном уровне. Поэтому истоки поведения, в том числе и преступного, можно понять посредством самопознания человека, через раскрытие его неосознанных влечений. Фрейд искренне верил в разум как единственную силу, способную спасти человека от преступных намерений и зла. Но что значит самопознание по Фрейду? А это означает, что человек осознает то, что существует на бессознательном уровне.

Фрейд признавался, что это крайне трудный процесс, ибо человек при этом встречает огромное сопротивление, которое мешает осознать неосознанное. По его мнению, познать самого себя означает интеллектуально и эмоционально проникнуть в самые тайные уголки своей души.

Теория Фрейда одновременно уделяет серьезное внимание проблеме социального окружения. Аксиома фрейдизма гласит: все отрицательное в развитии пациента является результатом вредных воздействий на него в раннем детстве. Следовательно, причины отрицательных психологических факторов в человеке следует искать также в его воспитании и развитии. Одновременно это означает, что истоки преступного поведения генетически не связаны.

Главный прогресс во взглядах Фрейда по сравнению с его предшественниками состоял в том, что он свел все «влечение»

к двум категориям: инстинкту самосохранения и инстинкту сексуальности. Поэтому совершенно справедливо теорию Фрейда можно считать последней ступенькой в истории развития учения об инстинктах.

Фрейд считал своей главной заслугой открытие существования бессознательных психических процессов, отвергаемых сознанием. Что же такое бессознательное по Фрейду? Бессознательное — это область глубинных психических процессов, протекающих вне контроля сознания и представленных в духовной деятельности и социальном поведении человека разнообразными проявлениями положительного и деструктивного характера. Бессознательное способно заявлять о себе в форме преступления. Имеет ли какое-либо значение психоаналитическая концепция Фрейда для криминологического анализа мотивационных предпосылок преступления? Думается, в какой-то мере — да. По крайней мере мы не можем отрицать, что Фрейду удалось обосновать положение о том, что почти всегда, кроме рациональных, осознанных мотивов преступления, существуют еще и глубинные, бессознательные установки, способные быть хотя и скрытым, но ведущим генератором криминальных инициатив. Это подтверждается фактом многих внезапно совершаемых преступлений, а также наукой виктимологией, то есть виной потерпевшего. Возможно ли сгладить остроту столкновений бессознательного с нормативными ограничениями? Иначе говоря, можно ли сделать так, чтобы бессознательное не стало заявлять о себе в форме преступлений? Фрейд указывает на два основных средства. Первое — сублимация как метод трансформации инстинктивно-сексуальной энергии в социальную деятельность. Этот вывод вытекает из положения о том, что важнейшим двигателем человеческих действий в обществе является сексуальная энергия — *либидо*. Если эта энергия не находит себе выхода, то есть не растрачивается, то человек становится или преступником, или психически больным.

Что же делать с теми, кто отбывает длительные сроки наказания и не имеет возможности удовлетворять свои биологические, естественные сексуальные потребности. Или они должны заниматься развратом, или же удовлетворять свои потребности неесте-

ственными способами. Однако, исходя из теории Фрейда, можно предложить другой путь: напряженная физическая работа с тяжелыми условиями, чтобы вся энергия была реализована.

Второе — специально разработанная методика психоанализа, представляющая собой систему психотерапевтических средств. Немецко-американский психосоциолог Карен Хорни считала, что классический психоанализ З. Фрейда демонстрирует явную узость и ограниченность, сводя причины всех неврозов к сексуальным аномалиям.

Итак, согласно концепции Фрейда и неофрейдизму, агрессивное поведение, в том числе преступное, возникает как прорыв нереализованных, скрытых в сфере бессознательного, врожденных влечений. На это американский социолог Э. Шур замечает: «Согласно некоторым взглядам на преступность, бытующим у психоаналитиков, каждый из нас в душе — преступник»¹.

К. Лоренц в книге «Так называемое зло» (1963) пытается доказать, что человеческая страсть к насилию, злу обусловлена биологическими факторами, не подлежащими его контролю. Агрессия, зло представляет собой собственное внутреннее напряжение, которое требует разрядки и находит выражение, невзирая на то, есть для этого подходящий внешний раздражитель или нет. Специфическая энергия, необходимая для инстинктивных действий, постоянно накапливается в нервных центрах, и, когда накапливается достаточное количество этой энергии, может произойти взрыв, даже при полном отсутствии раздражителей.

К каким выводам можно прийти, исходя из концепции Лоренца, при рассмотрении вопроса об истоках преступного поведения человека?

Во-первых, по Лоренцу выходит, что преступное поведение человека не является реакцией на внешнее раздражение, то есть человек совершает, например, убийство безо всяких на то мотивов и причин, ибо это обязательно должно было когда-то случиться, хотя практика свидетельствует о том, что очень большое количество насильственных преступлений совершается именно в результате действия на человека внешних раздражителей.

¹ Шур Э. Наше преступное общество. М., 1977. С. 100.

Во-вторых, преступление, согласно этой концепции, является как бы освободителем энергетической напряженности. На самом деле, имеет место совершение преступлений в результате длительного процесса накопления напряженности в отношениях между преступником и потерпевшим. Это очень часто встречается в бытовых преступлениях, когда отношения между членами семьи или соседями накаляются до предела. В результате происходит взрыв, для которого достаточен небольшой раздражитель, и инстинкт срабатывает.

По Лоренцу, получается, что если бы даже человек не смог совершить убийство в данном случае, то он обязательно это сделал бы в другой раз, в другом месте, в отношении других людей. Однако во многих случаях человек, находящийся в такой ситуации и по каким-либо причинам не реализовавший свое агрессивное поведение, через некоторое время успокаивается и не совершает подобных деяний.

В-третьих, объявлять преступное поведение человека его врожденной чертой означает бесполезность борьбы с этим видом человеческой агрессии. Кроме того, его теория мешает пониманию структуры личности, индивидуальных и общественных условий возникновения и развития преступности.

Что же предлагает Лоренц, чтобы убийств, изнасилований, других насильственных человеческих деяний было меньше? К. Лоренц на этот вопрос отвечает: «В отличие от Фауста, я знаю способ и могу научить людей, как изменить себя в лучшую сторону. И мне кажется, что я здесь не преувеличиваю своих возможностей»¹.

Первая рекомендация — «познать самого себя»: «требование углубить свои знания о причинных связях нашего собственного поведения», то есть о законах эволюции². С этим не согласиться невозможно, ибо все проблемы раскрытия тайны поведения человека, в том числе преступного, непосредственно связаны с недостаточностью наших знаний о природе человека.

¹ Лоренц К. Так называемое зло, 1963. С. 393.

² Там же. С. 374.

Вторая рекомендация — исследование так называемой сублимации методом психоанализа.¹ Как известно, и мы уже об этом говорили, З. Фрейд достаточно глубоко исследовал эту проблему.

Третья рекомендация — «...личное знакомство между людьми различных национальностей и партий»². Можно привести бесчисленное количество примеров, когда именно после значительного общения и дружбы люди, независимо от национальной принадлежности, совершали в отношении друг друга насильственные действия. Узбеки и турки, которые десятилетиями жили вместе в СССР, к моменту развала этого государства совершали преступления, невиданные по своей жестокости. То же самое имело место в результате Карабахского конфликта между азербайджанцами и армянами.

Четвертая рекомендация. «Необходимо помочь молодежи найти подлинные цели, ради которых стоит жить в современном мире»³. Это уже область социальной политики государства. Будет ли полезна и эффективна эта рекомендация, так же как и предыдущая, если сам Лоренц считает преступное поведение человека врожденной чертой?

Итак, и З. Фрейд, и К. Лоренц разными путями приходят к одному и тому же представлению о человеке как существе с постоянно возникающей агрессивно-деструктивной энергией, которая не может долго существовать.

Тезис «деструктивность и жестокость — это не инстинктивные влечения, а страсти, которые корнями уходят в целостную структуру человеческого бытия»⁴ принадлежит не менее знаменитому психологу Э. Фромму. При этом человеческие страсти он рассматривает в связи с их функцией в процессе жизни целостного организма. По его мнению, их интенсивность коренится не в специфических физиологических потребностях, а в потребности

¹ Там же. С. 394.

² Там же. С. 399.

³ Там же. С. 401.

⁴ Фромм Э. Указ. соч. С. 109.

целостного организма жить и развиваться как в телесном, так и в духовном смысле¹.

Психолог пытается доказать, что агрессия и деструктивность, а значит, и преступление как форма агрессии не являются ни биологически данными, ни спонтанно возникающими импульсами, а есть результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека.

Э. Фромм различает агрессию биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни, доброкачественную (например, человек, защищая себя от смертельного нападения, убивает нападающего) и злокачественную агрессию, не связанную с сохранением жизни. Биологически адаптивная агрессия — это реакция на угрозу витальным интересам индивида. Она заложена в филогенезе, свойственна как животным, так и людям, носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу; ее следствие — устранение либо самой угрозы, либо ее причин. В основе же злокачественной агрессивности — не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека².

Следовательно, преступление, на основании этого тезиса, следует отнести к злокачественной агрессии, поэтому оно не является врожденным, а значит, и не может считаться неискоренимым.

В связи с этим допускается, что преступление представляет собой некий человеческий потенциал, от которого можно легко освободиться. Но как? Э. Фромм полагает, что именно *характер* определяет выбор поведения, соответствующего главным целям. Это означает, что мы можем по одной какой-то черте характера «предсказать наиболее вероятное поведение человека. Точнее, мы можем сказать, как он *захочет* себя повести, если ему представится возможность»³.

Следовательно, можно предположить, что именно черта характера заставляет человека вести себя соответственно образу сво-

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 255–256.

³ Там же. С. 119.

его характера. Значит, источник преступного поведения находится в характере человека. Но что означает характер по Э. Фромму?

«Характер, — пишет он, — это относительно постоянная система всех неинстинктивных влечений (стремлений и интересов), которые связывают человека с социальным и природным миром. Это — вторая натура человека»¹. Исходя из этого определения, Фромм считает, что главное заблуждение Лоренца и других исследователей инстинктов состоит в том, что они перепутали два вида влечений — те, которые обусловлены инстинктами, и те, которые определяются характером². Интересно, что Фромм все черты характера сводит либо к сексуальным корням, либо к несексуальным аффектам.

Таким образом, Э. Фромм рекомендует искать причины преступлений, то есть преступного поведения, в характере человека, в котором организована человеческая энергия, направленная на достижение поставленных целей. Характером же определяется выбор поведения.

Существует также признанная многими психологами теория *фрустрации*, которую определяют как негативное психическое состояние, обусловленное невозможностью удовлетворения тех или иных потребностей. Это состояние проявляется в переживаниях, разочаровании, тревоге, раздражительности, наконец, отчаянии. Один из ярких представителей этой теории Дж. Доллард определяет ее следующим образом: «Возникновение агрессивного поведения всегда обусловлено наличием фрустрации, и, наоборот, наличие фрустрации всегда влечет за собой какую-нибудь форму агрессивности»³.

На самом деле, невозможность удовлетворения тех или иных потребностей может привести человека к агрессивности. Однако это абсолютно не означает, что результатом этой агрессивности будет какое-либо насильственное преступление — убийство или изнасилование и т. д. Все зависит от сложившейся ситуации, в которой находится человек, и от соответствующих обстоятельств.

¹ Там же. С. 310.

² Там же. С. 109.

³ *Dollard Y. et al. Frustration and Agression. New Haven: Yale Univ. Press, 1939.*

Понимание бессознательного в качестве основного человеческого фактора преступления можно встретить также у А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

Представления об изначальной порочности человека создали предпосылки для формирования концепции о преступном человеке. Антропологическая модель, предлагаемая, в частности, Ч. Ломброзо, основывается на представлении о человеке, преимущественно как о существе биологическом и психологическом, «естественном» или «природном». На основании собственных тщательных исследований заключенных сотрудник Ломброзо, психиатр и тюремный врач Магго в своем замечательном сочинении (“I caratteri dei delinquenti”, 1887 г.) склоняется в сторону преобладания влияния «болезненной наследственности в этиологии преступления». Обращает на себя внимание и тот факт, что Магго в вопросе о наследственности физических и психических качеств ссылается на влияние возраста родителей в момент зачатия ребенка. Он утверждает, что каждому возрасту свойственны свои физические и психические особенности. Все это влияет на склонность к преступлению. Кстати, психологический детерминизм характерен и для ряда социально-психологических теорий преступности, разработанных американскими социальными психологами Э. Сатерлендом, Д. Матсом, Т. Сайксом, Э. Глюком и др.

Итак, результаты современной психиатрии не в силах с точностью и ясностью объяснить нам причины преступного поведения человека, ибо жизнь показывает, что подавляющее население планеты все-таки легко справляется с собственными агрессивными эмоциями и успешно их подавляет.

Конечно, мы не в состоянии объяснить все действия человека, в том числе преступные, все психические процессы лишь благодаря выяснению вопросов о происхождении и эволюции человека. Хотя «человеческой природой» кое-кто и по сей день пытается объяснить и оправдать гнусные поступки — алчность и мошенничество, ложь, насилие и даже убийство¹.

¹ Фромм Э. Указ. соч. С. 300.

Может ли человек вообще познать самого себя? К сожалению, ни Фрейд, ни Лоренц, ни Фромм не знают ответа на этот вопрос. Они лишь отвечают на вопрос, что понимать под «познанием самого себя»? Так, например, Лоренц утверждает, что это теоретическое знание о фактах эволюции и, особенно, об инстинктивных корнях агрессивности. В принципе, проблема сущности и природы человека считается прерогативой философии и религии. Нас же эта проблема интересует в той мере, в какой она поможет понять, где искать истинные причины человеческого преступного поведения — в биологических, психологических или социальных корнях. Когда эволюционная теория Дарвина разрушила образ Бога как Высшего Творца, одновременно утратила силу и вера в Бога как Всемогущего отца, хотя многие сумели сохранить веру в Бога наряду с признанием теории Дарвина. После того как был сделан вывод об «эволюционном» происхождении человека, концепция об особой, неизменной «субстанции», составляющей «природу человека», оказалась несостоятельной. Следовательно, дальнейшее углубление знаний о человеке, о сущности и причинах его поведения непосредственно связано с новыми открытиями в человеческой природе на основе эволюционного учения.

Э. Фромм пишет: «...человек отличается от животных именно тем, что он — убийца. Это — единственный представитель приматов, который без биологических и экономических причин и убивает своих соплеменников и еще находит в этом удовлетворение. Это та самая биологически аномальная и филогенетически не запрограммированная “злокачественная” агрессия, которая представляет настоящую проблему и опасность для выживания человеческого рода»¹.

Интересно, что почти все исследователи приходят к единому выводу: чем выше уровень развития живого существа, тем меньшую роль в его жизни играют жесткие, филогенетически заложенные модели поведения. Однако мы являемся свидетелями того, что высокоразвитое общество, с высоким уровнем развития чело-

¹ Там же. С. 17.

века, в широком смысле слова, не способствует резкому уменьшению жестокости в преступном поведении.

Если исходить из теории инстинктов, то человек не имеет ответственности за свое преступное поведение, поскольку он не имеет ни капли свободы, выступая в роли марионетки, которая управляется инстинктами. Но тогда почему подавляющее большинство людей не совершают убийств, изнасилований и т. д.? Может быть, у человека есть антипреступный, антиагрессивный инстинкт? Действительно ли у человека нет внутренних преград против преступного поведения?

К. Лоренц, например, считает, что у человека, в отличие от хищника, нет никаких инстинктивных преград против убийства себе подобных. Э. Фромм, наоборот, полагает, что существует много доказательств того, что у человека есть внутреннее «не убивай!» и что акт убийства влечет за собой угрызения совести¹.

Представляется, что насколько человеку удастся подавлять свои страсти, зависит не только от внутренних факторов, но и от соответствующей жизненной ситуации и мотивов преступления, в том числе убийства.

В объяснении истоков преступного поведения человека диаметрально противоположную инстинктивизму позицию занимают представители теории среды. По их мнению, человеческое преступное поведение формируется исключительно под воздействием социального окружения, то есть определяется не «врожденными», а социальными, культурными, внешними факторами. Философское начало этой теории выглядит так: человек рождается добрым и разумным, и если в нем развиваются преступные наклонности, то причиной тому — дурные обстоятельства, дурное воспитание, внешние условия и т. д.

Самый простой пример влияния среды на личность — прямое воздействие окружения на рост мозга. Так, Б.Ф. Скиннер считает, что, невзирая на генетические предпосылки, поведение полностью определяется набором «стимулов», которые создаются двумя

¹ Там же. С. 168.

путями: либо в ходе нормального культурного процесса, либо по заранее намеченному плану¹.

Следовательно, путем правильного применения позитивных «стимулов» можно в невероятной степени менять поведение человека с преступного на благодетельное. Путь к исчезновению преступности, по мнению Скиннера, лежит в создании более совершенного, научно обоснованного общественного строя, ибо человек формируется под влиянием социума и в «природе» человека нет ничего, что могло бы решительно помешать становлению мирного и справедливого общества.

На самом деле, под влиянием определенных обстоятельств любой человек может прийти до какого угодно состояния, в том числе и до состояния преступного поведения, вопреки всем своим представлениям о нравственности, вопреки личной порядочности и всем социальным принципам, ценностям и нормам. Он часто может пожертвовать всем из ненависти, алчности, эгоизма, садизма. Поэтому человеческое поведение не поддается объяснению, если его рассматривать как следствие исключительно только обучения и воспитания, то есть привития, как говорит Скиннер, позитивных «стимулов».

Теория среды оставляет открытыми очень важные вопросы: что же мы должны включить в окружающие условия, необходимые для полного развития всех человеческих возможностей? Способно ли правильное, справедливое общество обеспечить формирование нормального человека до такой степени, чтобы он не совершал убийств, насилия и других преступлений?

IV. Генетика и преступное поведение. Существенный вклад в объяснение причин поведения человека внесла, несомненно, генетика.

Современные достижения этой науки убеждают, что многие болезни человека или непосредственно наследуются, или же передается предрасположенность к ним. Наследственные признаки

¹ См.: The Design of Cultures // Daedalus. Cambridge, 1961. P. 534–546 (American Association for the Advancement of Science).

передаются детям от родителей через половые клетки. Знаменитый генетик Н.П. Дубинин пишет: «Признавая социализированный характер биологических свойств человека, не следует упускать из виду, что как живое существо он подчиняется, вместе с тем, фундаментальным биологическим законам, и в этом отношении обладает особенностями, присущими всему живому на Земле»¹.

Генетика — наука о законах наследственности и изменчивости организмов. Биологическое в человеке имеет огромное значение для его жизнедеятельности. Для человека как общественного существа биологическое выступает в качестве необходимой предпосылки развития его надбиологических свойств. Главный вопрос: имеется ли вообще какая-либо взаимосвязь, пусть самая отдаленная, между наследственными свойствами организма и поведением человека, в том числе преступным?

Отметим сразу, что каждый человек генетически уникален: анатомически, биохимически, физиологически, по темпераменту, характеру и другим особенностям он неповторим. Его генетической копии нет на Земле сейчас, не было в прошлом и не будет в будущем. Даже однояйцевые близнецы различаются по наборам соматических мутаций. Поэтому при определении причин и механизмов преступного поведения человека это должно быть учтено.

Принципиальный вывод генетики как науки о наследственности заключается кратко в следующем. Разумный человек не смог бы выполнить роль мыслящего, деятельного существа, способного к неограниченному социальному прогрессу, если бы его мысли и поступки были врожденными, генетически запрограммированными. Тем не менее науке известен целый ряд фактов, свидетельствующих об определенных предпосылках, которые лежат в основе проявлений таких феноменов человека, как слабоволие, преступность и др.²

¹ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика. Поведение. Ответственность. М., 1982. С. 14.

² См.: Пастуший С.А. Философия и современная биология. М., 1973. С. 195.

Однако это не означает, что объяснение поведения человека должно основываться исключительно на изучении поведения животных, ибо первостепенная роль культуры делает человека уникальным биологическим видом. Ф. Энгельс писал: «Уже сам факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освобождается полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно, речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, речь может идти только о различной степени животности и человечности»¹.

Необходимо отметить, что биологическое — это не обязательно и не только генетическое. Биология человека — это и строение его тела, и функции внутренних органов, здоровье и болезнь и т. д. Поэтому связь биологического с поведением человека, в том числе и с преступным, поистине гораздо более широкая, чем роль наследственных свойств человека.

В связи с рассматриваемой проблемой возникает весьма интересный вопрос: можно ли объяснить различия в поведении групп, рас генетическими особенностями? Ведь если действительно генетика играет существенную роль в поведении человека, то само собой разумеется, что она оказывает влияние на поведение целых племен, рас и т. д. Иначе говоря, если признать, что на поведение людей влияют генетические свойства, то тогда возникает вопрос: одинаковы или различны генетические свойства разных народов? По крайней мере, на сегодняшний день наука дает на него отрицательный ответ. Другой вопрос: поддается ли генофонд народа изменению в процессе исторического развития? Если отвечать на этот вопрос с точки зрения рассматриваемой нами проблемы, следует отметить, что за последние 20 лет преступность в Азербайджане возросла, хотя и незначительно. Однако это не означает, что за это время изменился генофонд нашего народа и что число «преступной наследственности» возросло. Скорее всего, это связано с изменениями экономических, социальных, политических, психо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 102.

логических условий жизни общества, которые, несомненно, оказывают серьезное влияние на поведение человека.

Современная генетика заставляет подумать о формировании нового человека. На самом деле, если поверить утверждению о том, что все стороны жизни человека детерминируются его генами, то для формирования нового человека потребуются изменить генетические свойства людей. Следовательно, если будет установлено, что преступное поведение человека — это генетическая причина, то есть связана с наследственностью, тогда необходимо путем медицинского вмешательства изменить эти гены и человек больше не совершит злых, преступных поступков. Но ведь он не совершит повторных преступлений. А как быть с потенциальными преступниками? Ф. Крик, например, предложил признавать человеком только после генетической проверки. Новорожденный, не выдержавший такой проверки, должен лишиться права на жизнь.

В одном из романов хирург-генетик говорит следующее: «Быть может, в будущем, в век полного гуманизма, люди сочтут более гуманным уничтожить не весь организм преступника, а то в нем, что делает человека преступным... я имею в виду ту запись кодом жизни, которая позволила развиваться у человека античеловеческим чертам». Далее он продолжает, обращаясь уже к самому преступнику: «Я изменю не только цвет ваших глаз, не только некоторые черты вашего лица, но и ваш преступный строй мыслей. Я переделаю вашу нуклеиновую основу»¹.

Конечно, если у новорожденного обнаружатся какие-либо генетические особенности, которые в последующем станут причинами серьезных заболеваний, то медицинско-генетическое вмешательство можно считать допустимым. Однако определять путем генетического кода по признакам наследственности преступное поведение человека в будущем и на этом основании применять хирургические методы не только не оправданно с этической стороны, но и чревато серьезными последствиями для здоровья.

Прежде чем генетике заниматься этой проблемой, необходимо найти *то* в человеке, что приводит к преступным деяниям.

¹ См.: Казанцев А. Льды возвращаются. М., 1981. С. 387, 430.

Тем не менее вопрос о том, можно ли «улучшить» человеческую природу медико-биологическими методами, существует.

Встречается мнение, что успехи генетики якобы представляют собой научную основу для создания высших рас путем селекции людей. Так, лауреат Нобелевской премии — Г. Мёллер, начиная с 1929 г., неоднократно выдвигал и развивал идеи об использовании генов выдающихся мужчин — лидеров человеческой породы для передачи их многим потомкам путем искусственного осеменения женщин. Для этого он даже предложил список выдающихся людей, сперму которых следовало бы использовать¹. Логически из этого положения вытекает, что дети, родившиеся от рецидивистов, обязательно будут преступниками.

Некоторые даже утверждают, что на нашей планете нет гуманного человека, его можно будет создать только при условии изменения генетики человека (К. Лоренц).

Действительно, в XX в. и сегодня вопрос о необходимости генетического совершенствования человека является весьма актуальным, поскольку предполагается, что природу человека определяют его гены и что здесь ничего нельзя добиться путем преобразования только социальных условий.

Вопрос о том, как сделать людей лучше, чтобы они были добродетелями, а не злодеями, существовал всегда и во все времена. Ж. Ленжен писал: «Лично я не верю, что когда-нибудь с помощью трюков геной инженерии будет создано суперчеловечество. Чтобы создать человека более умного, чем мы, мы уже должны быть умнее, чем можем быть. Медицина более скромна, но намного более эффективна»².

Вот почему я тоже не верю в то, что существуют какие-то методы и средства медицинского характера, способные сделать человека непроступником, ибо сама наука генетика еще не смогла ответить на вопросы: где источник преступного поведения чело-

¹ Мёллер Г. The Inideme of Human Evolution // Studiesin Geneties, 1962. P. 560.

² См.: Ленжен Ж. Генетика и психическое здоровье // Генетика и благо- состояние человечества. 1980. № 7. С. 92.

века? Какова роль наследственности в этом вопросе? Ясно одно: в самом человеке есть «То», что двигает, толкает его на определенное поведение. Способен ли человек регулировать, контролировать это поведение? Иначе говоря, может ли человек противостоять «злым» силам, которые и приводят его к совершению преступления. Обладает ли он этими качествами?

Именно в ответе на эти вопросы скрывается тайна преступного поведения человека. Если человек, в принципе, по своей природе лишен возможности бороться со злыми силами, действующими на него, то мы не вправе осуждать его за преступные действия. И наоборот: если человек сам способствует или же не противостоит этим силам, то он, вне всякого сомнения, несет полную ответственность за свои поступки, ибо это был его выбор поведения, причем выбор свободный.

V. Философия и свобода воли. Проблема причин преступного поведения человека для философии — это, в принципе, проблема свободы воли. Иначе говоря, философская проблема свободы воли связана с тем, чтобы определить: предопределено или нет поведение человека чем-либо, не зависящим от его сознания и воли, — судьбой, Богом, внутренней природой организма, генами, окружающей средой и т. п.

Именно от объяснения этого вопроса зависит разрешение других, более конкретных задач: ответствен ли и в какой степени человек за свои поступки, ответствен ли он за них в правовом, нравственном, религиозном смысле? Следует сразу отметить, что ни в каком другом вопросе в истории философии, за исключением, пожалуй, вопроса о понятии божества, невозможно встретить столько мнений и рассуждений, взаимных обвинений и упреков, как в исследовании проблемы о свободе воли. И это вполне естественно: именно в этом вопросе пересекаются нити всех основных дисциплин философии.

Философы, как правило, связывают *свободу* с желанием, хотением. Если желания носят плотский характер, то человек рассматривается как существо несвободное, зависимое. Если же человек отталкивается от каких-либо нравственных начал, стремится по-

давить такие желания, освободить себя от их притязаний, то он рассматривается уже как свободный.

Желание есть, как известно, носит плотский характер. Человек совершает кражу хлеба только для того, чтобы выжить, иначе умрет, ибо других вариантов не существует. Разве в данном случае человек не рассматривается как существо свободное? Ведь он совершает кражу, потому что у него другого выхода нет. Это естественная потребность организма, без которой наступает смерть. В данном случае человек, зная это, совершает поступок, абсолютно зависящий от его свободной воли. Если бы он предпочел смерть, а не кражу, которая формально считается преступлением, то и в этом случае решение считается свободным от его воли. Половая связь, сношение, также является естественной потребностью человека, то есть тоже носит плотский характер. Однако в отличие от кражи хлеба, человек способен подавить свое желание и стремление насильно вступить в половую связь с женщиной. Он в состоянии освободить себя от этого притязания. Принятие решения зависит от его воли. Но что такое «свобода»?

Ш. Монтескье писал: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различные впечатления на умы, как слово “свобода”»¹. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с имеющимися в литературе по философии определениями.

«Свободной называется такая вещь, — писал Б. Спиноза, — которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу»². «Я свободен, если могу делать то, что я хочу»³, — отмечал А. Шопенгауэр. «В конце концов, свобода — это внутреннее ощущение, субъ-

¹ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 288.

² Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произв: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 362.

³ Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 48.

ективно переживаемое, интимное чувство, и человек, находясь в одинаковых условиях, может ощущать себя свободным или несвободным»¹. Э.А. Поздняков утверждает, что свобода проявляется именно в феномене хотения².

Обобщая многочисленные высказывания и определения относительно понятия свободы, можно заключить, что свобода обычно трактуется как совокупность возможностей, которые позволяют человеку удовлетворять свои стремления и находить пути для самореализации. Понятно, что абсолютной свободы быть не может. Поэтому для полного определения этого понятия при каждом его применении всегда спрашивается: свобода от чего. Применительно к поведению человека свобода всегда есть способность последовать предписаниям разума. Человек вследствие своей сознательности обладает относительной свободой.

Проблема свободы воли исконно была предметом не только теории, но и практики. При ее философском рассмотрении практические мотивы мышления заявляют свои права так же энергично и большей частью даже энергичнее, чем теоретические. Первое объяснение проблемы свободы воли было дано, скорее всего, Аристотелем в третьей книге Никомаховой этики, которая начинается указаниями на то значение, какое имеет добровольность поступков для их вменяемости, особенно в уголовном отношении. Этот момент подчеркивает соотносительность понятий свободы и ответственности. Уже в вопросе Сократа о «добровольном совершении несправедливого» появляется зародыш проблемы свободы воли. Поэтому вряд ли можно согласиться с Э.А. Поздняковым, полагающим, что античную философию не интересовала проблема о свободе воли³.

Полагаем, что именно древние мудрецы и философы советовали начинать изучение дел человеческих, в первую очередь, с познания самого себя. А это вряд ли возможно без рассуждений, размышлений о свободе воли человека. Итак, споры в философии

¹ Сорокина Ю.В. Введение в философию права. М., 2001. С. 96.

² См.: Поздняков Э.А. Философия свободы. С. 26.

³ См.: Там же.

сводятся к столкновению двух концепций: воля свободна; воля несвободна.

Одни (индетерминисты) провозглашают тезис о неограниченной или почти неограниченной свободе воли. Человек, по их мнению, в принципе, может принимать любые решения, волен действовать согласно собственному выбору, независимо и даже вопреки внешним обстоятельствам.

Гегель пишет: «Часто выражаются так: моя воля была определена такими-то мотивами, обстоятельствами, соблазнами и побуждениями»¹. Этими словами великий философ хочет сказать, что оправдывать преступные деяния и списывать все зло на социальную среду и внешние обстоятельства и создающие их анонимные силы с целью уйти от ответственности противоречит природе и сущности человека.

Другие (детерминисты) исходят из того, что, если бы что-то зависело от свободной воли человека, мы имели бы полную возможность избегать неприятностей, не совершать зла и преступлений.

Наследственные и семейные обстоятельства закладывают в человека первоначальные установки, которые он пронесет через всю жизнь. Все это вместе с характером предопределено, а вместе с этим предопределены и многие другие вещи, от которых зависит жизнь человека.

Так, М. де Монтень в свое время отмечал, что чувства не порождаются рассудком и размышлениями, а вызваны обстоятельствами. Поэтому «вернее всего было бы объяснить наши поступки окружающей средой, не вдаваясь в тщательное расследование причин и не выводя отсюда других умозаключений»². Более точно об этом писал П. Гольбах: «Ничего в природе не может произойти случайно, все следует определенным законам; эти законы являются лишь необходимой связью определенных следствий с их причинами»³.

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. С. 26–29.

² О природе человека: Монтень, Ларошфуко, Паскаль. С. 106.

³ Гольбах П. Избранные антирелигиозные произведения. М., 1994. Т. 1. С. 34–35.

Следовательно, человек целиком зависит от двух вещей: наследственности и окружающей среды. Все, что он представляет собой, все, что он имеет, есть продукт этих двух вещей. И не одну из них человек не выбирает — они ему даются и с ними, и в них он живет всю свою жизнь как в достаточно жестких рамках. Так, Т. Гоббс отмечает: «Ничто не начинается само собой, а лишь благодаря действию какого-либо другого непосредственно извне данного фактора. Таким образом, когда у человека появляется стремление или воля к чему-нибудь, относительно чего у него только что не было ни стремления, ни хотения, то причина его хотения — не само это хотение, а нечто, от него не зависящее... Всякое событие, как бы оно ни казалось случайным или как бы оно ни было произвольным, наступает с необходимостью»¹.

В самом деле, почему человек — разумное существо — способен совершить зло? Может быть, действительно, в его природе имеются такие наклонности, которые толкают его на антисоциальные поступки? Может быть, само общество, среда создают условия и стимулы для реализации заложенных в человеческой природе (если, конечно, они имеются) склонностей к совершению преступления? Все эти вопросы носят не только теоретический характер, а, скорее всего, практический, ибо невозможно возлагать на человека ответственность за совершенное им преступление, если оно было порождено биологическими свойствами его организма, жестко им детерминировано. Не может человек также отвечать за свои поступки, если они были причинно обусловлены только условиями внешней среды.

Таким образом, признавая свободу выбора поведения, мы допускаем и наказание преступника. Сущность преступления, а значит смысл и значение наказания, мы сможем познать только в том случае, если будем способны раскрыть поведение человека вообще и преступника в частности. Человек, наделенный огромной жизненной энергией, способен как созидать, так и разрушать, совершать как добро, так и зло. При этом он знает, чего избегать и

¹ Гоббс Т. О свободе и необходимости // Гоббс Т. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 556–558.

чего желать вследствие способности рассуждения и сравнения разных вещей. Поэтому тогда, когда человек идет на преступление, он знает, на что идет, ибо этот выбор — результат его мысленного рассуждения и сравнения полученных выгод и возможных потерь в результате этих действий. Гегель писал: «Если человек ссылается на то, что с истинного пути его совратили обстоятельства, соблазны и т. д., то этим он хочет, как бы, отстранить от себя поступок, но тем самым лишь принижает себя до несвободного существа — существа природы, в то время как на самом деле его поступок всегда является его собственным поступком, а не поступком какого-то другого, то есть не является следствием чего-либо вне этого человека. Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это»¹.

Как правило, каждый человек ищет источник своих недостатков и пороков не в собственной жизни и в самом себе, а в обстоятельствах, лежащих вне его жизни. «Делая же человека во всем зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, — писал Ф.М. Достоевский, — учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»².

Обычное рассуждение, посредством которого общественное сознание оправдывает наказание человека за преступное действие, им совершенное, сводится к тому, что человек обладает свободной волей, то есть если он избирает преступление, то является ответственным за свой выбор и, естественно, должен нести за него наказание. Так рассуждает также традиционная философия, а вслед за ней — классическое направление науки уголовного права.

В соответствии с религиозной концепцией человек обладает автономной сферой, где его совесть остается самовластным хо-

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. С. 26.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 16.

зьяном, ибо от свободного волеизъявления в конечном счете зависит добро или зло.

Итак, в зависимости от того, свободен человек или нет, или в зависимости от степени его свободы во время выбора определяется ответственность, а также степень наказуемости. Нет такого разумного существа, у которого отсутствовала бы свобода воли. Человек наделен от природы могучим разумом, обладает способностью рассуждать и отличать добро от зла, правомерное поведение от неправомерного. Поэтому он прекрасно знает, чего хочет и чего следует избегать. Выбор остается за ним. В связи с этим нельзя согласиться с мнением Л. Фейербаха, утверждавшего, что «часто виновник поступка сам не может более объяснить его путем самоанализа, так что изумленно восклицает: “Как это оказалось возможным, что я желал подобного поступка? Как мог я запятнать свою честь, столь дорогую для меня? Как мог я пожертвовать своим благородством, например, ради девчонки, своим благополучием — ради какого-то пустяка?”»¹

Вроде бы все правильно. Вряд ли найдется человек, который не совершал бы поступка, о котором потом сожалел. Это вполне естественно. Само сожаление о совершенном поступке — уже свидетельство того, что человек — разумное существо, что поступок — это волевое решение его самого. Совершенное преступление выступает перед его глазами во всей своей мерзости тогда, когда преступление уже находится вне досягаемости человека, когда его нельзя уже сделать несостоявшимся. Но так бывает не всегда. Как правило, это относится к тем преступлениям, которые совершаются без предварительной подготовки, то есть неожиданно, спонтанно, вследствие определенных обстоятельств. Однако и в этой ситуации человек способен подавлять или переключать агрессивные инстинкты на ненасильственные формы разрядки психической энергии. Все зависит опять-таки от силы воли человека. Особенностью «культурного человека», как подчеркивал З. Фрейд, является способность силы воли подавлять инстинкт. Выбор поведения, как следствие силы воли, часто происходит

¹ См.: Правовая мысль: Антология. М., 2011. С. 275.

бессознательно, автоматически, без сосредоточения на нем, по привычке, но, тем не менее, он всегда имеет место.

В связи с этим хотелось бы возразить Э.А.Позднякову, который полагает, что свобода выбора «не дает человеку ничего, кроме тягостного конфликта мотивов и доводов, смятения ума, решимости и угасания порывов»¹. Далее автор конкретизирует и уточняет свою мысль. Он пишет: «Возможность выбора не только не увеличивает свободу действия, но, наоборот, сводит ее к минимуму. Чем больше степеней свободы, тем менее свободно существо — таков закон, по крайней мере в случае с человеком. Нет для человека ничего ужаснее и мучительнее, чем свобода выбора между разными альтернативами поведения и действия, между разными возможностями, между разными путями»².

Выбор — это процесс оценки, сопоставления, взвешивания между разными альтернативами. Поэтому, чем больше возможностей выбора, тем человек более тщательно может все обдумать и взвесить для принятия правильного решения. Минимум альтернативы — основа ошибочного выбора.

Всегда, в любой ситуации возможность большого количества выбора свидетельствует о свободе действия. В этом я убедился, когда сталкивался с разными случаями из криминальной жизни, будучи руководителем Института судебной экспертизы Азербайджана. Так, в одном из районов республики 72-летний мужчина застрелил из охотничьего ружья собственную дочь 30 лет, которая, будучи замужем, имея 2 детей, семью, уехала в г. Баку, где вела аморальный образ жизни. Узнав об этом, отец, который у себя в деревне среди односельчан пользовался большим авторитетом, был подавлен. Через некоторое время дочь неожиданно возвратилась домой и между нею и отцом состоялся разговор следующего содержания: отец просит дочь снова уехать в город, чтобы не попадаться на глаза людям, ибо он уже опозорен из-за ее поведения. Разговор происходил в комнате отца, где на стене висело ружье. Дочь в циничной форме в просьбе отца отказывает и заявляет, что

¹ Поздняков Э.А. Философия преступления. С. 104.

² Там же.

живет так, как ей хочется. Отец хватает ружье и одним выстрелом ее убивает. Что толкнуло его на это? Мог ли он сдержать себя? После длительной беседы во время психологической экспертизы было установлено, что именно ее слова «я буду жить так, как мне хочется» послужили толчком к убийству собственной дочери.

Что сыграло решающую роль и определило выбор преступного поведения в данном случае? Человек, как известно, действует на основании не инстинкта, а мыслящего разума, или того механизма, который и определяет, главным образом, его волевое поведение. Но что это за механизм? Существует ли он в самом человеке или вовне?

Одни ученые считают, что именно *желание* человека является частью его сознательной волевой жизни¹. Причем желание человека всегда проявляется, пусть и незаметно, даже тогда, когда его тормозит другая волевая деятельность. Человек, уже сознающий, находится всегда в состоянии сдерживания желаний, которые нейтрализуются другими желаниями. Поэтому желания взаимно сдерживают друг друга. В результате уравнивания желаний возникает выбор. Однако в рассматриваемом случае, как следует из сути дела, желания убить собственную дочь у отца не было. Так что этот механизм не мог быть решающим в волевом выборе поведения.

Другие ученые полагают, что главная и основная пружина в человеке, как и в животном, есть *эгоизм*, то есть влечение к бытию и благополучию². Потребность есть ощущение недостатка, свойственного всякому живому органическому существу, находящемуся во взаимодействии с окружающим миром и черпающему из него средства для поддержания своей жизни. Удовлетворение потребностей и влечений доставляет человеку удовольствие, неудовлетворение причиняет ему страдание. Поэтому человек, естественно, стремится к удовлетворению и избегает страдания. Стремясь удовлетворить свои потребности и влечения, человек, когда это невозможно сделать правоммерным путем, беспрерывно нарушает закон

¹ См.: Виндельбанд В. О свободе воли. М., 2000. С. 16.

² См.: Шопенгауэр А. Об основе морали. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 196.

и совершает преступление. А так как эти потребности и влечения даны ему от рождения, то можно сказать, что он имеет стремление к греху по самой своей природе. Отсюда — происходящая в нем борьба между злом, то есть стремлением к совершению преступления, и сознанием, противостоящим нарушению закона.

Прирожденными потребностями можно считать только естественные потребности человека есть, пить и т. д. Что касается влечений, то они не природенные, а приобретенные в процессе жизни, например влечение к наркомании, алкоголю, проституции и т. д. Поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что отец убил свою дочь ради влечения. Представляется, что будет правильнее, если мы обратимся к психическим силам, которые играют исключительно важную роль в механизме выбора того или иного поведения в определенной ситуации. Полагаем, что приведенный нами пример конкретного преступного поведения подтверждает этот аргумент. В результате психологического анализа пожилого отца — убийцы было явно видно, что его поведение представляло во время совершения преступления реализацию и выявление психических переживаний, которые длительное время накапливались в нем и оказывали на него сильное воздействие. Они были связаны именно с аморальным образом жизни его дочери. Если бы отец сам был человеком безнравственным, недостойным и неуважаемым среди односельчан, естественно, он бы никогда не чувствовал этих переживаний, которые привели к совершению убийства собственной дочери. По теории З. Фрейда (теория психоанализа, бессознательного), в любое благоприятное время бессознательное может всплыть на поверхность и при слабом психоаналитическом контроле вызвать нерациональные, странные поступки, болезненно извращенное поведение.

Надо отметить, что теория Фрейда соответствовала традиционным философским, юридическим и психологическим представлениям о свободе воли, с учетом которых возможности психической и рациональной регуляции поведения человека казались поистине неограниченными. Г.В. Мальцев пишет: «Ключевым для Фрейда становится представление о том, что поведением людей правят иррациональные психические силы, а не законы обще-

ственного развития, что интеллект — аппарат маскировки этих сил, а не средство активного отражения реальности, все более углубленного осмысления ее, что индивид и социальная среда находятся в состоянии извечной и тайной войны»¹.

Совершению преступления в нашем примере способствовало также удовлетворение отцом-убийцей чувства эгоизма, ибо личное достоинство и честь он поставил выше жизни дочери. Именно эгоизм в данном случае сыграл роль пружины в человеке, как и в животном. Однако всего этого не произошло бы, если бы не было соответствующих внешних факторов, независимых от преступника: отец и дочь были одни; ружье было под рукой; все уже спали, было поздно. Если бы одно из перечисленных внешних условий отсутствовало, преступления могло бы и не быть. Например, если бы в комнате был третий человек, который старался бы разрядить обстановку, мог бы старик сдерживать себя и выбрать другое поведение, то есть не совершать убийства, а, например, ударить ее или плюнуть ей в лицо и покинуть комнату? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем другой пример из личной практики.

Офицер полиции неожиданно для жены застал ее дома с другим мужчиной, как говорят, «в теплой постели». В этот момент служебное оружие было при нем и он мог бы свободно им воспользоваться. Однако, увидев эту сцену, он спокойно ушел на кухню и попросил их одеться, после чего выпроводил любовника жены. Спокойно обсудив сложившуюся ситуацию, они решили расстаться. Почему он сдержал себя, хотя и условия, и обстоятельства способствовали тому, чтобы бессознательное в нем вызвало нерациональное поведение? Почему мыслящий разум направил его волевое решение не на совершение преступления?

Итак, при почти одинаковых условиях и обстоятельствах, способствующих совершению преступления, одни его совершают, а другие — нет. Значит, человеческий фактор, психологические установки, то есть все то, что связано с самой личностью, играет исключительную роль и является причиной преступного поведения при убийствах, а также насильственных преступлениях

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 150.

без умысла корысти. Не каждый человек способен сдержать себя от совершения преступления вследствие унижения его чести и достоинства. Это не месть за унижение и оскорбление, а *неспособность* удержать себя в силу своих природных, человеческих особенностей. Другое дело, когда мужчина специально готовится в течение некоторого времени, чтобы убить любовника своей жены. Это уже месть. Когда же речь идет о причинах корыстных или же корыстно-насильственных преступлений, то на первый план, естественно, выступает социальный, внешний фактор, хотя и в корысти также имеется человеческий фактор: жадность, стремление к обогащению, нажива и т. д.

То, что преступление — продукт свободного индивидуального выбора, осуществление воли, а *не результат* порабощения воли действием индивидуальных закономерностей, мы выяснили. Но почему человек, имеющий возможность выбора поведения на основе свободы воли, все-таки идет на преступление? Что его толкает на это? В принципе, человеку свойственно страстно тянуться к тому, чего нет вблизи, что находится далеко, а также запрещено. Это может быть и жажда наслаждений, и жажда обладания, и жажда власти, и т. д. Анализ конкретных преступлений всегда об этом свидетельствует. Раскрывая причины преступления, а точнее, преступного поведения человека, мы, тем самым, раскрываем сущность природы индивидуума и его поступков, его психологию, социологию, характер, наклонности и интересы, уровень развития и воспитания.

Будучи одной из форм действия, преступление имеет свойство испытывать человека, заставляя его раскрыться полностью, обнаружить те качества, которые при иных обстоятельствах оставались бы скрытыми, невыявленными. Так, например, сущность, природу и свойства взяточника можно обнаружить после того, как он приобретет соответствующие полномочия. Изнасилование дает нам возможность раскрыть в насильнике такие качества, которые бы мы никогда не заметили, не соверши он это преступление. Где же искать причины преступного поведения? Д. Абрахамсен считает, что их следует искать не где-то «на стороне», придумывая различные теории и выявляя действия внешних факторов, а в нас

самих, в базовых человеческих свойствах, в ментальной психической конституции человека¹.

Для психоаналитиков разум и является той самой отправной точкой, с которой они начинали свои исследования феномена преступления, ибо именно разум считается тем, что коренным образом отличает человека от остальных животных. Поэтому в разуме надо искать причину особенности человека, то есть склонности к преступлению. XX век заставил по-новому взглянуть на старую, как мир, проблему преступления. Так, например, французский философ А. Камю утверждал, что лучше всего это сделать сквозь призму категории абсурда. В его понимании абсурд — это состояние, когда ни в чем не просматривается высший смысл, когда все смешалось и исчезла разница между «за» и «против», добродетелью и преступлением. В результате исчезновения границ, иерархий и норм стало все допустимо и дозволено. Представляется, что искать общие причины для всех преступлений не имеет смысла, ибо их просто не существует. Одинаковых преступлений нет и быть не может. Также нет полностью похожих причин преступлений. Каждое конкретное преступление, с учетом особенностей индивидуума, имеет свою причину. Л.Н. Толстой в повести «Крейцерова соната» (1889) изобразил половую страсть как страшную, губительную силу, влекущую человека на путь преступления. В данном случае причиной изнасилования может выступить половая страсть. Одни могут усилием воли подавить эту страсть, а другие — нет. Другое дело — убийство на сексуальной почве. Это уже, скорее, биологический феномен, а не половая страсть. Понятно, что искать общие причины таких преступлений, как бандитизм, взяточничество или изнасилование, не имеет смысла. Следует учитывать, что ни одна из наук на сегодняшний день еще не смогла доказать генетическую связь человека с его преступным деянием, о чем в свое время с настойчивой убежденностью говорил Ч. Ломброзо.

В то же время нет оснований для сомнения в том, что действия человека вообще и преступные в частности во многом зави-

¹ См.: *Abrahamsen D. Whoare Cuiety? Study of Education and Crime. Westport, Connecticut, 1972. P. 16.*

сят от его психофизиологических особенностей. Социальную среду следует, скорее, рассматривать не как причину преступного поведения, а как условие, при котором психофизиологические особенности человека себя проявляют. Как известно, большинство людей, живущих в очень тяжелых условиях, все же никого не грабят, не насилюют, не убивают. А это означает, что причины конкретного преступного поведения лежат не в социальных условиях, а в самом преступнике. Как мы знаем, во многих странах Европы практически отсутствуют те условия, о которых мы говорим. Однако там тоже совершаются тяжкие преступления, абсолютно не связанные с условиями социальной жизни. Поэтому мы не можем согласиться с И.И. Карпецом, утверждающим, что причины конкретных преступлений, обусловленные наличием общих причин, «вызываются определенными недостатками социального развития на каждом этапе, отрицательными явлениями, еще существующими в общественной жизни, связаны с условиями, торозящими их преодоление»¹.

Неверно и противоположное мнение Э.А. Позднякова, согласно которому общество в целом не содержит причин преступного поведения. Общество создает только лучшие или худшие, более благоприятные или менее благоприятные условия для развития заложенного в человеке зла и склонности к антисоциальному поведению, представляющие собой подлинный зародыш, из коего произрастает причудливый цветок под названием «преступление»².

Итак, философ Э.А. Поздняков полагает, что в любом человеке заложены злые качества и склонности к преступлению. Станет ли он преступником реальным, а не потенциальным, зависит от условий. В таком случае трудно объяснить процентное соотношение лиц, совершивших преступления, и законопослушных граждан. Если признать доказанным фактом, что в каждом человеке

¹ Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. С. 69.

² Поздняков Э.А. Философия преступления. С. 141.

заложены преступные качества и зло, то нельзя объяснить ежегодных колебаний роста, характера преступности и т. д.

Бездоказательно и необоснованно также утверждение Г.А. Аванесова: «Человек... обладает определенными врожденными свойствами. Некоторые из них могут, на наш взгляд, при соответствующих условиях способствовать совершению преступления или даже выступить в виде одной из причин конкретного уголовно наказуемого деяния»¹. Мы согласны с тем, что отдельные психофизиологические качества человека при соответствующих условиях могут быть причинами преступного поведения, однако не считаем, что эти свойства являются врожденными. Кроме того, как правильно подчеркивали Галль и Шпурегейн, человек, будучи жертвой этой ужасной склонности, иногда еще сохраняет способность победить ее или дать ей неверное направление. Но власть побеждать ослабляется в таком человеке пропорционально степени недостатков воспитания и меньшему развитию органов, способностей высшего порядка. Таким образом, хотя свойства, о которых говорит Г.А. Аванесов, и являются врожденными, тем не менее и они подконтрольны самому человеку. Все зависит от того, какова сила воли человека. Не исключено, конечно, что самый порядочный, законопослушный человек, обладающий сильным характером и волей, под влиянием голода может доходить до степени ожесточения, которая может привести ко всевозможным преступлениям, в частности к краже хлеба. Вряд ли в таком случае его характер и волю можно считать окончательно изменившимися.

Нельзя забывать также, что каждый народ имеет свои особенности психологии и характера. Это обстоятельство имеет важное значение при определении того или иного поведения как преступного. Каждая нация столетие за столетием вырабатывала свои идеи, культуру, психологию и, следовательно, все побудительные причины поведения. При одних и тех же обстоятельствах кавказец способен совершить, в силу своего характера, психологического состояния, эмоциональности и т. д., такой поступок, который

¹ Аванесов Г.А. Криминология, прогностика, управление. Горький, 1975. С. 91.

удивил бы европейца. В то же время обычный поступок француза может быть воспринят кавказцем не только как безнравственный, но и преступный. Поэтому судьбой народа, нации «руководят» наши предки, их обычаи, традиции, характер и нравы. Мы несем иногда тяжесть их ошибок. Так, например, кровная месть как преступление — это то, что нам досталось от них. И мы, к сожалению, по сей день не можем полностью избавиться от этого пережитка прошлого, ибо умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию, но и свои мысли. Г. Лебон отмечает: «Никогда мне не было так ясно, что люди каждой расы обладают, несмотря на различие их социального положения, неразрушимым запасом идей, традиций, чувств, способов мышления, составляющих бессознательное наследство от их предков, против которого всякие аргументы совершенно бессильны»¹.

В настоящее время многие задаются вопросом: почему, в отличие от нас, европейцы, как правило, законопослушны? Сможем ли и мы когда-нибудь быть такими, как они? Что бы человек ни делал, он всегда и прежде всего представитель своей нации, имеющей свою душу. Именно душа — это тот запас идей и чувств, психологических особенностей, который приносят с рождением на свет все индивидуумы каждой нации. Именно душа, в действительности, руководит поведением, или, по крайней мере, оказывает существенное влияние на выбор поведения.

Душа каждого народа есть совокупность моральных и интеллектуальных особенностей. Как анатомические признаки, так и психологические особенности каждого народа воспроизводятся наследственностью. Агрегат общих психологических особенностей составляет то, что обоснованно называют национальным характером.

Даже преступники-убийцы, представляющие разные нации, отличаются своими психологическими особенностями как до преступления, так и в процессе его совершения. Следует заметить, что идея законопослушания начинает оказывать свое действие только тогда, когда она, после очень медленной переработки, преобра-

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2012. С. 8.

зовывается в чувства и проникает в область бессознательного, где вырабатываются наши мысли. К глубокому сожалению, в отличие от европейцев, у нас пока еще это чувство не сформировалось. Вот почему нам приходится все еще прибегать к суровым мерам уголовного наказания. Поэтому нам еще очень рано подстраивать свое уголовное законодательство под европейское. Несомненно, конечно, следует учитывать, что история каждого народа определяется различными факторами. Она полна особенными событиями, случайностями, которые были, но могли и не быть. Для того чтобы нация, народ преобразовал свое отношение к закону и стал законопослушным, он должен сначала «переделать» свою душу. Поэтому одним только правовым воспитанием эту задачу не решить, ибо под влиянием правовоспитания можно лишь поднять уровень умственного развития в этой области. Качество же характера почти совершенно ускользает от его действия. Сегодня, как мы все знаем, Европа из доброжелательных намерений старается заставить другие народы, менее цивилизованные, принять ее условия в применении уголовного наказания к преступникам, то есть пересмотреть роль и значение наказания в борьбе с преступлениями. Возможно ли это?

Полагаем, что в настоящее время это было бы ошибкой. Мы к этому не готовы. Нельзя забывать, что существует пропасть между психологическим складом народов Европы и государств бывшего Советского Союза. Народы, очень похожие по своему внешнему виду, могут сильно отличаться своими способами чувствовать и действовать, своими верованиями, культурой, искусством. Именно эти качества влияют на поведение людей, в том числе преступное, а не климат, раса, цвет кожи, то есть анатомические факторы, на которые указывал Ломброзо.

Характер нации образуется сочетанием различных элементов, которые психологи обозначают как чувства (настойчивость, энергия, способность владеть собой, нравственность). Г. Лебон пишет: «Величие народов зависит, главным образом, от уровня их нравственности»¹.

¹ Там же. С. 24.

Нравственность применительно к законопослушанию есть наследственное уважение к нормам закона, на которых покоится существование правопорядка, а следовательно, и общества. Иметь нравственность для народа, значит, иметь известные твердые правила поведения и не совершать преступлений, которых будет гораздо меньше тогда, когда тот или иной народ станет по убеждению, а не по принуждению соблюдать законы так же, как чтит свои добрые обычаи и традиции.

Таким образом, причины преступного поведения человека следует искать в его психофизиологических особенностях, не имеющих характера генетической наследственности, которые проявляются под влиянием определенных условий и обстоятельств внешней среды, в результате чего человек свободно принимает то или иное решение по собственному желанию. Поэтому ни социальные условия общества, ни экономические факторы (нищета, бедность, богатство, роскошь), а тем более наследственность, не могут выступать в качестве причин преступления.

Подытоживая рассмотрение этого вопроса, можно заключить: *философская сущность преступления — свободная волевая форма поведения человека, истоками которого являются психофизиологические особенности личности в результате влияния на них внешних отрицательных социально-экономических условий и обстоятельств.*

§ 3. ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

Виновницей преступления, какое бы значение ни придавалось внешним факторам, всегда является отдельная личность. Поэтому невозможно обойти вниманием положение личности в преступлении. Юристы-классики исходили и исходят из того, что преступник, кроме явных и исключительных качеств (возраст, состояние опьянения, болезни и пр.), такой же человек, как и остальные. Однако совершенно очевидно, что такой подход не дает возможности вывести уголовное право на действительно на-

учный путь в исследовании причин преступного поведения человека.

«И вот в этот юридический замок догмы уголовного права со средневековыми преданиями и традициями, в мир, тесно закупоривший себя от всякого соприкосновения с живой жизнью, явились ученые нового направления... они заявили догматикам, что те забыли о живом человеке, и, разбив общую алгебраическую формулу понятия преступника, показали воочию, что существует не один преступник, а много — и прирожденных, и случайных, и убийц, и воров, и что ничего общего между собой они не имеют, и что объединять их в одном общем понятии нарушителей норм недопустимо», — отмечал в свое время С.К. Гогель.

Начало изучения личности преступника было положено, главным образом, исследованиями некоторых английских тюремных врачей и других специалистов. Вопрос стоял таким образом: нужно ли на преступника смотреть так, как смотрели в Древней Греции и Риме, — как на рабов, как на существ особой, другой породы, не той, как все?

Может быть, всякий совершивший преступление — сумасшедший или дикарь? А может быть, он — дегенерат, как считал Э. Ферри? Или же он — эпилептик, по выражению Ч. Ломброзо? Быть может, у преступника особая психология? Следует отметить, что именно в результате развития психиатрических учений, которые оказали сильнейшее влияние на правильность разработки человеческого поведения, стало возможным изучение личности, совершившей преступное деяние, и ее особенностей. Так, например, Б. Мориц на основании 22 случаев наблюдений высказал предположение о том, что мозг преступника представляет собой особенный, отклоняющийся от нормального мозга тип¹. Уже через год он объявил, что «органическая недостаточность, или основной элемент в психологии преступника профессионального, есть “неврастения”, или нервное истощение, нервная слабость в физическом, нравственном и умственном отношениях, и притом

¹ См.: Доклад на конгрессе в Антверпене в 1885 г.

слабость прирожденная или приобретенная в раннем детстве»¹. В конце концов он пришел к выводу, что профессиональный, неисправимый преступник представляет собой фактически отклонение от родового понятия “*homo*”.

Как уже отмечалось, знакомство с фактами привело П. Деспина к убеждению, что у тяжких преступников отсутствует нравственное чувство, говорящее человеку, что есть добро и что есть зло, подсказывающее осуждение преступных желаний и вызывающее последующие угрозы совести.

Антропологи, изучив в тюрьмах и сумасшедших домах около 2000 индивидов, отметили, что могут отличить по телесным признакам, особенно в наиболее выраженных случаях, прирожденного убийцу от остальных преступников. Один из ярких представителей этого направления Ч. Ломброзо фактически развил идею Ф.И. Галля относительно того, что преступники или, по крайней мере, значительная их часть являются носителями своеобразного внешнего типа и что задача научного исследования заключается именно в том, чтобы открыть специфические, то есть свойственные исключительно преступникам, внешние признаки.

Мысль о том, что преступный человек, особенно в случаях наиболее выраженного преступного типа, есть не кто иной, как дикарь, попавший в нашу цивилизацию, высказывали еще до Ломброзо, в частности Деспин. Однако именно Ломброзо первым использовал понятие «прирожденный преступник», который представляет собой, по его мнению, одновременно результат болезненных отклонений и *атавизма*. Прирожденный преступник — это «дикий и, вместе с тем, больной человек». Возможность согласования этих двух воззрений на преступника Ломброзо видит в теории задержки в развитии некоторых органов и, главное, в развитии плохо питаемых психических центров, что, с одной стороны, делает из таких органов «места наименьшего сопротивления», то есть предрасполагает их к различным расстройствам, а с другой — возвращает их к типу низшего развития. Он даже утверждал, будто выделения организма при-

¹ *Cazetta de Tribunaux*. 1852.

рожденного преступника иные, чем у случайного преступника и обычных законопослушных людей, будто прирожденный преступник меньше, чем они, выделяет мочевины и больше, против нормы, фосфатов¹.

Массу особенностей Ломброзо нашел, прежде всего, в черепах прирожденных преступников и почти в каждой кости черепа, и в его общем строении и очертании. Так, например, у преступников, особенно у воров, преобладают небольшие черепа; черепа наибольшей вместимости попадают у них редко. В лаборатории Ломброзо объектами тщательного специального исследования были не только черепа, но и уши, носы и т. д.

Рассматривая собранные Ломброзо данные для установления особого «типа», Л.П. Мануврие настаивал на том, что на их основании пока можно утверждать лишь одно: у преступников в среднем встречается больше отклонений, нежели у так называемых честных людей. Он указывал также на неправильность приема Ломброзо, состоящую в том, что для образования «типа» он соединял в одно целое признаки, встречающиеся у совершенно разных преступников.

В действительности, не существует общего типа уродливого или «патологического» человека. Существуют только различные типы уродств. Таковы справедливые замечания, сделанные профессором Мануврие по вопросу о существовании особого анатомо-физиологического «преступного типа».

На IV Уголовно-антропологическом конгрессе ученик и соратник Ломброзо профессор Ферри выступил с докладом о «преступном темпераменте», в котором попытался отказаться от понятия «преступного человека», прежде используемого последователями Ломброзо, с его специфическим и «преступным типом», и явления преступности сводятся к действительному своему источнику — к явлениям психологического вырождения.

Лиц, совершивших преступление, С.В. Познышев также относил к определенному «типу». Он писал: «Преступный тип не есть простая сумма известных психических свойств личности, а

¹ Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. 1892. С. 66.

известный склад личности, известное сочетание ее психических свойств, создающее, так сказать, уклон этой личности в сторону преступления, побуждающий ее или прямо искать случая совершить преступление, или не пропускать такого случая, раз он сам представляется, или, по крайней мере, недостаточно сопротивляться подсаживаемым известными чувственными влечениями соблазнам этого случая»¹.

Современные ученые-юристы «позволяют себе говорить о личности преступника как об отдельном, самостоятельном социальном и психологическом типе»², хотя и уточняют, что понятие «личность преступника» — условное терминологическое обозначение. «Правильнее было бы словосочетание “личность человека (индивида), совершившего преступление”»³.

Чем же различаются личности преступника и обычных людей по мнению этих авторов? Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов отвечают: «Сравнительное психологическое изучение личности больших групп преступников и законопослушных граждан показало, что первые отличаются от вторых значительно более высоким уровнем импульсивности, то есть склонностью действовать по первому побуждению, и агрессивностью, что сочетается у них с высокой чувствительностью и ранимостью в межличностных взаимоотношениях»⁴.

Авторы даже усматривают в преступнике «генетически обусловленные задатки и предрасположенности»⁵. В психологии есть глава «Личность». Что это означает? А это означает, что термин «личность» — настолько сложный для определения и имеющий настолько широкую область употребления, что можно об этом свободно писать сколько угодно, не принимая на себя никакой

¹ Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. М., 2007. С. 31.

² Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М., 2010. С. 12.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 10.

ответственности за определение. Сегодня можно перечислить несколько десятков, а может и больше, определений этого термина:

теория типов (теория Гиппократов о четырех основных темпераментах: холерическом, меланхолическом, сангвиническом и флегматическом);

теория черт (личность человека представляет собой совокупность черт или характерных способов поведения, мышления, чувств, реагирования и т. д.).

Существуют также психодинамические и психоаналитические теории (Фрейд, Юнг, Фромм, Хорн). Личность в них характеризуется через понятие интеграции. К какому определению будет правильным отнести личность преступника?

О «преступном типе» антропологи, как мы уже отмечали, чаще всего говорили как об известном «внешнем» типе, то есть как о сочетании определенных внешних признаков, отличающих преступников от остальных людей и способных служить для их классификации и распознавания, как о типе анатомо-физиологическом или антропологическом. Таким образом, в «типе» руководящее и решающее значение принадлежит внешним признакам. Поэтому те, кто стоит на точке зрения «преступного типа», сосредоточивают свое внимание преимущественно на человеческой внешности. Вряд ли сейчас кто-либо поверит в то, что преступника можно отличить от законопослушного человека по внешним признакам.

Преступник — вовсе не особый тип со специфическими внешними особенностями. Это совершенно нормальный в физическом отношении человек. Может быть, у преступников особая психология? Но ведь наука психология к такому выводу не пришла. Психология убийцы — это, в сущности, психология всякого человека, который тоже может при соответствующих жизненных обстоятельствах стать убийцей. Преступник, как и все люди, обладает суммой индивидуальных особенностей. Каждый человек имеет известные постоянные физические и психические свойства, образующие его физическую и психическую конституцию, и та, и другая слагаются частью из врожденных, а частью из приобретенных свойств. Поэтому вряд ли имеет смысл выделять лиц,

совершивших преступления, в особую категорию, в особый «тип» и считать их особыми личностями в отрицательном смысле.

Понятие «личность преступника» вызывает также негативное отношение у населения. Кроме того, можем ли мы отнести понятие «личность преступника» к человеку, совершившему преступление по неосторожности?

Таким образом, *личность* — устойчивая система мировоззренческих, психологических и поведенческих признаков, характеризующих человека. Можно ли определить у преступников *особую* систему этих признаков? На сегодняшний день наука утвердительно ответа на этот вопрос не дает.

Тип личности — абстрактная модель личностных характеристик, присущих определенной совокупности людей. Есть люди с ярко выраженными особенностями, отклоняющимися от типичных для данной социально-культурной системы характеристик, структур и уровней развития личности.

Однако это вовсе не говорит о том, что они составляют особый тип. Это всего-навсего подчеркивает низкий уровень развития этих людей по каким-либо причинам. Например, человек, который всю свою жизнь жил в горах, а потом оказался в цивилизованной стране Европы. Само собой разумеется, что такой человек будет резко выделяться среди остальных и в своем поведении, и в общении, и т. д. Однако это не значит, что он может совершить преступление и стать преступником.

Каждый человек — это индивидуальность, которая обладает неповторимой совокупностью особенностей характера и психического склада, отличающей одну личность от другой. Это относится и к преступнику. Однако нет таких качеств, которые могли бы объединить всех преступников в какую-либо группу и создать особый «тип» личности. Поэтому полагаем, что следует отказаться от понятия «личность преступника» и использовать понятие «лица, совершившие преступление».

§ 4. БУДУЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Известно, что классики марксизма-ленинизма считали задачу ликвидации преступности вполне решаемой и связывали ее с уничтожением эксплуатации человека человеком. Следуя этой доктрине, авторы учебника по криминологии, в частности, писали: «В процессе развития социалистического общества подрываются основные социальные корни преступности, но сохраняются некоторые ее причины. Они не связаны с природой социализма, а вызваны конкретной исторической обстановкой, в которой строится социализм, преодолевающий ряд противоречий и трудностей внутри страны и ведущий острую классовую борьбу на международной арене. Преступность в коммунистическом обществе как социальное явление окончательно отомрет»¹.

Такова была позиция почти всех ученых советского периода. Исходя из этого, криминологами ставились задачи «ликвидации», «искоренения», даже «уничтожения» преступности, в то время как западные ученые считали, что «социализм не справился с преступностью». О временном характере преступности говорили задолго до советских ученых. Так, например, утопист Р. Оуэн отмечал: «Настойчиво и систематически стремитесь поднять уровень общего благосостояния, прибегайте к мерам возможно меньшей суровости для ограждения общественного порядка против преступлений, и мало-помалу преступления исчезнут, ибо даже наиболее порочные и установившиеся наклонности не смогут долго бороться с настойчивой благожелательностью»².

По справедливому мнению Ю.М. Антоняна, «никто теперь и не строит таких утопических планов, поскольку понятно, что она (т. е. преступность. — *И.Р.*) есть неизбежный и естественный спутник человечества на все времена, подобно болезни и

¹ Криминология: Учебник / Под ред. А.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева. М., 1966. С. 54.

² Цит. по: Чубинский М.П. Курс уголовной политики. 2-е изд. СПб., 1912. С. 178.

смерти»¹. В связи с этим хотелось бы привести искреннее признание И.И. Карпеца: «Исторически ретроспективный взгляд на весь процесс познания преступности медленно, но неумолимо обнажает наши ошибки, заблуждения и иллюзии»².

Сегодня о вечности преступности говорят многие известные ученые. Так, например, Ю.М. Антонян пишет: «Практически не должно быть сомнений в том, что преступность существовала всегда. Этот вывод имеет огромное значение, поскольку в нем имманентно содержится утверждение, что она, как неизбежный спутник человечества, никогда не исчезнет, что бы ни думали по этому поводу разные создатели “городов солнца”»³.

Философ Э. Поздняков также утверждает, что преступность есть «неотъемлемый элемент прекрасной и многосторонней человеческой природы, а значит, и всего бытия человеческого рода»⁴. Следовательно, пока существует человек, преступление не исчезнет.

В иной форме об этом пишет А.И. Александров: «Полная победа над преступностью и ее ликвидация практически недопустимы, по крайней мере, в известных нам социально-экономических формациях: это лишь идеал, к которому нужно стремиться»⁵.

Теория вечности преступности родилась на Западе. Об этом писали Э. Дюркгейм, У. Ланден, Ч. Брейтель и др. Так, например, Э. Дюркгейм полагал, что «преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно. Преступность необходима: она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от подлинной эволюции морали и права»⁶. С его точки

¹ Антонян Ю.М. Причины преступности. М., 2006. С. 16.

² Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 73.

³ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 14.

⁴ Поздняков Э. Философия преступления. М., 2001. С. 502.

⁵ Александров А.И. Философия зла и философия преступности. СПб., 2013. С. 148.

⁶ Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности. Современные буржуазные теории. М., 1966. С. 40–42.

зрения, если преступность — элемент здорового общества, то это значит, что она не может быть негативным, вредным явлением. Иными словами, она полезна.

Э. Шур также утверждает, что «бессмысленно думать о ликвидации всех преступлений»¹.

Итак, реальность такова, что ни одна социально-политическая система проблему преступности не решила. Как говорил Н.С. Таганцев, «жизнь всех народов свидетельствует нам, что всегда и везде совершались и совершаются деяния, по разным основаниям не столько признаваемые недозволенными, но и вызывающие известные меры общества или государства, направленные против лиц, их учинивших, — деяний, признаваемых преступными; что всегда и везде существовали лица, более или менее упорно не подчиняющиеся требованиям правового порядка, велениям власти, его охраняющей»².

Медицина учит: для того чтобы найти средства против какой-либо болезни, необходимо вначале открыть и изучить причины этой болезни. Представляется, что вопрос о вечности или временности преступности не может быть решен вне контекста причины преступного поведения человека. Если исходить из того, что причины преступления носят только социальный характер, то тогда вечность преступности ставится под сомнение, ибо возможно такое общество, при котором не будет этих социальных условий. Если же причины преступного поведения связаны непосредственно с природой человека, вне связи с внешними социальными условиями, то тогда преступность будет существовать до тех пор, пока мы не обнаружим истоки этого зла и не найдем средств их искоренения.

И, наконец, причинами преступлений могут быть как социальные условия, так и психофизиологические особенности человека. В этом случае преступность исчезнет при условии устранения как социальных условий, так и «дефектов» человека. Сегодня, к сожалению, мы не в состоянии ответить на вопрос о причинах

¹ Шур Э. Наше преступное общество. М., 1979. С. 15.

² Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 9.

преступного поведения человека. Поэтому преступность для нас является злом вечным.

Что же делать? Может быть, вообще не стоит бороться с преступностью? Ю.М. Антонян на эти вопросы отвечает следующим образом: «Борьба с преступностью вполне в пределах человеческих возможностей, только не надо ставить абсурдную задачу ее искоренения»¹.

На нелегкий характер этой борьбы указывает В.Н. Кудрявцев: «Борьба с преступностью носит затяжной и нескончаемый характер; побежденные и истребленные, казалось бы, преступные силы “возрождаются из пепла”, “растут, как грибы”, возникают новые формы преступности, новые методы преступного поведения, в сферу преступности вовлекаются новые, большей частью более образованные люди»².

В последнее время вместо известных нам слов «война», «борьба», «искоренение», «преодоление» применительно к преступности все чаще употребляется термин «контроль». Делается попытка даже объединить все формы обращения с преступниками одним термином — «реагирование на преступность». В.Н. Кудрявцев полагает, что замена слова «борьба» может пониматься и иначе, как невозможность одолеть преступность: ее, якобы, мы в состоянии лишь «контролировать», т. е. просто наблюдать за положением дел³.

В.Н. Кудрявцев прав в том, что выражение «контролировать» показывает беспомощность, пассивность, неэффективность общества в борьбе с преступностью. На наш взгляд, целесообразнее использовать выражение «предупреждение преступления», ибо оно демократичнее, прогрессивнее, чем «борьба».

Если мы не в состоянии искоренить преступность, то какая же задача должна быть поставлена перед обществом? По мнению Ю.М. Антоняна, «актуальной задачей остается ее удержание на так называемом цивилизованном уровне»⁴.

¹ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 7.

² Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 29.

³ Там же. С. 36.

⁴ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 17.

Для нас же представляет интерес вопрос о будущем преступности. И речь здесь идет не только о вечности или временности этого явления, но и о его ближайшем будущем. Этот интерес, естественно, связан с необходимостью быть готовыми к ее предупреждению. Однако, для того чтобы хотя бы представить себе состояние преступности в будущем, например через 3–5 лет, необходима соответствующая информация о состоянии и ее количественных характеристиках, динамике за более или менее длительное время, то есть информация о прошлом и сегодняшнем состоянии преступности. А это уже, как известно, проблема прогнозирования преступности, требующая от нас необходимости научиться предвидеть изменения в преступности¹. «Прогнозирование становится тем инструментом, — подчеркивает Г.А. Аванесов, — который дает возможность познавать тенденции и закономерности изменения преступности в будущем, оно приобрело свойство метода изучения преступности»².

Возможно ли такое прогнозирование? Математикам удалось доказать, что невозможно с заранее определенной точностью установить будущее состояние нелинейной неравномерной системы, то есть такой, в которой небольшие отклонения могут вызвать значительные изменения и которая находится далеко от состояния стабилизации. Любая тенденция, ставшая очевидной в такой системе, может мгновенно измениться, и дальнейший процесс превращается в принципиально случайный. Можно утверждать, что преступность относится к рассматриваемому классу систем. Следовательно, прогнозировать будущее преступности, то есть с точностью определить состояние преступности даже через 2–3 года, невозможно, ибо она как массовое антисоциальное явление в значительной степени представляет собой аморфное, хаотическое, стихийное образование, «вроде конгломерата раз-

¹ Более подробно о возможности прогнозирования преступности см.: Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972; Рагимов И.М. Теория судебного прогнозирования. Баку, 1987.

² Аванесов Г.А. Указ. соч. С. 27.

личных микроорганизмов, разъедающих высокоорганизованное живое существо»¹.

Иначе говоря, неуловимость, непредсказуемость преступности в той совокупности случайностей, которая преобладает в этой сфере, носит спонтанный, неожиданный, труднопредсказуемый характер. Мы не знаем, кто, когда, по какой причине и какое совершит преступление, так же как не можем объяснить существование преступности во все времена человечества.

Поэтому, до тех пор, пока мы не сможем ответить на вопрос, почему преступность является неизбежным и неистребимым спутником человечества, мы не готовы прогнозировать будущее преступности.

Необходимо также учесть, что преступность — статистическая система, подчиняющаяся вероятностным закономерностям, действуя как объективных, так и субъективных факторов.

Итак, целью прогнозирования преступности является установление наиболее общих показателей, характеризующих развитие (изменение) преступности в перспективе, выявление на этой основе нежелательных тенденций и закономерностей и нахождение способов изменения этих тенденций и закономерностей в нужном направлении.

Исходя из этой позиции, мы попытаемся определить вероятное состояние преступности в Азербайджане в течение последующих 5 лет. Начнем с анализа состояния преступности в прошлом и проследим ее динамику в течение 50 лет. Весь этот период целесообразно разделить на две части: состояние и динамика преступности в советском Азербайджане и в суверенном, независимом государстве.

В принципе, можно утверждать, что независимо от политического устройства преступность в Азербайджане за последние 50 лет росла. Так, например, если среднегодовой уровень преступности в 1961–1970 г. составлял 13 600 преступлений, то в период с 1971 по 1980 г. — 14 650, а с 1981 по 1990 г. — 15 850. Следует заметить, что для республики с небольшой численностью населения такая тенденция роста преступности достаточно заметна.

¹ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 27.

Начиная с 1981 г. наблюдается рост общеуголовных преступлений: 1981 г. — 42%, 1985 г. — 45, 1990 г. — 58%. Постепенно растет уровень тяжких, а также других насильственных преступлений. Если в 1981 г. из общего количества совершенных преступлений 390 составляли убийства, то через 10 лет, в 1991 г., этот показатель был равен 489. Тяжких телесных повреждений в 1981 г. было совершено 222, а в 1991 г. — 397; разбойных нападений — 169, грабежей — 186 (1981 г.) и, соответственно — 295, 213 — в 1991 г. В то же время уменьшилось количество изнасилований: 1981 г. — 119, а в 1991 г. — 48. Начиная с 1986 г. наблюдается тенденция быстрого роста краж государственного и общественного имущества.

Итак, несмотря на жесткую и суровую уголовную политику по применению наказания в период советского Азербайджана, зафиксирован рост преступности, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений. К 1970 г. в среднем ежегодно к лишению свободы приговаривалось 28–32% преступников, а уже начиная с 1970 г. этот процент не опускался ниже 52%. Довольно часто применялась смертная казнь за различные тяжкие преступления, в том числе за экономические преступления. Так, начиная с 1971 по 1991 г., то есть в течение 20 лет, в Азербайджане к смертной казни было приговорено 400 человек — по 20 человек в год. Таковы, в общих чертах, состояние и динамика преступности в советском Азербайджане.

Статистика преступности современного Азербайджана за последние 12 лет также свидетельствует о том, что идет тенденция к ее росту. Картина выглядит следующим образом: 2000 г. — 13 958 преступлений, 2001 г. — 14 607, 2002 г. — 15 520, 2003 г. — 15 206, 2004 г. — 16 810, 2005 г. — 18 049, 2006 г. — 18 667, 2007 г. — 19 045, 2008 г. — 20 185, 2009 г. — 21 250, 2010 г. — 23 000, 2011 г. — 24 000, 2012 г. — 24 320 преступлений.

Как известно, такие преступления, как убийства, кражи, изнасилования, разбой и наркомания, являются ядром преступности. Поэтому преступность, ее состояние следует оценивать не только по статистическим данным, но и по характеру и доле тяжких и опасных преступлений. Следует иметь в виду, что именно вышеперечисленные преступления носят устойчивый характер на

протяжении десятилетий. Этот момент должен учитываться при определении, прогнозировании будущей преступности.

К каким выводам можно прийти в результате анализа состояния, динамики и характера преступности в Азербайджане?

Во-первых, объективно преступность изменяется от формации к формации, внутри нее, в зависимости от социально-политических и экономических противоречий и преобразований.

До развала коммунистического режима в Азербайджане ежегодно из общего количества всех осужденных от 6 до 10% приговаривались к лишению свободы за спекуляцию сельхозпродуктами; столько же — за обман покупателей. Разумеется, это влияло на общую картину преступности в республике.

В то же время сегодня наше законодательство предусматривает ответственность за такие преступления, которых не было в период советского Азербайджана. Поэтому надо иметь в виду, что, помимо объективных изменений преступности, существуют также субъективные факторы, которые зависят от изменений в законодательстве и правоприменительной практики.

Во-вторых, поскольку преступность — динамично развивающееся явление, то ее следует рассматривать в контексте всех протекающих в обществе процессов. Преступность тогда дает о себе знать с особой силой, когда общество бьется в тисках экономических, социальных и политических проблем и противоречий. И никакая социально-политическая система не свободна от этой закономерности. Можно с уверенностью констатировать, что Карабахский конфликт, в результате которого в республике оказалось около миллиона беженцев, серьезнейшим образом повлиял на состояние преступности в 1989—1992 гг. В дальнейшем этому росту, естественно, способствовал развал Советского Союза, приведший все республики СССР к политическому, экономическому и правовому кризису. Начался резкий рост убийств и тяжких преступлений. Так, например, если в 1988 г. в Азербайджане было совершено 285 убийств, то в 1990 г. — 482, в 1991 г. — 489. В целом средний показатель уровня умышленных убийств за период с 1992 по 1998 г. составлял 450. Начиная с 1999 г. идет процесс снижения показателя этого вида преступлений, в среднем до 200. Нет сомне-

ния в том, что это напрямую связано с установлением стабильности в республике, особенно политической.

Поэтому будущее преступности, в частности составляющих ее ядро убийств, особо тяжких насильственных преступлений, разбоев и краж, без сомнения, зависит от условий экономической, социальной, политической и духовной жизни общества.

Многое также зависит от деятельности органов, занимающихся предупреждением преступных проявлений. К глубокому сожалению, приходится констатировать, что мы не в состоянии продемонстрировать хоть какие-нибудь успехи в этом деле, хотя и обладаем мощными практическими средствами. Так, например, все мы знаем, что коррупция является одной из опаснейших тенденций в развитии преступности в Азербайджане. Она с неизбежностью ведет к деградации общества. Наше законодательство предусматривает строгое наказание за коррупцию и взяточничество. Однако в связи с тем, что это наказание существует только в Уголовном кодексе и не применяется должным образом в действительности, оно становится предметом глумления. А это приводит к тому, что отношение людей к таким преступлениям, как коррупция, другим экономическим преступлениям в виде отмывания денег, сокрытия налогов, незаконной приватизации и т. д., свидетельствует сегодня о падении общественной морали, ибо отсутствует негативное отношение населения к такого рода деяниям, явлениям. В общественном сознании эти преступления уже не являются вредными, опасными, аморальными, а расцениваются как явления совершенно нормальные.

Начиная с 1992 г. наблюдается тенденция постоянного уменьшения числа выявленных случаев взяточничества, то есть получается, что взятки в республике практически не существуют. Само собой разумеется, что это не соответствует реальной действительности. В 1997 г. было выявлено 68, в 1998 г.— 66, в 1999 г.— 68, в 2001 г.— 54, в 2004 г.— 5, а в 2007 г.— 8 случаев взяточничества.

Исходя из вышеизложенного и с учетом состояния преступности в прошлом и сегодня, можно заключить, что в ближайшие 5 лет остановить рост преступности в республике не представляется возможным, если, конечно, не будут предприняты соответствующие

шие меры социального и правового характера. Существующая социальная несправедливость, которую население психологически пока еще не в состоянии воспринять, разрыв между бедными и богатыми, неравномерное распределение материальных богатств, невозможность во многих случаях правовыми средствами решать многие жизненные проблемы, будут оказывать сильнейшее влияние на психику людей, что в некоторых случаях приведет к совершению насильственных преступлений. Поэтому такие преступления, как убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, хулиганство, останутся, в лучшем случае, на нынешнем уровне. Отрицательное влияние на эту категорию преступников окажет также нерешенность Карабахского конфликта. Экономическое состояние определенной части населения будет способствовать росту таких категорий преступлений, как кража, разбой, мошенничество, неуплата налогов. Так, например, сейчас кража составляет более 16% всех преступлений.

Следует также учесть, что более 90% воров, разбойников, мошенников — трудоспособные неработающие. По нашим прогнозам, увеличится доля преступлений, связанных с наркотиками. В среднем, ежегодно в республике совершается примерно 2500 таких преступлений, что составляет 15% от общего числа зарегистрированных преступлений. Отсутствие должной эффективной деятельности соответствующих органов дает возможность прийти к такому выводу.

Таким образом, прогнозы относительно будущего состояния и динамики преступности, как в территориальном, так и во временном разрезе, весьма неточны и приблизительны, поскольку никто не может заранее предвидеть, где, когда и кем будет совершено очередное преступление. В то же время при осуществлении статистических прогнозов можно вполне обоснованно предположить, что из года в год определенный вид преступлений будет повторяться, с возможными некоторыми изменениями показателей.

Г л а в а П

НАКАЗАНИЕ

*Понятие и сущность. Содержание и свойства.
Право наказания. Будущее наказания*

§ 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ НАКАЗАНИЯ

1. Философско-религиозная основа сущности наказания. На протяжении многих веков вокруг понятия и сущности наказания шли оживленные дискуссии, появилось большое количество различных концепций, теорий, учений. Даже в отношении самого слова «наказание» никогда не существовало однозначного мнения.

Так, несколько веков назад оно означало компенсацию. До этого наказание приравнивалось к понятию «месть». В классической школе оно означает кару и страдание. Позитивистами наказание рассматривается как оборона — превентивная и репрессивная, а в религии — Божья кара. Видимо, прав был Ф. Ницше, когда утверждал: «Что же касается того, другого — текущего — элемента наказания, его “смысла”, то на более позднем этапе культуры (например, нынешней Европы) понятие “наказание”, и в самом деле, представляет отнюдь не один смысл, но целый синтез “смыслов”; вся предыдущая история наказания, история его применения в наиболее различных целях кристаллизуется напоследок в своего рода единство, трудно растворимое, с трудом поддающееся анализу и что, следует подчеркнуть, совершенно непреодолимое»¹.

¹ См.: Правовая мысль: Антология. М., 2011. С. 309.

Порой многие авторы, в особенности философы, не делали различий между понятием, сущностью и содержанием наказания. Это относится и к Платону, и к Аристотелю, и к Гуго Гроцию. Ведь когда мы хотим определить понятие наказания, то задаемся вопросом: что это такое? И приходим к мысли, что это — специфическое средство в руках государства для достижения поставленной цели. Другое дело, если мы спрашиваем, в чем суть этого средства, — тогда отвечаем: сущность наказания — возмездие. И, наконец, когда мы хотим понять, из чего состоит содержание наказания, то отвечаем: из элементов кары. Познать наказание и определить его понятие возможно только через уяснение его сущности и содержания. Поэтому, чтобы дать определение понятия наказания, необходимо обратиться вначале к рассмотрению его сущности и содержания. При этом следует учесть, что «сущность» и «содержание» — категории философские, а не юридические.

Демокрит сказал: «Я поведаю речь о сущем». Значит, сущность выявляется ответом на вопрос: что есть сущее? Это означает, что сущность — то постоянное, что сохраняется в явлении при различных его вариантах, в том числе и временных, то есть сердцевина бытия. В логике сущность — неотъемлемое качество, без которого предмет невозможно мыслить. Д.А. Керимов отмечает: «Сущность — это внутренняя субстанция в противоположность внешним ее выражениям, обобщаемым в понятии “явление”. Это устойчивое отношение, нечто единое в многообразии явлений»¹. Так же понимает понятие сущности В.В. Сорокина: «Философская категория “сущность” означает начало понимания всех вещей. Сущность — это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм бытия»².

Следовательно, чтобы познать сущность такого явления, как наказание, необходимо выявить главное, основное и определяющее в его функционировании и развитии, выявить его назначение, понять, для чего оно необходимо. Иначе говоря, сущностное

¹ Керимов Д.А. Методология права... С. 155.

² Сорокина В.В. Введение в философию права. С. 289.

назначение наказания предполагает обнаружение (определение) тех внутренних и необходимых, общих и основных, главных и устойчивых свойств, признаков, черт, единство и взаимообусловленность которых определяют их специфику, закономерности развития и воздействия на поведение человека.

Сущность наказания носит объективный характер, то есть это не объективно-субъективный феномен, истина, которая не покидает наказание с момента его исторического появления. А истина эта — возмездие (воздаяние).

Представляется, что для понимания сущности наказания чрезвычайно важен анализ исторического генезиса репрессий, то есть реакции сообщества на поведение своих членов, которое вследствие своей опасности должно быть пресечено либо до определенной степени ослаблено. При этом надо также иметь в виду, что сущность наказания, так же как и вообще учение о наказании, никогда не может дать положительных результатов только на основании юридических понятий и практических данных относительно полезности или бесполезности уголовного наказания. Это более сложный вопрос, исследование которого выходит далеко за пределы уголовного права. В частности, без участия философии, психологии, социологии вопрос о наказании, его сущности всегда будет носить поверхностный характер. И сегодня научным знаниям о сущности наказания мы обязаны, скорее, не криминалистам, а блестящим философским умам, а также представителям других наук.

Человек всегда воспринимал и сейчас еще воспринимает психологически наказание именно как возмездие. Мысль о наказании как о возмездии так глубоко проникла в сознание человека, что он просто-напросто не видит в нем ничего более, кроме возмездия.

От наказания во всех случаях требуется удовлетворение пострадавшего от преступления, то есть возмездие виновному за причиненное зло. Поэтому основным началом, сутью наказания является возмездие за преступление. Но о каком возмездии идет речь? Конечно, не о возмездии в смысле мести, а об абсолютной справедливости, о требовании, чтобы наказание явилось выражением нравственной, общественной оценки преступления.

С.П. Мокринский отмечает: «Обязанное своим происхождением многовековой и впоследствии коллективной мести, современное воздаяние имеет весьма мало общего со своим историческим прототипом. Мстить за себя или за других; месть предполагает чувственное раздражение против того, кому мстят. Напротив, воздаяние вполне совместимо с чувством жалости, сострадания к виновному; оно опирается не на факт причиненного вреда, а на абстрактный момент деликта, в смысле виновного нарушения нравственной нормы»¹.

От того, как мы понимаем возмездие, определяется наше отношение к лицу, совершившему преступление, — преступнику. Наказание является справедливым возмездием не потому, что оно — проявление силы государства, что это государственное принуждение, которое причиняет страдание человеку за совершенное преступление, а потому, что эта реакция ожидается обществом и одобряется, ибо она удовлетворяет чувство справедливости граждан, которые предвидели наказание — возмездие, как следствие социально вредного, в их глазах, действия.

В свое время Б.Н. Чичерин высказал совершенно справедливую мысль: «Истинная теория наказания есть та, которая отправляется от начала, составляющего самое существо права, — от правды, воздающей каждому свое»².

То, что наказание по сути своей есть возмездие, говорили еще древние философы. Так, Аристотель, допуская наказание — возмездие, писал, что люди стараются воздать зло злом, и если подобное возмездие невозможно, то такое состояние считается рабством. Подобные идеи встречаются у Платона, Цицерона и Сенеки. Такая философия наказания была одной из самых первых законодательных формул у древнейших государств и более всего соответствовала господствующему воззрению на право наказывать как на проявление инстинкта мести.

¹ Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения: В 3 ч. М., 1902. С. 82–83.

² Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 127.

Отыскать какие-либо доктрины о возмездной сущности наказания в творениях греческих и римских философов не представляется возможным, хотя по вопросам уголовного права они оставили в наследство отдельные афоризмы и положения.

Только начиная с Гуго Гроция доктрина «наказание — возмездие» получает более ясную трактовку¹. Он отождествлял наказание с талионом, подкрепляя свои взгляды по преимуществу историческими примерами.

Полностью эта теория сформировалась и получила известность только в позднейшей немецкой философии. Первым философом, признавшим идею возмездия как единственной сущности наказания, был Кант, который писал: «Зло требует оплаты злом, только одно воздаяние по принципу равенства может определить меру и объем наказания либо равенство по силе действия»².

Особое значение как для развития философской мысли, так и в доктрине уголовного права имела теория возмездия Гегеля. По его учению, право должно восстановить себя путем возмездия за его нарушение, подчинив частную, оппозиционную волю самосушей разумно-свободной воле, праву. Гегель утверждает: «Наказание — возмездие, но не возмездие как некое равенство в ценности между ущербом, причиненным преступлением, и ущербом, причиненным преступнику наказанием»³.

Таким образом, абсолютная теория наказания Канта и Гегеля заключается в воздаянии за содеянное, расплате за него: преступление считается грехом, а *наказание за него — искуплением этого греха*. Разница заключается лишь в том, что Кант развивал теорию материального возмездия, а Гегель — диалектического, то есть если возмездие по Канту требует арифметического равенства, то по Гегелю — геометрической пропорциональности, равноценности.

¹ Гуго Гроций. De jure belli ac pacis, 1625.

² Кант И. Metaphysische Anfangsgrunde der Rechtslenze, 1797; См.: Ойзерман Т.И. Философия Канта и современность. М., 1974. С. 187–191.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1977. С. 49–51.

Своими истоками учение о наказании — возмездии уходит в религию, и первые попытки определения сути наказания мы находим именно в религиозных источниках. Если исходить из Божественных писаний, то наказание — изначально установленное Богом средство воздействия на созданное им человеческое существо. Принято считать, что первые теологические теории о наказании базировались на постулатах Ветхого Завета: наказание — воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона — «око за око, зуб за зуб» (Втор. 19–21).

Заключая с Адамом свой первый Завет, Господь предупредил, чтобы он не ел «от древа познания добра и зла», в противном случае «смертью умрешь» (Быт. 2: 17). Поэтому можно полагать, что уголовное законодательство началось с Божьего Закона, а первым, кто его нарушил, был первый человек — Адам, которого также можно считать первым человеком, подвергшимся первоначальному виду наказания — смертной казни. Важно понять также сущность наказания, как она определена Богом. Наказание — это воздаяние: «Отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам» (Втор. 32, 41).

Вопрос о смысле выражения «смертью умрешь», то есть о наказании в виде смертной казни, — многозначный. Но в любом варианте его истолкования нельзя не констатировать, что речь идет о наказании за непослушание, нарушение запрета, первого закона, что это наказание имеет вид смерти и оно — от Бога. И установлено оно для того, чтобы не стал вечным сотворенный Адамом грех (на юридическом, правовом языке — преступление) и не укоренился, «не стал жить вечно» (Быт. 3: 22).

Ислам как мировая религия также связывает наказание с идеей возмездия (воздаяния). Обратимся к Корану, который предупреждает людей не преступать законов, ибо Аллах не любит преступающих границы (Коран. Сура 5 «Трапеза», аят 87). Это важнейший и основополагающий принцип, на котором построены институты преступления и наказания. Всевышний предупреждает о том, что надо соблюдать законы, Им установленные, ибо Он не любит людей, которые не подчиняются Его воле. Из этого послания Аллаха, точнее, предупреждения, также можно уяснить, что

нарушивших законы ожидает возмездие (воздаяние). Далее Коран конкретизирует и разъясняет людям этот принцип. «Воздержитесь от греха и явного и скрытого. Воистину, те, которые совершают грех, будут наказаны за свои деяния» (Коран. Сура 6 «Скот», аят 120). В данном случае Коран представляет «грех» в широком смысле, куда входят также различные деяния преступного характера. Сущность наказания, по Корану, это не только возмездие, но и вразумление, несущее в себе доброту, сострадание и излечение, это создание условий, предупреждающих совершение нового преступления. «Кто явится с добрым деянием, тот получит десятикратное воздаяние. А кто явится со злым деянием, тот получит только соответствующее воздаяние, и с ними не поступят несправедливо» (Коран. Сура 6 «Скот», аят 160).

Возмездие как сущность наказания, по Корану, характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, возмездие должно быть справедливым, то есть равноценным. «И воздаянием зла — зло, подобное ему» (Коран. Сура 42 «Совет», аят 38). Сура 5, аят 45, уже конкретизирует принцип возмездия: «Мы предписали им в нем: душа — за душу, око — за око, нос — за нос, ухо — за ухо, зуб — за зуб, а за раны — возмездие».

Во-вторых, Всевышний в Коране разъяснил великую пользу, которую приносит людям предписание вершить возмездие. Оно спасает жизнь многим людям и удерживает от совершения преступлений. «Возмездие спасает вам жизнь, о обладатели разума! Быть может, вы будете богобоязненны» (Коран. Сура 2, аят 179).

В-третьих, Коран поощряет и одобряет поступок тех, кто может простить и уладить, а также установить мир, то есть Аллах не хочет возмездия, наоборот, Он за мирное решение конфликта, если это возможно. «И воздаянием зла — зло, подобное ему. Но кто простит и уладит, — награда его у Аллаха. Он ведь не любит несправедливых!» (Коран. Сура 42 «Совет», аят 38).

В-четвертых, Коран, так же как и другие Священные писания, предупреждает людей о возмездии (воздаянии) не только в этой жизни, но и в загробной.

Коран дает очень четкий ответ на вопрос, который волнует всех во все времена: что бывает с теми, кто не получает должного воздаяния в земной жизни, как за добро, так и за зло?

Земная жизнь скоротечна, и в загробной жизни нас будут судить по тому, как мы преодолевали испытания, встречавшиеся на нашем земном пути. Тех, кто не согласен, что любое наказание в загробной жизни заслуженно, Коран спрашивает: «Должно ли с теми, кто насилдовал, убивал, мошенничал и мучил других, обращаться так же, как с теми, кто ухаживал за больными, заботился о вдовах и сиротах, расходовал из своего богатства, чтобы помочь бедным, и изо всех сил старался следовать наставлениям Господа?»

Описания адских мук, которые мы находим в Коране, столь ужасны и убедительны, что служат для верующих мощным мотивирующим фактором. «Воистину, те, кто воюет против Аллаха и Его Посланника и творит на земле нечестие, будут в воздаяние убиты, или распяты, или у них будут отрублены накрест руки и ноги, или они будут изгнаны из страны. И все (эти наказания) для них — великий позор в этом мире, а в будущей жизни (ждет) их великое наказание» (Сура 5 «Трапеза», аят 33).

Что это за «великое наказание», «мучительное наказание», которые очень часто встречаются в Коране? «...Будут обитателями ада, и будут они пребывать в нем во веки веков» (Коран. Сура 7 «Преграды», аят 36).

Кстати, то же самое можно встретить в Евангелии: «Те, что вершили зло и погрязли в грехах, — обитатели ада на вечные времена» (Марк. 11: 24–26).

«Пристанище вам — огонь, и вечно вы в нем пребудете, если только Аллах не пожелает иначе» (Коран. Сура 6 «Скот», аят 128). Еще страшнее наказание предусмотрено в Суре 10-й «Йунус», аят 4: «Тем же, которые не уверовали, уготованы питье кипящее и мучительное наказание за то, что они не веровали».

Аллах предусматривает в Коране и такое наказание, как «гее-на», в качестве воздаяния в загробной жизни. Следует отметить, что Коран не только предупреждает людей о суровых наказаниях в загробной жизни за их преступления в этой жизни, но одновре-

менно напоминает о тех наградах, которых заслуживают правверные и, вообще, люди за добрые дела. «Так “обрадуй” же их вестью о мучительном наказании, за исключением тех, кто уверовал и творил добрые деяния. Этим же — награда неиссякаемая» (Коран. Сура 84 «Развержение», аяты 24–25). Что же это за награда?

«А те, которые уверовали и вершили добрые дела, — обитатели рая на вечные времена» (Сура 2 «Корова», аят 82). Коран раскрывает также понятие «рая»: «Воистину, тех, которые уверовали и творили добро, Аллах поместит в сады, где текут ручьи. Там будут они носить золотые браслеты и жемчуг, а их одеяния будут из шелка» (Сура 22 «Хадж», аят 23).

Почему же Аллах не наказывает людей, совершающих зло, преступление в этой жизни? На этот вопрос Коран дает очень мудрый ответ: «Если Аллах наказывал бы людей за их нечестие (на земле), то не оставил бы на ней ни одного живого существа. Но он дает им отсрочку до определенного времени. Когда же настанет их срок, то они не смогут ни на час отдалить или приблизить его» (Сура 16 «Пчелы», аяты 61–62). То есть, кого, когда, за что и как наказывать — право только Аллаха, который стремится, чтобы люди не только на земле жили без зла, ненависти, преступлений по отношению друг к другу, но и в загробной, другой жизни были бы без злости и жестокости. «И мы исторгли из сердец (людей) ненависть (взаимную), и они, как братья, восседают на ложах, обратившись друг к другу. Ничто не будет там их огорчать, и не изгонять оттуда» (Сура 15 «Ал-Хиджр», аяты 47–48).

Итак, религия узаконивает, санкционирует право людей осуществлять месть и возмездие в отношении тех, кто сам пролил кровь, погубил человеческую душу, принципом: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека». При этом часть бремени возмездия человеку Бог возлагает на людей, как бы отступая от общего провозглашенного им принципа: «Мне отмщение и я воздам». Анализ библейских и коранических представлений о возмездии, воздаянии, мести, каре и других категориях, относящихся к ретрибутивной справедливости, показывает, насколько глубокими и целостными были соответствующие взгляды древних, как много было смыслов, сохраняющих свое

значение и в наше время. Одним словом, изучая Библию, Коран, мы находим пласты идей, выражающих суть воззрений древнего человека на жизнь и смерть, убийство и преступление, месть, кару и наказание.

Предвосхитив на несколько столетий работы таких выдающихся ученых, как З. Фрейд и Ф.Б. Скиннер, Священный Коран подарил людям важное учение о загробной жизни, касающееся максимально возможного приятного опыта, а именно состояния *са'ид*, что означает «благословенный» или «счастливый», и самого ужасного испытания — пребывания в состоянии *хаки* — «проклятый» или «несчастливый».

Согласно Корану, люди, о которых можно сказать, что они достигли состояния *са'ид*, заслуживают того, чтобы оказаться в раю; те же, кто находится в состоянии *хаки*, — обречены на адские муки.

Вряд ли найдется кто-либо отрицающий великое значение религии в деле воспитания людей в духе *добра* и в ненависти к злу.

Следует подчеркнуть, что верование в возмездие (воздаяние) в другой жизни за зло (преступление) имело место во всех человеческих племенах, обществах, нациях в форме оживающего другого *я* покойника.

Индусские верования относительно загробной жизни человека и буддистские учения, которые в существенных чертах развивались из них, предусматривали, что переселение души имеет такое же важное значение, как и прямые награды и наказания, которые во всех своих формах признаются не вечными, а временными по своему существу. Станет ли человек в будущей жизни растением, пресмыкающимся, птицей, женщиной, брамином, мудрецом, зависит от него самого, от того, как он себя ведет в этой жизни. А это значит, что если человек в этой жизни не смыл пятна надлежащим покаянием, то он будет одной из самых низких тварей; если же он умер чистым, то может достигнуть высшей ступени человечества.

Книги Вишну и Ману можно причислить к книгам законов потому, что они содержат в себе правила поведения, определенные с величайшей точностью, а также наказания за нарушения

этих правил. Преступники высшей категории переселяются преимущественно из одного растения в другое, проходя все виды растительного царства. Виновные в смертном грехе переселяются в тела червей и насекомых. Лица, совершившие меньшие проступки, переселяются в тела и т. д. Преступники четвертой категории обращаются в водяных животных. Те, кто совершил преступление, ведущее к изгнанию из касты, переселяются в тела земноводных (Вишну, XLIV. 2). По этому закону, кто присвоит себе в собственность проезжую дорогу, тот делается змеей, живущей в пещерах. Кто украл хлеб в зерне, обращается в крысу. Кто украл воду, тот делается водяной дичью.

Устрашение загробным возмездием путем переселения души из одного существа в другое оказывало, еще до Божественных посланий, сильное влияние на житейские правила, которые впоследствии входили в законодательные своды. Нарушение правил, совершение преступлений, злых деяний, противоречащих существующим законам, накладывает на нарушителя особое пятно, которое, если не будет смыто добровольным покаянием при земной жизни, останется на его душе и после смерти и может быть очищено в загробной, другой жизни только более сильными карами. По индусским законам, если, например, будет убит кем-либо брамин, то, сколько пылинок окрасится его кровью на знойной почве Индии, столько же тысячелетних периодов должен убийца провести в аду, то есть в загробной жизни (Ману, XI. 20).

Следует отметить, что мусульманские и христианские юристы всегда уделяли понятию наказания достаточное внимание. При этом все они однозначно исходили из того, что наказание — возмездие. Абдель Кадер Ауда пишет: «Наказание — это возмездие за непослушание законодателю, назначаемое в целях защиты общества»¹.

Почти так же считает Ахмад Фахти Бахнаси, утверждая, что наказание — это заранее установленное законом воздаяние за нарушение указанных в нем запретов с целью предупреждения со-

¹ *Абдель Кадер Ауда. Мусульманское уголовное право. Бейрут, 1987. Т. 1. С. 609.*

вершения преступлений как со стороны осужденного, так и со стороны других лиц¹.

Аль-Маварди дает следующее определение наказанию: «Худдут (наказание, предписанное Кораном. — *И.Р.*) — это наказание, установленное Аллахом за нарушение запретов; поскольку в человеческой природе борются, с одной стороны, страсть и потребность к наслаждениям, а с другой — осознание обещанных в потусторонней жизни мучений за нарушение запретов, постольку и устанавливается худдут как возможная боль, способная удерживать легкомысленных людей от нарушения запретов»². В этом глубоком и полном определении можно выделить следующие интересные моменты.

Во-первых, определение, данное аль-Маварди, естественно, имеет ярко выраженную религиозную окраску, ибо в нем предупреждение совершения преступлений объясняется и обосновывается не только защитой интересов общества, но и боязнью обещанного Аллахом мучения в потусторонней жизни. Это очень важный и существенный момент. Кроме того, автор, в отличие от других юристов, особо подчеркивает, что наказание устанавливается не законодателем, а Аллахом, так же как запреты.

Во-вторых, аль-Маварди в этом определении формулирует причины преступного поведения человека, связывая такое поведение с психологическими, внутренними свойствами личности. Таким образом, автор как бы склоняется к тому, что причинами преступления являются человеческие свойства биологического характера.

В-третьих, отмечается роль наказания в предупреждении деяний, противоречащих установлениям Корана, посредством устрашения и причинения боли.

Таким образом, религия усматривает наказание как возмездие, но в то же время и вразумление, несущее в себе доброту, сострадание и излечение.

¹ См.: *Ахмад Фахми Бахнаси*. Наказание по мусульманскому праву. Каир, 1989. С. 13.

² См.: Там же.

Нетрудно заметить, что философы при определении понятия наказания рассматривали и понимали наказание как явление философское, а религиозные деятели, соответственно, как Божественное. Действительно, мы в состоянии познать истину о понятии наказания только через философские категории и Божественные, Священные писания, которые являются методологически универсальными средствами, инструментами, методами, основами познания природы общества и мышления. Однако при определении понятия наказания юрист не может обойтись без элементов, имеющих чисто юридическое значение. Главное — помнить, что нам не удастся уяснить понятие наказания, если мы станем отделять право от реального мира фактов и явлений, на почве которых оно выросло.

Г.В. Мальцев полагает, что возмездие есть удовлетворение пострадавшего субъекта посредством кары тому, кто причинил ему страдание¹.

Согласно определению Н.С. Тимашова, возмездие — это воследование за поступком, представляющимся положительным или отрицательным с точки зрения какой-либо системы норм, такой судьбы для совершившего поступок, которая является эквивалентом внутреннего достоинства поступка².

Если говорить простым житейским языком, возмездие есть воздаяние, возвращение, возмещение добра или зла тому, кто совершил хороший или плохой поступок. Используя философские категории, возмездие можно определить как путь и способ достижения *справедливости*. Поэтому неэквивалентное возмездие — несправедливость. Откуда появилось возмездие?

М. де Монтень писал: «Жажда мщения — страсть в высшей степени сладостная, ей свойственно некоторое величие, и она вполне естественна»³. Представляется, что эта страсть связана с потребностью уравнивания, ибо человеку свойственно желать, чтобы учинившему зло всегда воздавалось бы зло. Поэтому мы и

¹ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. С. 228.

² Тимашов Н.С. Условное осуждение. СПб., 1914. С. 303–304.

³ О природе человека: Монтень, Ларошфуко, Паскаль. М., 2009. С. 151.

сейчас относимся к возмездию с чувством удовлетворения и считаем его чем-то должным. Конечно же, речь идет о возмездии, воздаянии справедливом. Вообще, кровная месть изначально представляла собой древнейшую идею, относящуюся к категории ретрибутивной справедливости, в той ее части, которая требует установления соразмерности между дурным, злым поступком и ответным действием, несущим возмездие для него¹.

Согласно достаточно распространенному мнению, первым выражением идеи наказания — возмездия у всех народов была частная кровная месть, а потом уже появился обычай выкупать у обиженного свою вину. Этот процесс заканчивался тогда, когда государство присвоило право возмездия себе.

Приведем в качестве примера мнения некоторых достаточно известных авторов. Так, А.М. Богдановский пишет: «Везде первой формой, в которую выливается понятие о наказании, как о возмездии за зло, является так называемая *месть*, в обширном значении этого слова — самоуправство. Рано или поздно эта форма сменяется другою, более правильною, менее неопределенною, так называемую **системою выкупов**. Идея наказания в этой форме живет обыкновенно в народном праве чрезвычайно долго, и только тогда является в новой форме, когда является в народе сознание о государстве, как об едином живом организме, и о преступлении, как действию, во всяком случае, враждебном этому организму. С этого времени начинает развиваться и высшее понятие о наказании, как истинном воздаянии за преступление, за оскорбление идеи права, которого самим целостным органом выражения слу-жит государство»².

По мнению И.Я. Фойницкого, на первоначальных ступенях истории наказания карательная деятельность принадлежала частным лицам, потерпевшим от преступных деяний. Наказания не существует, его заменяет месть. Постепенно общественные кружки сосредоточивают власть наказания всецело в своих руках и

¹ См.: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 129.

² Богдановский А.М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 5–6.

сами расправляются с обидчиками. Личная месть и личность потерпевшего, таким образом, более отодвигаются на задний план. В современном правовом строе цивилизованных народов, считает автор, объединение общественных кружков привело к тому, что право наказания принадлежит единственно и исключительно государству как его субъекту¹.

Э. Ферри утверждает, что наказание, начиная от возникновения до настоящего времени, прошло четыре фазы в своей эволюции: от *элементарной*, то есть оборонительной и мстительной реакции, оно перешло к фазе *религиозной* (божеского воздействия), затем к фазе *этической* (средневекового искупления) и, наконец, к фазе *юридической*. В настоящее время, полагает он, необходимо начать и осуществить *социальную* фазу, при которой, благодаря новейшим данным антропологии и уголовной статистики о происхождении преступления, наказание перестает уже быть соразмерным воздаянием за нравственную вину (фаза этико-юридическая), но является совокупностью превентивных и репрессивных социальных мер; последние, отвечая природе и происхождению преступления, гораздо лучше и в то же время гораздо гуманнее обезопасят общество от преступных посягательств². Таким образом, превращение частной мести в публичное уголовное наказание следует связывать со временем возникновения государства. Об этом также писал Гегель³.

Идея о том, что именно частная кровная месть является источником публичного наказания, основана на предположении о причинах реакции человека — потерпевшего — на ранних ступенях человеческого развития к таким вредным и опасным деяниям, как убийство, грабеж, разбой и т. д. Эта реакция человека — потерпевшего соответствовала обычаю кровной мести и имела частный характер.

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 18.

² См.: Ферри Э. Указ. соч. С. 363–364.

³ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1953. С. 146.

Иными словами, сущность мести состояла в том, что за зло, причиненное кому-либо тем или другим действием, должно быть непременно воздано также злом, что за всякой обидой должно следовать возмездие, отмщение. Если эта обида кровная, как, например, убийство, то месть обязательно должна быть кровной: кровь за кровь. В этом заключалось не только возмездие, но и долг, святая обязанность, право, наконец, удовлетворение чувства собственности. В связи с этим следует особо отметить, что именно в *мести* человек обнаруживает свое *право*, то есть осознает не только то, что другой причинил ему физическую, телесную боль или материальную потерю, но самое главное он понимает и осознает, что унижен и оскорблен.

Следовательно, только через кровную месть можно смыть это унижение и, соответственно, удовлетворить свое внутреннее чувство справедливости. Нельзя забывать также, что месть, какой бы она дикой ни была, все-таки имела определенное предупредительное значение. Но можно ли говорить и утверждать, что частная кровная месть является социальной причиной возникновения наказания: разве до частной мести люди не подвергались наказанию за опасные для общины, племени, группы деяния?

А.Ф. Кистяковский совершенно правильно подметил, что «прежде чем в человеке блеснула первая искра уразумения, почему и для чего существует наказание, оно давно уже существовало и действовало»¹. И первые зародыши того, что мы сейчас называем наказанием, следует искать в явлениях социальных и природных — в реакции людей, служащей основой самосохранения, во внешних опасностях для существования общины.

Известно, что во всех первобытных обществах, даже в самых диких племенах, люди наказывались за такие деяния, которые никакого отношения к частной мести не имели: измена общине, святотатство, чародейство и т. д. Можно ли реакцию общины за измену рассматривать как частную месть, если наказание за это рассматривалось как организованное выражение общественного недоволь-

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1890. С. 764.

ства, как всеобщее негодование, но не всеобщая месть? Это ведь есть общественное наказание, ибо измена была одним из таких преступлений, которое чувствуется каждым членом общины.

Самым распространенным из всех первобытных общественно опасных деяний было чародейство, то есть вера в способность отдельных членов общины управлять сверхъестественными силами. Если какой-нибудь колдун мешал бы выпадению дождя, он являлся злейшим врагом общины и обязательно подлежал наказанию, потому что представлял опасность для остальных, для общества. Эта была не частная кровная месть, а предупреждение, предотвращение большой общественной опасности. Другое дело, когда убийство совершено физическими способами, то есть когда член общины убивает другого члена общины. В таком случае общество не вмешивается в эти отношения, ибо это не предмет публичного интереса, а дело частного характера. Это уже личная кровная месть.

Итак, если предположить, что история наказания начинается с *личной частной мести*, то тогда следует признать, что реакция общества на те деяния, о которых идет речь, не является наказанием, а сами эти деяния не считаются общественно опасными.

Первобытное наказание не преследовало цели отомстить изменнику, чародею, колдуну. Оно назначалось для искупления, но не ради самого преступника, а для общества, чтобы предотвратить месть со стороны сверхъестественного существа, направленную всему обществу. Поэтому это наказание, скорее всего, следует рассматривать не как возмездие, а как жертвоприношение. Следовательно, можно сказать, что источник наказания непосредственно связан с уяснением вопроса о происхождении и развитии понятия преступления.

В принципе, не только история появления наказания, но и все фундаментальные вопросы института уголовного наказания невозможно объяснить, понять в отрыве от понятия преступления и его причин. Какой бы вопрос уголовного наказания мы ни затронули, обязательно сталкиваемся с проблемами преступления. Поэтому, чтобы докопаться до источника наказания, необходимо проследить процесс образования понятия преступления. Ведь из-

вестно, что до появления этих понятий существовали деяния людей, которые действительно или по существующим в известную эпоху взглядам ставили общество в опасность. Обществу же приходилось реагировать на это соответствующим образом.

Г. Оппенгеймер полагает, например, что преступлениями, караемыми в примитивных обществах, или же деяниями, считающимися, по мнению сообществ, племен и т. д., опасными для их существования и, соответственно, приводящими к необходимой реакции за это, являются следующие: чародейство, противоестественные пороки, измена, святотатство, разнообразные преступления¹.

Итак, наказание появилось не с личной частной мстью, а тогда, когда первобытное общество начало чувствовать опасность со стороны сверхъестественных существ, которая могла бы быть причиной поведения одного из членов общины. Чтобы предотвратить мечь со стороны этого сверхъестественного существа, необходимо было изъять из общества того, кто являлся источником опасности, пока он оставался в среде людей. Поэтому Г. Оппенгеймер совершенно прав в том, что «идея публичного правонарушения зародилась в кругу магических и религиозных понятий»².

Наказание появилось тогда, когда за публичные правонарушения организованная власть общины, племени, группы и т. д. назначала подлинные публичные наказания в виде смертной казни и ссылки. Именно эти наказания, на самом деле, являлись способами освобождения общин от источника опасности.

Однако действительным началом принципа возмездия можно считать идею кровной мести. Первобытная практика наглядно и убедительно связала осуществление мести с понятием возмездия. Кровная месть в настоящее время существует у тех народов, где семья и родовые связи не утратили традиционных черт, а также в тех странах, где государственная власть никогда не пользовалась доверием населения. Кстати, у некоторых племен, в частности у

¹ Оппенгеймер Г. Историческое исследование о происхождении наказания. М., 2012. С. 6.

² Там же. С. 29.

тлиннитов Аляски, вообще не существовало механизма кровной мести за убийства там, где убитый и убийца принадлежат к одному и тому же роду внутри племени. Следует особо подчеркнуть, что кровную месть нельзя считать прообразом смертной казни.

Итак, кровная месть — изначальная форма возвращения эффекта действия, которое человек совершил или совершает в отношении других, то есть *возмездия*, которое со временем теряет свое значение, уступив место системе денежных выплат. Надо полагать, это было связано с появлением денег в социальной жизни людей. Существуют разные формы эквивалентного возмездия. Самый простой из них — *талион* («воздавай тем же за то же и в той же мере»).

Классическая формула талиона содержится в Священных книгах — Библии и Коране. «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21, 23–25). «И предписали Мы им в ней, что душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос, и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и раны — отмщение» (Коран. Сура 45). В этих Божественных указаниях талион проникнут духом устрашения, то есть Бог именно посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, что может привести в перспективе к истреблению целых родов. Принцип талиона был также предусмотрен в римских Законах XII таблиц (451–450 гг. до н. э.), где говорится: «Если причинить членовредительства и не помириться с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое».

Со временем талион усложнился, изменился до неузнаваемости, переродился в систему принципов возмездия, которые положены в основу уголовной политики современных государств. На самом деле, люди посредством принципа талиона хотели ограничить кровную месть, ибо вполне сознавали опасность кровопролития. Поэтому талион, в общем-то, явился приближением к институту наказания. Смысл талиона заключается в том, чтобы дать людям почувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они идут. Иначе говоря, талион был промежуточным звеном между кровной мездью и уголовным

наказанием, то есть введение талиона в практику кровной мести было началом процесса превращения огульной кары в наказание за преступление.

Практически не вызывает сомнений то, что талион порожден практикой кровной мести и уже оттуда был после некоторой эволюции перенесен в уголовное право ранних государств. «Завуалированное родство современного права с талионом, — отмечает Г.В. Мальцев, — обнаруживается всякий раз, когда мы доискиваемся до логических и исторических корней системы наказаний за преступления или обсуждаем вопрос о правомерности лишения человека свободы и смертной казни»¹. Такова теория воздаяния как единственное основание и суть уголовного наказания. Законное наказание — возмездие — вместе с тем, и самое целесообразное. Но для этого оно должно быть, прежде всего, действительным возмездием, то есть справедливым злом, причинять страдания как плату за причиненное преступное зло. Справедливость есть нравственное начало сущности наказания — возмездия.

Итак, внутреннее содержание наказания, его сущность, выраженные в уголовном праве, позволяют заметить, что отличительной чертой института наказания, по сравнению с другими правовыми мерами, является присущий ему элемент возмездия. При этом следует особо подчеркнуть, что возмездие не есть изобретение законодателя и элемент, который не сегодня, так завтра или вообще когда-нибудь может быть изъят по желанию кого-либо из наказания. Возмездие есть явление, лежащее в объективной природе наказания. *Мы понимаем возмездие не как цель наказания, а как момент, характеризующий саму суть наказания.* Невозможно представить себе наказание без этого момента. Возмездие покоится на чувстве возмущения, которое возникает по поводу совершения преступления. Вот почему возмездие является средством удовлетворения чувства социальной справедливости в обществе.

Общество откажется от возмездия тогда, когда исчезнет необходимость в наказании, ибо возмездие суть наказания. Теория

¹ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 249.

возмездия как сущности наказания всегда подвергалась серьезным возражениям. Она категорически не принималась известными учеными. Социалистическая революция вообще от нее отказалась. Поэтому в условиях коммунистической идеологии эта проблема не стала объектом серьезных исследований и дискуссий. Существующие в литературе возражения против возмездия как сути наказания представляются весьма разнообразными по своим исходным точкам зрения.

Известный русский философ В. Соловьев в работе «Оправдание добра» (1897 г.) показывает внутреннюю бессмысленность доктрины возмездия, или «мстительной справедливости», следующей из того, что месть и устрашение есть смягченные остатки «зверочеловечества», устремляющегося исторически к состоянию «богочеловечества». В другой своей работе автор пишет, что уголовно-правовая доктрина возмездия, совершенно лишенная и логического и нравственного смысла, есть лишь пережиток дикого состояния, и уголовные наказания, ныне еще употребительные, поскольку в них намеренное причинение преступнику физических страданий или лишений ставится целью реакции на преступление, представляет собой лишь историческую трансформацию первобытного начала кровной мести.

Указывается также на безнравственный характер возмездия. Так, С.В. Познышев замечает, что подсказываемая животным чувством мести эта идея (то есть идея возмездия) безнравственна.

Ряд авторов указывают на неудовлетворительность теорий возмездия потому, что они лишены определенного устойчивого критерия для указания меры наказания.

Во-первых, когда утверждается, что сущность наказания — возмездие, имеется в виду только справедливое возмездие (воздаяние). Если возмездие превышает деяние, неравномерно содеянному, то это уже не наказание, а репрессия, ибо нарушен принцип справедливости.

Если же возмездие (воздаяние) слишком мягкое по сравнению с деянием, то это также уже не наказание, а безнаказанность. Поэтому наказанием считается лишь то средство против преступления, суть которого справедливое возмездие (воздаяние).

Во-вторых, не следует отрешиваться от слова «возмездие» (воздаяние), ибо оно уже не выражает той отрицательной реакции, которая вызывалась сильными эмоциями. Понятие возмездия с эпохи Просвещения претерпело значительные изменения. Теперь наказание представляет собой лишь *ответ* на совершенное преступление лицом по собственной воле, в соответствии с принципом воздающей справедливости.

Возмездие, бесспорно, лежит в основании мести, как лежит оно в основании наказания, но это не подрывает все-таки значения возмездия как сущности наказания. Общность оснований мести и наказания еще сама по себе не может дискредитировать взгляда, признающего возмездие сущностью наказания.

Идея возмездия не есть идея талиона, формального, качественного или только количественного равенства. Она не является местью, которая характеризуется грубостью, инстинктивностью, безмерной и бессмысленной реакцией потерпевшего. Она не означает и удовлетворения последнего, заглаживания вреда, и, вместе с тем, нераспознаваемого человеческим глазом морального возмездия. Она есть идея о том, что преступление как нарушение общественного порядка должно в жизни вызывать к себе отношение, соответствующее его отрицательной оценке. Оно есть суть наказания.

II. Нравственные начала сущности наказания. И. Канту принадлежат бессмертные слова: «Если исчезнет справедливость, жизнь на земле уже не будет иметь никакой цены». Проблема наказания — это, прежде всего, нравственная проблема. Поэтому человечество уже очень давно задается вопросом: нравственно ли наказывать, если речь идет о смертной казни и длительных сроках лишения свободы? И сегодня перед нами стоит тот же вопрос: можно ли в XXI веке продолжать обрекать преступников на страдания посредством уголовного наказания, которое, как утверждают многие, не достигает поставленной обществом цели предупреждения преступлений, и взамен ему найти столь же эффективное некарательное воздействие, отличающееся гуманным содержанием?

Ясно одно: идет ли речь о правотворчестве или же об установлении соразмерности наказания и преступления в конкрет-

ных случаях, игнорировать требования справедливости и гуманизма невозможно — современное цивилизованное общество не имеет на это права. Люди всегда и во все времена хотят справедливого наказания. Поэтому мудрый законодатель в нормальном гражданском правовом государстве, понимая это обстоятельство, старается в своей деятельности опираться на нравственные начала наказания, а судьи отыскивают в самом преступлении те критерии, элементы, которые могли бы служить измерителями тяжести совершенного преступления, а следовательно, и тяжести наказания.

Г. Мейер указывал, что «не только в частных отношениях, но также и для законодательства возникает вопрос, не слишком ли мало или много выпадает на долю отдельной личности или отдельного отношения, о коих идет речь, точно ли индивид несет и получает то, что надлежит ему»¹. Но возможно ли это?

Этот вопрос существует с того момента, когда человек начал понимать значение и смысл наказания и вредную, злую сущность преступления. Для себя лично вопрос о справедливости человек решает, опираясь на те нравственные нормы, которые ему подсказывает совесть. Разумеется, это его субъективная оценка справедливости. Так, например, он считает, что отмена смертной казни несправедлива, ибо в данном случае законодатель исходил, скорее, из политических соображений, игнорируя при этом интересы потерпевшего, а также правосознание народа, которое как раз и совпадает с его личным мнением. С ним можно поспорить, но не считаться с его доводами нельзя, так как, на самом деле, такого же мнения придерживается достаточно большое количество членов общества.

Вместе с тем существуют те нравственные нормы, которые пользуются, возможно, более широким признанием, и отрицать их не решится любой здравомыслящий человек. Поэтому, когда мы хотим убедить сторонников смертной казни в справедливости отмены этого наказания, обязательно должны, наряду с другими аргументами, ссылаться на принцип гуманизма, обеспечивающий справедливость.

¹ “Die Cerechtigkei imstrafrecht”. *Cerichtesaae*. В. XXXIII. S. 101 и etc.

Следовательно, законодатель при определении вида и размера наказания за те или иные деяния в законе обязательно должен опираться именно на те нормы нравственности, которые получили общее признание в обществе, даже если они противоречат его (законодателя) пониманию справедливости. Иначе общество на практике, в реальной жизни столкнется с несправедливым наказанием, с соответствующими отрицательными последствиями. Если признать, что справедливым может быть только Бог, которому доступно познать сокровенные помыслы человека, внутренние мотивы и причины всякого человеческого поведения, — что, разумеется, сегодня мы не в состоянии постигнуть, — значит, законодатель не в состоянии определить идеальное справедливое наказание, так как не имеет дара, подобного Всевышнему. Поэтому между наказанием и преступлением совершенного идеального равенства быть не может. Это невозможно в принципе ни в нравственном, ни в юридическом (правовом) отношении.

Однако это абсолютно не означает, что государство в лице законодателя в состоянии нарушать всякую справедливость при избрании вида и размера наказания для достижения своих политических целей, что встречается в истории многих государств. Справедливое возмездие, то есть зримое равенство между преступлением и наказанием, должно быть как бы границей, чертой, которую законодатель не имеет права пересекать. Так, если государственная власть устанавливает уголовное наказание за несанкционированное проведение пикетов, митингов, собраний, то это, без сомнения, как раз нарушение той границы справедливости между деянием и наказанием, ибо решение законодателя не имеет в основании определенную и опирающуюся на твердо установленный нравственный критерий оценку степени общественной опасности правонарушения.

Принимая то или иное решение о наказании за определенные деяния, законодатель понимает, что в случае нарушения закона лицу придется претерпеть известные страдания или нравственное лишение, ограничение как необходимое и разумное последствие. Законодатель поступает безнравственно, если заранее знает, что эти страдания не соответствуют содеянному и, значит, воздаяние

не служит идее права и справедливости. Очевидно и бесспорно, что чем важнее закон, а точнее, объект охраны, который нарушается преступлением, тем важнее и само преступление. Важность, ценность объекта посягательства определяет степень тяжести наказания. Но какой объект важнее?

Это понятие относительное, поскольку является прерогативой самой государственной власти, то есть это индивидуальный взгляд каждого государства. И это вполне справедливо и правильно, ибо у каждого народа есть свои критерии оценки нравственных ценностей и свое понятие о важности тех или иных ценностей. Следовательно, у каждого народа — разный взгляд на степень тяжести того или иного преступления. А значит, и наказания за одно и то же преступление у разных народов, как правило, различны. Конечно, совершенно бессмысленным, несправедливым и безнравственным было установление смертной казни за хищение государственного и общественного имущества в период Советской власти. В данном случае государство, устанавливая эту меру наказания, исходило не из норм нравственности, принципов гуманизма и идеи справедливости, а из идеологических соображений и ложных представлений относительно уголовной политики в борьбе с преступностью. Степень важности деяния определяется в каждую данную эпоху законодателем с учетом интересов господствующей власти, в соответствии с местом личности в обществе и ее интересами. Поэтому построение системы наказаний, предназначенной для всех времен и народов, невозможно так же, как и невозможно считать те или иные действия преступными в различные периоды истории у разных народов. Следовательно, создание идеальной системы наказания, а также идеальных конкретных наказаний, как по форме, так и по содержанию, невозможно. Виды и размеры наказаний постепенно подвергаются изменениям, ибо каждая эпоха выдвигает свои критерии оценки значимости преступных деяний. Так, например, сегодня наказания средневековой эпохи нами отвергаются и представляются несовместимыми с принципами гуманизма, хотя они считались целесообразными с точки зрения законодателей того времени. И в этом нет ничего удивительного и странного, ибо каждая эпоха вырабатывает свои

наказания, свои меры воздействия на преступные проявления, которые для другой, последующей эпохи могут оказаться неудовлетворительными, нецелесообразными.

Что же такое справедливость? Какое значение она имеет для наказания?

Идея справедливости, как одно из выражений нравственного сознания и социальной сущности человека, возникла на определенной ступени развития человеческого общества и, следовательно, носит исторический характер. З.А. Беребешкина отмечает: «...справедливость как ценность, идея, эталон, норма, имеющие конкретно-историческую характеристику, возникла на определенной ступени развития человеческого общества»¹.

Удивительно, что и сегодня вокруг понятия справедливости не утихают споры, хотя эта этическая категория имеет очень давнюю историю. «Человек естественной простоты, — писал И. Кант, — очень рано обретает чувство справедливости, но очень поздно и вообще никогда не обретает понятие справедливости»². Однако это никогда не было препятствием для того, чтобы отличать справедливое от несправедливого. Шведский юрист-теоретик Экелоф сказал: «Общая концепция справедливости аналогична представлению о Господе Боге — все о нем говорят, но никто не знает, что это такое»³.

Справедливость, являясь категорией морали, в целом, как и мораль, находит свое применение во всех без исключения сферах общественной жизни. В истории этических учений справедливость чаще всего рассматривалась в качестве меры нравственного сознания и требования.

В принципе, такое понимание верно. Недаром символическим изображением справедливости являются весы. П. Лафарг отмечал: «Удар за удар, возмещение, равное причиненному ущер-

¹ *Беребешкина З.А.* Справедливость как социально-философская категория. М., 1983. С. 30.

² *Кант И.* Соч. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 196.

³ См.: *Бондесон У.* Концепция справедливости в представлениях населения и судей // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 44.

бу, равные доли при распределении продовольствия и земли — таковы были единственные понятия справедливости, доступные первым людям, — понятия, которые пифагорейцы выражали в аксиоме не нарушать равновесие весов»¹.

Испокон веков понятие о правде связывалось с началом равенства. Справедливым считалось то, что одинаково прилагается ко всем. Это начало вытекает из самой природы и сущности человеческой личности: «Все люди суть разумно свободные существа, все созданы по образу и подобию Божьему и, как таковые, равны между собою. Признание этого коренного равенства составляет высшее требование правды, которая, с этой точки зрения, носит название правды уравнивающей»².

Философы, ученые всех времен, начиная с Конфуция, Платона, Аристотеля, римских юристов и заканчивая современными учеными, сущность феномена справедливости рассматривают в философско-правовом контексте, куда включают: а) равенство всех в одинаковых условиях; б) взаимосвязь содеянного и расплаты; в) равновесие между утратой и приобретением. Все признают справедливость основанием и руководящим принципом права и видят ее сущность в «воздаянии каждому должного». Это означает, что наказание за содеянное преступление должно соответствовать принципам справедливости как на уровне уголовного закона, то есть в уголовно-правовой санкции, так и в правоприменительной деятельности при назначении наказания. В Книге Притчей Соломоновых говорится: «Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое — мерзость перед Господом».

По словам Аристотеля, справедливое — это, прежде всего, то, что соответствует законам. Ну а если сам закон несправедлив? Ведь законодатель может по своему усмотрению, в своих целях установить любое наказание за любые деяния. Например, в период Советской власти, как уже отмечалось, во всех кодексах республик за хищение более 10 тыс. рублей было установлено наказание, предусматривающее смертную казнь. Вряд ли можно сказать,

¹ Лафарг П. Соч. Т. III. М.; Л., 1931. С. 82.

² Чичерин Б.Н. Философия права. С. 96.

что этот закон был справедливым. Поэтому нельзя согласиться с Т. Гоббсом в том, что единственным мерилom справедливости является сам закон и какую бы норму он ни предписал, она будет справедливой.

Древних греков отличало чувство морального долга повиноваться государственному закону, даже когда они считали его неправильным или аморальным. Как известно, Сократ добровольно принял яд, хотя и сознавал несправедливость приговора: повиновение законам государства он считал нравственной обязанностью гражданина. «Справедливость заключается в том, чтобы не нарушать законы государства, в котором состоишь гражданином»¹, — говорил древнегреческий философ Антифонт. Древние евреи, напротив, свято верили в необходимость повиноваться законам государства только тогда, когда они не противоречат Божественному праву. У кавказцев особую роль играли обычаи. Поэтому очень часто народы следовали не законам, а обычаям. Понятно, что закон не может быть абсолютно справедливым, ибо справедливость требует максимально индивидуального подхода к человеку, а закон не может учесть всех личных факторов, значимых для нравственно должного отношения².

В каждом обществе свой уровень жизни, который считается нормой, и свой предел, за которым начинается недопустимая крайность. Значит, и законы в каждом обществе отличаются по существу и принимаются как соответствующие принципам справедливости.

Понятие о справедливости наказания складывалось в зависимости от исторического развития того или иного народа, обычаев, традиций и т. д.

Древнекитайский философ Мо-Цзы писал: «В древности, когда только появились люди, не было наказаний и, в то же время, у каждого было свое понимание справедливости. У одного — одно, у двоих — два, у десяти — десять представлений о справедливости. Чем больше нарождалось людей, тем больше становилось различ-

¹ См.: Правовая мысль: Антология. С. 75.

² См.: *Романец Ю.В.* Указ. соч. С. 237.

ных представлений о справедливости. Каждый считал правильным свой взгляд и отвергал взгляды других людей, в результате, между людьми царилась сильная вражда»¹. В то же время человечество всегда стремилось дать общепринятое понятие справедливости. Разумеется, что такую задачу пытались решить всегда, в первую очередь философы.

В философской литературе справедливость определяется и как добродетель, составляющая сущность нравственной красоты, и как согласие с действительностью, и как равенство перед законом, и как соответствие воздаяния деянию, и т. д. Но как определить, что наказание в виде пожизненного лишения свободы более справедливо, чем смертная казнь? Справедливо ли наказание сроком 21 год лишения свободы за умышленное убийство более 70 человек, предусмотренное законодательством Норвегии? Справедливо ли наказание в виде смертной казни за умышленное убийство или изнасилование одного человека, предусмотренное в некоторых странах Азии и Востока?

Каждое общество понимает наказание справедливым, исходя из нравственных начал, менталитета, обычаев и морали, а также состояния преступности. Каждое государство, по словам Демокрита, во имя «общего блага» считает необходимым сурово наказывать за нарушение справедливости. «Должно, во что бы то ни стало, убивать все, что приносит вред и попирает справедливость. Тот, кто это делает, сохраняет при всяком государственном строе спокойствие духа, право, мужество и имущество скорее, чем тот, кто этого не делает»².

Именно из-за отсутствия единого понятия справедливости практически невозможно установить соответствие наказания совершенному деянию. Для норвежского законодателя наказание, равное 21 году лишения свободы в двухкомнатной камере со всеми удобствами, террористу, убившему более 70 человек, справедливо с точки зрения существующего уголовного законодательства. Однако это еще не означает, что такое наказание справедливо с

¹ См.: Правовая мысль: Антология. С. 44.

² См.: Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 170.

точки зрения мировой общественности, а также правосознания самих норвежцев.

Смертная казнь за изнасилование несовершеннолетних, предусмотренная уголовными законами некоторых стран, в том числе среднеазиатских, по мнению европейцев, считается несправедливым наказанием и отрицательно характеризует уровень развития этих народов в широком смысле. Но так понимают справедливость европейцы, в то время как сама общественность в этих странах, так же как и законодатель, считает такое наказание за совершенное деяние вполне справедливым.

То, что всякое преступное деяние заслуживает наказания, а всякое наказание должно быть справедливым, утверждалось с древних времен, ибо все мыслящие люди понимали полезность, как для общества, так и для самого преступника, справедливого наказания. Иначе наказание теряет свою сущность. Но как уравновесить преступление и наказание, не допуская ни излишней снисходительности, ни чрезмерной суровости, чтобы строго соблюдать требования воздающей справедливости? А. Франк писал: «Как только наказание переходит или не доходит до количества мяса, которое должно быть вырезано из тела нашего врага, как только наказание не исполнится в самой строгой точности, по требованию безусловного равенства, оно, по необходимости, становится несправедливостью и произволом»¹.

На протяжении тысячелетий мыслители пытались найти рецепт справедливого и адекватного возмездия. Еще Платон говорил о необходимости справедливого наказания как при его определении, так и при его назначении.

Представители классической школы уголовного права, основанной через сто лет после выхода труда Ч. Беккариа, исходили из того, что наказание должно быть неотвратимым и являться справедливой оплатой за совершенное преступление. В XIX в. английский юрист и экономист И. Бентам развил утилитарную теорию наказания, выдвинув три условия образования и применения наказания:

¹ Франк А. *Философия уголовного права*. СПб., 1868. С. 133.

а) оно не может применяться, если не способно предотвратить вред от преступления;

б) наказание не должно быть слишком дорогим, то есть не дороже причиненного преступником вреда;

в) наказание не нужно, если вред от преступления может быть предотвращен не наказанием, а каким-либо другим, более дешевым способом.

Лист считает, что «при определении рода и меры наказания в законе и приговоре должно придавать больше значения внутреннему состоянию деятеля, чем внешнему последствию деяния»¹.

Таким образом, масштаб меры наказания для классической школы служат последствия деяния, а для позитивистов — внутреннее состояние индивидуума.

По мнению современного юриста Н. Хавронюка, чтобы наказание было на деле максимально справедливым и адекватным, то есть точно соответствовало совершенному преступлению, необходимы:

1) разработка и принятие общих требований к уголовной статистике;

2) проведение анкетирования и опросов. Официальные статистические данные — при любой степени их совершенства — обязательно должны дополняться данными виктимологических опросов населения;

3) математичность уголовного закона;

4) экспертное сопровождение уголовного процесса.

Автор заключает, что «критериями жесткости (мягкости) санкции должна быть, прежде всего, действительная общественная опасность того или иного деяния»².

На наш взгляд, для того чтобы наказание было справедливым воздаянием за совершенное деяние, оно должно отвечать следующим основным требованиям:

¹ List F. Strafrechtliche Aufsätze u Vorträge. В. II. S. 377.

² Хавронюк Н. Каким должно быть уголовное наказание, или Почему юриспруденция отстает от физики? // Материалы Научно-практической конференции в Пекине. 2012 г. 1–3 дек. С. 14–15.

Во-первых, наказание должно соответствовать и зависеть от нравственных, религиозных, исторических, культурных основ того или иного народа, нации.

Во-вторых, оно должно быть соразмерным тому злу, которое заключает в себе преступное действие. Эти условия имеют принципиальное значение при построении и определении наказания законодателем в правотворческой деятельности.

Третье условие имеет отношение к судебной деятельности по назначению наказания. На этой стадии практической реализации наказания внимание должно быть направлено преимущественно на личность преступника, то есть субъект преступления, его особенности, внутреннее состояние должны играть существенную роль при осуществлении справедливого наказания.

Если справедливость как принцип имеет основополагающее значение при определении наказания законодателем, то гуманизм как этическая, философская категория необходим при его назначении и исполнении. Гуманизм как принцип правоприменительной деятельности должен наполняться содержанием, очерпнутым, прежде всего, из общей теории гуманизма.

Одним из оснований принципа гуманизма является признание абсолютной ценности человека. Поэтому все, что касается человека и его наиболее благоприятного развития, определяется общим понятием «гуманизм» (лат. человеческий, человеческий). «Гуманизм — это нравственная позиция, выражающая признание ценности человека как личности, уважение его достоинства, стремление к благу человека как цели общественного прогресса»¹.

Следовательно, гуманизм — отношение между обществом (государством) и личностью. Поэтому можно говорить о двояком характере гуманизма. Одна его сторона проявляется по отношению к обществу и заключается в защите государственных, общественных и личных интересов от преступных посягательств. Понимаемому таким образом гуманизму вполне соответствуют строгие меры наказания преступников. Так, Э.А. Саркисов отме-

¹ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 147.

чал: «Гуманные идеи защиты социалистического общества и всех советских граждан от преступных действий требуют строгости, непримиримости по отношению к преступникам, особенно к тем, кто посягает на охраняемые законом объекты»¹.

Другая сторона гуманизма обращена к преступнику и означает человеческое отношение к его личности, отрицание жестоких наказаний, учет смягчающих обстоятельств и т. д. Так, Ж.П. Марат, составляя «План уголовного законодательства», стремился к тому, чтобы «не ущемляя ни справедливости, ни свободы, примирить мягкость кары с ее надежностью и человечность с безопасностью гражданского общества»². Ч. Беккариа писал: «... следует употреблять только такое наказание, которое... производило бы наиболее сильное впечатление на душу людей и было бы наименее мучительным для тела преступника»³.

Как отмечал И.И. Карпец, строгое наказание преступников в интересах охраны общества от опасных посягательств является не гуманизмом по отношению к обществу, а вынужденным отступлением от последовательности проведения в жизнь этого принципа⁴.

Такая позиция сводит суть гуманизма к одной его стороне — гуманности по отношению к преступнику. В общепринятом смысле термин «гуманизм» означает признание ценности человека как личности, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Следовательно, гуманизм может относиться только к конкретному человеку и в современном смысле понимается как человечность, милосердие. Защита интересов общества путем причинения вреда конкретному человеку, даже если это вызвано необходимостью и соответствует социальным интересам, не может считаться гуманизмом, ибо вред и гуманизм — понятия несовместимые.

¹ Саркисов Э.А. Гуманизм в советском уголовном праве. Минск, 1968. С. 23.

² Марат Ж.П. Избр. произв. М., 1956. Т. 1. С. 213.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 244.

⁴ Карпец И.И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 87.

Принцип гуманизма в уголовном праве связан только с личностью преступника и заключается в гуманном к нему отношении. В связи с этим возникает естественный вопрос: следует ли сводить гуманизм к тому, что лицу, совершившему преступление, должно быть назначено минимальное наказание?

А.С. Горелик замечает, что «назначение даже наиболее мягкого из возможных наказания можно назвать гуманизмом в значительной мере условно. Любое наказание является карой, а кара и гуманизм — антиподы. Наказание вообще не может быть более или менее гуманным; точнее, следовало бы говорить о более или менее негуманном наказании, то есть не о степени гуманизма, а о степени отступления от него, и иметь это в виду при использовании данного термина»¹.

Итак, принцип гуманизма необходим в объяснении соразмерности конкретного наказания совершенному преступлению с учетом особенностей личности преступника. Поэтому гуманизм можно рассматривать как средство достижения справедливости. Очень важное значение имеет понимание законодателями и судьями уголовно-правовых категорий справедливости и гуманизма, которые, естественно, не должны отрываться и, тем более, противопоставляться понятиям справедливости и гуманности, разработанным философией.

Справедливость как оценка становится мерилom деятельности, поступков людей при наличии убежденности в их правильности. К судьям это относится в особенности. Судья, убежденный в правильности оценки преступления, должен прямо и смело отстаивать справедливость наказания через призму гуманизма, забывая о себе, презирая робкие оговорки и двусмысленные намеки и заботясь только об истине, а не о том, что скажут о нем самом. Необходимо также иметь в виду, что неперемное условие справедливости наказания — неподкупность и бескорыстие судьи. Как сказал Цицерон, «преступно брать деньги за вынесенные приговоры, еще преступнее осудить того, с кого возьмешь деньги

¹ Горелик А.С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. С. 83.

за оправдание», а Демокрит заметил: «Доступный подкупу не может быть справедливым». Ф. Бэкон уточнил эту мысль: «Судьям подобает более учености, чем остроумия, более почтительности, чем искусности в доказательствах, более осмотрительности, чем самоуверенности. Но главной их добродетелью является неподкупность»¹.

Без категорий справедливости и гуманизма вообще невозможно обойтись там, где решение вопроса зависит от характеристики личности виновного. Многообразие отличающих человека признаков не позволяет изложить их в виде нормативно закрепленных четких критериев. Поэтому при использовании такого рода норм особенно важное значение приобретают нравственные категории справедливости и гуманизма, на которые следует опираться при оценках характера и степени опасности личности. Среди этих норм на первое место выдвигаются правила назначения наказания.

Субъективизм при применении наказания в судействе неизбежен. В связи с этим мы сталкиваемся с проблемами внутреннего убеждения судьи и судейским усмотрением, которые означают такое состояние психики, сознания, пребывая в котором судья считает назначаемое наказание самым справедливым, индивидуальным, не вызывающим сомнений. Внутреннее убеждение как состояние возникает не в результате сиюминутных впечатлений, а складывается на основе анализа степени и характера общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Судебная практика нашей страны показывает, что за одинаковые по характеру и степени опасности преступления суды нередко назначают отличающиеся виды и сроки наказания, исходя из собственного усмотрения. Что же такое судейское усмотрение?

А. Барак определяет судейское усмотрение как «полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна», при этом оно «не является ни эмоциональным, ни умственным состоянием. Это, скорее,

¹ Бэкон Ф. Соч. Т. 2. М., 1978. С. 473.

юридическое условие, при котором судья волен делать выбор из ряда вариантов»¹. Вряд ли с этим можно согласиться, поскольку юридическое условие для выбора того или иного конкретного наказания определено законом. А это означает, что судья не может выйти из рамок этих условий, в то время как в пределах юридических условий он не в состоянии принять справедливое решение.

Судейское усмотрение — это, скорее, комплекс нравственных, практических, психологических, педагогических условий, на основе которых судья принимает то или иное решение. Поэтому правильность решения зависит от уровня развития этих качеств у судьи. При этом само собой разумеется, что, наряду с профессиональными качествами, существенное значение имеет способность судьи мыслить общечеловеческими категориями.

Исходя из этого, мы полагаем, что судебское усмотрение — это внутренняя убежденность в принятии справедливого решения при определении наказания преступнику. Понятно, что судебское усмотрение не должно быть безграничным. Речь идет именно об оптимальном варианте усмотрения. Как бы ни выступали некоторые авторы против судебного усмотрения, надо признать, что там, где есть право, всегда будет возможность выбора по усмотрению правоприменителя.

В этом смысле мы разделяем опасения В.П. Нажимова, когда он предупреждает, что «участники процесса, особенно подсудимый и защитник, почти беззащитны от усмотрения судей в выборе конкретной меры наказания. Судьи могут привнести в этот вопрос любые субъективные моменты, например такие, как скверное настроение, интуитивная антипатия к подсудимому и т. п.»². По-видимому, это зависит от личных качеств судьи, а не от границ судебного усмотрения. Мы не уверены в том, что чем меньше сфера личного усмотрения судьи, тем больше гарантий законности и правильности принятого решения. Поэтому вопрос состоит

¹ Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13–14.

² Нажимов В.П. Справедливость наказания — важнейшее условие его эффективности // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1973. Т. 2. С. 3.

не в том, следует или не следует отказаться от судейского усмотрения, а в том, каковы должны быть пределы такого усмотрения.

Безусловно, наряду с необходимыми предпосылками, элементами формирования рационального внутреннего убеждения служат умственная деятельность, выражающаяся в размышлении, сопоставлении, взвешивании отдельных доказательств, всесторонняя критическая оценка модели возможного решения, после этого — проверка правильности всех выводов и, наконец, установление логических, причинно-следственных связей между данными, которые легли в основу решения¹.

Предпосылка рационального внутреннего судейского убеждения состоит в том, что судья, подходя к сформированному мысленно «проекту» вида и размера наказания как созданной в сознании модели, осуществляет на этой основе самоконтроль. Наиболее важный элемент самоконтроля — сомнение. Каждый судья, избирая вид и размер наказания, опирается на свои нравственные принципы. При этом необходимо отметить, что чрезвычайно важную роль в справедливом и целесообразном назначении наказания играет система философских, правовых, общечеловеческих взглядов судьи. Политические и идеологические принципы должны быть чужды судье.

Таким образом, закон оставляет известные границы для усмотрения применяющего его органа или должностного лица, с тем, чтобы он смог принять правильное решение, основанное на началах справедливости и гуманизма. Так, между Посланником Аллаха — Мухаммедом и назначенным судьей в Йемен Маузом произошел следующий диалог: «По чему ты будешь судить?» — спросил Мухаммед. «По писанию Аллаха», — отвечал Мауз. «А если не найдешь?» — поинтересовался Пророк. «По Сунне Посланника Аллаха», — сказал Мауз. «А если и там не найдешь?» — спросил Мухаммед. «То буду судить по своему мнению, не пожалев сил на поиск верного решения», — отвечал Мауз. «Хвала Аллаху, наставившему тебя на угодный Ему путь!» — воскликнул Пророк.

¹ *Надь Л.* Приговор в уголовном процессе. М., 1982. С. 92.

§ 2. СОДЕРЖАНИЕ И СВОЙСТВА НАКАЗАНИЯ

I. В юридической литературе лишь несколько авторов оперировали понятием «сущность наказания» как отличающимся от понятия «содержание наказания». Остальные авторы либо придавали этим понятиям одинаковый смысл, либо использовали какое-то одно из них. Приведем несколько мнений относительно понятия сущности наказания.

Русские ученые-криминалисты дореволюционного периода сущностью наказания считали причинение преступнику страданий¹. Так, например, Н.Д. Сергиевский сущность наказания видел в осуждении и порицании, которые выражаются «в форме известного физического или морального вреда»². А вот советский ученый П.П. Осипов указывал на двусущностную природу тех наказаний, в содержание которых включено воспитание³. И.А. Тарханов сущность наказания определял как «выраженное в правоограничениях государственное порицание преступного поведения и лица, совершившего преступления»⁴. Достаточно часто сущность наказания усматривается в каре⁵.

На самом деле, раскрыть подлинную суть наказания, дать ему четкое определение, разграничить с логически и исторически близким явлением кары, составляющим содержание наказания, — задача сложная. В подтверждение сказанного уместно

¹ См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. С. 91–93; *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1863. С. 180; *Познышев С.В.* Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 335.

² *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. Пособия к лекциям. II изд., 1915. С. 84.

³ См.: *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 68.

⁴ *Тарханов И.А.* Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 9.

⁵ См.: Учение о наказании в уголовном праве России. М., 2011. С. 58; *Наташев А.Е., Тручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. С. 17.

привести слова Д.А. Керимова: «Разрыв сущности и содержания права ничем не оправдан: не только содержание, но и сущность права являются категориями объективными и выражены в законодательстве субъективно отраженными»¹.

В отличие от сущности содержание наказания представляет собой нечто неустойчивое, колеблющееся, изменчивое. Содержанию наказания присуще постоянное развитие, непосредственно отражающее движение и изменение материальной, духовной и социально-политической жизни общества. Поэтому отождествление сущности и содержания наказания недопустимо, ибо сущность наказания — более глубокая, более общая категория, нежели категория содержания. Первая как основа, суть наказания — явление, а второе — ее выражение в многочисленных и разнообразных проявлениях сущности наказания.

Сущность вскрывает внутреннюю природу наказания, а содержание наказания конкретно выражает в уголовно-правовой санкции те или иные лишения и страдания данной сущности. Поэтому содержание наказания исчерпывается *карой*, со всеми ее свойствами, признаками и т. д. По содержанию наказания можно определить, какими средствами и методами государственная воля осуществляет в реальности сущность наказания. А из этого следует, что государственная власть не в состоянии повлиять на сущность наказания, которая имеет объективный и неизменный характер, в то время как в зависимости от уровня развития общества, в широком смысле, содержание наказания постоянно меняется.

Кара является не целью наказания, а его содержанием. Она объективно ему присуща и не находится в зависимости от законодателя, который может целесообразно употреблять это средство или же злоупотреблять им в своих целях. Сложность познания карательного содержания наказания связана не только с различным подходом в науке к определению места кары в наказании, но и с различными взглядами ученых на природу самой кары.

¹ Керимов Д.А. Методология права... С. 167.

Так, Б.С. Утевский определял кару как принуждение¹. Б.С. Никифоров, критикуя такое понимание кары, полагал, что кара предполагает страдание². Таким образом, он видел в каре не только принуждение вообще, но и принуждение к страданию, причем соразмерному с совершенным преступлением.

Свое отношение к понятию кары определил и И.С. Ной: «Кара — это принуждение с целью вызывать страдание. Лишь такое понимание кары позволяет, практически, отличить ее от иных видов принуждения, входящих в наказание, но не являющихся карой»³.

С.В. Полубинская считает, что кара является сущностью, неотъемлемым свойством наказания. Кара в этом смысле заключается в лишении осужденных возможности совершать новые преступления. В таком понимании кара есть необходимая предпосылка для достижения наказанием целей предупреждения преступлений⁴.

И, наконец, по мнению В.К. Дуюнова, «кара — это всегда реакция в виде осуждения, порицания, укора виновного за совершенный им проступок, в какой бы сфере социальной жизни это понятие ни употреблялось»⁵.

В целом ряде языков, как европейских, так и восточных, нет особого слова, которое соответствовало бы понятию «кара», в отличие от понятия «наказание». В русском языке слово «кара» все-таки имеет особый оттенок. Кара, по Далю, не только наказание вообще, но и строгое наказание и казнь. Именно свойством кары наказание отличается от других мер государственного принуждения. Поэтому как преступления обладают различной обществен-

¹ Утевский Б.С. Вопросы теории исправительно-трудового права и практика ее применения // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права. М., 1957. С. 37.

² Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права. С. 128.

³ Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания... С. 31.

⁴ Полубинская С.В. К вопросу о целях наказания. Проблемы усовершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 100.

⁵ Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России — принуждение или кара? С. 65.

ной опасностью, так и наказания отличаются друг от друга по степени кары количественно и качественно.

Конкретное выражение кары образует содержание наказания того или иного вида. При анализе системы наказаний нельзя не видеть, что в нее входят различные виды наказаний, которые при одной и той же сущности отличаются друг от друга. Это свидетельствует о том, что содержание наказания, в отличие от сущности, может относительно быстро меняться. Законодатель может оказать влияние на содержание того или иного наказания путем определения той или иной «дозы» кары в его составе. Например, «доза» кары в лишении свободы количественно отличается от «дозы» кары в штрафе. И это вполне естественно, поскольку для достижения цели в одних случаях необходима наибольшая «доза» кары, а в других — наименьшая.

Наказание в процессе реализации карательного содержания причиняет осужденному определенные страдания. Именно это свойство является необходимым признаком кары как элемента содержания наказания. При этом следует подчеркнуть, что страдание — не цель наказания, а свойство кары, то есть неотъемлемая суть, характеристика и качество кары. И то, что нравственные страдания должны соединяться со страданиями физическими, — это совершенно справедливо, потому что само совершение преступления уже бесчестит преступника.

Как факт чувственной жизни уголовное наказание является актом принуждения к страданию. Иначе понятие наказания исчезло бы из юридического лексикона как исторически устаревшее. С.П. Мокринский писал: «Стоит отнять у наказания эту характерную черту — преднамеренное причинение страдания, или предложить, что данное мероприятие не по исключению, но уже по общему правилу не в силах вызвать требуемого эффекта, — и всякий почувствует, что мероприятие уже не соответствует понятию наказания, что оно может быть названо мерой принудительного воспитания, образования, врачебного пользования, презрения, изолирования, но, отнюдь, не наказания»¹.

¹ Мокринский С.П. Наказание, его цели и предложения. Ч. I—III. М., 1902. С. 3.

В то же время страдание и унижение не должны доходить до крайности и быть беспочвенными и бесцельными мучениями. Одновременно следует учитывать предупреждения Э. Ферри: «Мы решительно противимся ниспровержению всех принципов общественной справедливости, при котором тюрьмы становятся более удобным и комфортабельным помещением, чем жилища честных, но бедных людей»¹.

Страдание относится к числу тех понятий, реальный жизненный смысл которых, на наш взгляд, ясен даже обыденному сознанию. Однако оно имеет противоречивое, сложное содержание. В *психологическом* плане страдание — это особое переживание, связанное с ощущением неудовольствия. В *социальном* аспекте страдание представляет собой результат отчуждения, непризнанности другими. Согласно религиозным представлениям страдание — чисто религиозное учение, не выходящее за грань религии и не входящее в повседневную жизнь, связанное исключительно с отношениями между людьми и Богом, но никак не между людьми друг с другом. Значит, страдание — это жертва чему-то высшему, Божественному, Святому. Страдание можно также трактовать как претерпевание. В *юридическом* плане страдание понимается как результат совершенного зла, последствие преступления.

Страдание — совокупность крайне неприятных, тягостных или мучительных ощущений живого существа, при котором оно испытывает физический и эмоциональный дискомфорт, боль, стресс, муки и т. д. Понятно, что причинами страданий могут быть различные обстоятельства (любовь, болезнь и т. д.). Такого рода страдания не носят принудительного характера со стороны государства, то есть это не принудительное страдание, а естественное человеческое чувство.

Страдание как признак, свойство кары отличается именно принудительным характером, ибо оно осуществляется помимо воли самого человека, в особых условиях. Поэтому от такого страдания необходимо отличать нравственные муки, угрызения совести, испытываемые преступником, даже если они были бы столь

¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 270–271.

велики, что для их прекращения он желал отдаться в руки правосудия, чтобы выстрадать свою вину. Именно благодаря страданию лицо, совершившее зло, должно искупить свою вину, осознать ошибочность своего поведения, понять привлекательность и прелесть жизни на свободе.

В то же время следует отметить, что страдание — угрожающее здоровью человека состояние, приводящее к неврозам и психозам. Наказание утрачивает свой смысл в случае полной утраты кары, а последняя немыслима без лишений, страданий и ограничений. Г.В. Мальцев прав, утверждая, что «чистое наказание без элементов кары — мечта либеральных деятелей нашего времени — есть иллюзия, способная превратить социальную реакцию на преступление в ничтожный акт»¹.

Поэтому если отнять у наказания кару, то есть страдание, переживание и т. д., тогда это явление (наказание) не будет соответствовать понятию уголовного наказания. В принципе, даже если постараться это сделать, то это окажется бесполезным, ибо кара — объективное свойство наказания, без которого оно существовать не может. Идея Божьего наказания фундаментально повлияла на уголовно-правовое представление о наказании. Согласно религиозным догматам раскаяться чисто рассудочным путем невозможно, бессмысленно, неэффективно. Вот почему истинное покаяние религия видит в страдании и боли, мучительном переживании того преступления, греха, зла, которое содержит в себе наказание в виде кары.

В литературе всегда возникал вопрос относительно воспитательных возможностей кары. Так, например, Леффлер считает, что если лучшие из граждан сами по себе уже питают известное отвращение к большинству деяний, отмеченных государством как преступление, то это чувство есть продукт общественного воспитания и важнейшую роль в этом воспитании сыграло именно уголовное наказание².

¹ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 524.

² Леффлер. Der Begriff der Verantwortung. Mitt. D.I.K.V.VI. S. 388.

Если в содержании кары, помимо страданий, лишений и т. д., находятся также элементы воспитания, то тогда наказание, помимо карательной сущности, обладает также и свойствами воспитания, а значит, может не только причинять страдание, но и воспитывать, перевоспитывать. Постановка государством цели исправления в процессе исполнения наказания отнюдь не свидетельствует о том, что в содержании кары имеются элементы воспитания. Цель исправления государством может быть поставлена не перед наказанием, а перед органами, исполняющими наказание, что не одно и то же.

Понятно, что в процессе исполнения наказания карательными мерами невозможно положительное воздействие на личность осужденного, ибо кара, то есть причинение лишений, введение правоограничений, словом, — причинение ущерба личным интересам осужденных, не может рассматриваться в качестве средства воспитания.

Как нельзя принудить человека к патриотизму, уважению чужой собственности, проникновению чувством любви к ближнему, так и посредством наказания невозможно переустроить или усовершенствовать внутренний мир человека, ибо наказание — принуждение, а не убеждение. Поэтому глубоко ошибаются те, кто возлагает надежды на наказание в деле исправления и перевоспитания человека, в том числе преступника. Наказанию недоступны проблемы улучшения внутренних качеств, свойств человека.

Кара не воспитывает, она подавляет, уstraшает и, в лучшем случае, вырабатывает конформность поведения¹. Угроза карой не может воспитывать, изменять сознание, укреплять нравственные нормы. Кара, если ее рассматривать как средство воздействия на личность осужденного, может способствовать достижению предупредительной, но не воспитательной цели.

Таким образом, карательное и воспитательное воздействие — относительно самостоятельные явления, имеющие различную правовую природу. Меры воспитательного воздействия не вхо-

¹ *Осипов П.П.* Теоретические проблемы построения и применения уголовно-правовых санкций. С. 68.

дят в содержание кары, а соединяются с ним в едином процессе карательно-воспитательного влияния на осужденных в целях достижения цели предупреждения преступлений.

Единство карательных и воспитательных элементов в достижении поставленной цели наиболее ярко проявляется на примере лишения свободы. Включаясь в целостную систему, они образуют качественно новое явление — карательно-воспитательное воздействие, состоящее из элементов кары и воспитания. В процессе исполнения наказания решаются две относительно самостоятельные и в то же время очень тесно, органически взаимосвязанные между собой задачи — реализация карательных элементов, а также организация воспитательного воздействия, которая выступает сопутствующим наказанию мероприятием.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: отличие кары от возмездия. Хотя они являются составными частями наказания, отличие их состоит в том, что кара выражается в причинении страдания наказуемому, в то время как возмездие характеризуется как известная отплата тому, кто совершил зло. Эта отплата включает в себе уравнивание, заглаживание учиненного, погашение его, а потому и восстановление того, что было нарушено. Однако эта отплата не есть месть за совершенное преступление. Помимо этого кара как элемент содержания наказания реализуется в процессе исполнения наказания, а возмездие — при назначении наказания.

II. Любая деятельность, в том числе и деятельность государства, имеет определенную цель, иначе эта деятельность является бессмысленной. В принципе, цель — это категория не уголовно-правовая, а философская. В философии под целью понимается предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. Применительно к праву «цель как философская категория лежит в основе исследования правовых явлений и процессов, детерминирует правотворчество, само право, законодательство и его реализацию, совершенствование и развитие правовой системы»¹.

¹ Керимов Д.А. Методология права... С. 270–271.

Всякая цель вообще субъективна, ибо формируется (определяется) людьми, выражается в законодательстве и реализуется субъективной деятельностью людей. В то же время цель по необходимости всегда реализуется в той или иной материально или духовно осязаемой форме, которая представляет собой результат реализации потребности. Гегель писал: «Цель есть ближайшим образом нечто сущее внутри меня, субъективное, но она должна стать также и объективной, сбросить с себя свой недостаток, перестать быть только субъективной»¹.

Следует особо подчеркнуть, что наказание, в принципе, не преследует каких-либо целей, тем более, невозможно перед ним ставить какую-то цель, ибо цели могут быть поставлены обществом, то есть субъектом, с учетом объективных возможностей наказания, закрепив это в законе. Следовательно, наказание следует рассматривать как средство достижения цели. При этом очень важно, чтобы цель была реальной и вытекала из сущности наказания, иначе она будет носить чисто декларативный и бессмысленный характер, не имеющий к наказанию прямого отношения.

Разумеется, государство для достижения поставленной цели может использовать другие средства и возможности. Но они будут поручены уже не наказанию, а другим субъектам. Под целями в уголовно-правовой науке понимается тот идеальный желаемый результат, к которому стремится государство, применяя наказание. Какие же цели ставит перед собой государство, используя уголовное наказание в качестве специфического средства для их достижения?

Пожалуй, самым спорным здесь является вопрос относительно возмездия и кары. Распространено мнение о том, что возмездие — цель наказания. Во-первых, как мы уже отмечали, наказание никаких целей не преследует. Во-вторых, само государство перед собой цель возмездия не может ставить. Возмездие есть явление, лежащее в объективной природе наказания. Оно характеризует, как отмечено ранее, сущность наказания и реализуется в процессе использования государством этого средства для достижения по-

¹ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. VII. С. 39.

ставленной им же цели. Отказ от возмездия означает отказ от наказания вообще, что вряд ли представляется возможным в современных условиях. Не может возмездие выступать одновременно и целью, и сущностью наказания.

То же самое относится и к каре, которая характеризует содержание наказания и не может выступать в качестве цели общества. Что касается цели исправления, то государство такую цель перед собой, естественно, ставит. Однако наказание в качестве средства достижения этой цели играет вспомогательную роль, ибо в самом содержании наказания нет элементов воспитания, посредством которых можно оказать какое-либо воспитательное воздействие на человека. Поэтому государство для достижения этой цели использует другие средства и методы, которые находятся за пределами наказания.

По вопросу о специальном (частном) предупреждении в литературе существуют две точки зрения. Одни авторы считают, что задача частного предупреждения предполагает создание особых условий во время отбывания наказания, исключающих совершение осужденными новых преступлений, воспитание у них такого сознания, которое исключало бы мысль о возможности совершить новое преступление¹. Это означает, что цель исправления охватывается задачей специального предупреждения и ее упоминание в законе лишь поддерживает необходимость воспитательного воздействия на осужденного.

Другие авторы полагают, что такое расширительное толкование понятия специального предупреждения неоправданно, ибо им поглощается цель исправления осужденных. Под специальным предупреждением они понимают только создание условий, устраняющих возможность совершить преступление во время отбывания наказания².

Совершая преступление, лицо «самозаявляет» о своей опасности для общества. Отсюда, как отмечает А.С. Червоткин, одним из проявлений специального предупреждения преступлений как цели

¹ *Ефимов М.А.* Лишение свободы как вид уголовного наказания // Сборник ученых трудов. Вып. 1. Свердловск, 1964. С. 200.

² *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства... С. 21.

наказания является воспрепятствование совершению осужденным нового преступления не путем переделки личности или ее устранения, а посредством устранения возможностей, условий, при наличии которых новое преступление может быть совершено, посредством создания условий, препятствующих его совершению¹.

В литературе высказана и иная, отличная от других, позиция, согласно которой специально-предупредительная ориентация уголовного закона сама по себе не обеспечивает эффективного механизма уголовно-правового контроля. Она не поддается диагностике, и надо обладать богатой фантазией, чтобы полагать, что, например, человек, отбывший пять лет лишения свободы, становится лучше или полезнее для общества, «поскольку средства, которые в настоящее время используются в исправительных целях, крайне несовершенны»².

Мы исходим из того, что понятие специального предупреждения относится к области исполнения наказания. Если считать, что цель специально-предупредительного воздействия в период исполнения наказания — не допустить совершения новых преступлений со стороны осужденного в течение периода отбывания наказания, то следует признать, что *специальное предупреждение* — это только создание соответствующих специфических условий с целью предупреждения преступлений в процессе исполнения наказания.

Данная форма предупреждения является частью общего предупреждения преступлений. Поэтому так называемое «специальное предупреждение» — это всего-навсего *условие* для достижения наказанием основной и единственной цели — предупреждения преступлений. Исходя из этого, представляется правильным вместо понятия «специальное предупреждение» использовать выражение «специфические условия для предупреждения преступлений».

¹ Червоткин А.С. Цель специального предупреждения преступлений и средства ее достижения при применении уголовного наказания // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1984. С. 156.

² Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 139–141.

Современное уголовное законодательство постсоветских государств в качестве одной из целей наказания называет, прежде всего, восстановление социальной справедливости, а уже затем остальные цели.

В.Д. Филимонов в основу цели «восстановления социальной справедливости» ставит «модификацию цели кары»¹. Такого же мнения придерживается и В.К. Дуюнов, отмечая, что «провозглашение цели “восстановление социальной справедливости” в законодательстве является официальным признанием законодателем кары в качестве одной из целей уголовного наказания, хотя и в такой завуалированной и облагороженной форме»².

Следует отметить, что еще в 60-х годах профессор Н.А. Беляев писал о восстановлении социальной справедливости как цели уголовного наказания. Представляется, что такая позиция законодателя не может быть поддержана по следующим основаниям.

Во-первых, социальная справедливость — это не правовая, не юридическая, а философская, этическая категория. Поэтому провозглашение ее в законе носит только декларативный характер, а значит, лишено определенности. Почему бы тогда в законе не предусмотреть, что одной из целей общества является ликвидация преступности?

Во-вторых, уголовное законодательство не раскрывает само понятие «восстановление социальной справедливости». Оно носит оценочный характер.

В-третьих, достижение цели восстановления социальной справедливости возможно не через уголовное наказание, а посредством социальной политики государства. Проблема социальной справедливости выходит далеко за пределы уголовного наказания. Если законодатель под социальной справедливостью наказания понимает назначение лицу, совершившему преступление, соответствующего справедливого наказания с учетом тяжести преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, то лучше всего использовать понятие «справедливое возмездие».

¹ См.: Новое уголовное право России. Общая часть. М., 1996. С. 96.

² Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 152.

Хотя справедливость оценивается и понимается как этическая категория, в роли понятия «справедливое возмездие» она может рассматриваться и характеризоваться юридически, и, более того, ее признаки и критерии должны носить уголовно-правовой характер. Такие категории, как «справедливость», «гуманизм», должны использоваться законодателем в качестве принципов построения и назначения наказания, а не цели уголовного наказания.

Итак, государство стремится предупредить преступные проявления. Для достижения этой цели оно использует различные формы, методы, способы и средства, одним из которых является уголовное наказание. В какой же форме это происходит? Иначе говоря, каким образом государство как субъект права наказания использует это специфическое средство для достижения поставленной цели?

Весь этот процесс можно разделить на три взаимосвязанных и взаимозависимых этапа: определение и принятие отдельных наказаний и системы наказаний в целом, назначение наказания за конкретные преступления и исполнение наказания. Таким образом, наказание как средство предупредительного воздействия проявляется в двух направлениях, хотя и состоит из трех этапов. Оно используется для общего влияния на сознание населения, действуя как мера предупреждения и устрашения, и в то же время по отношению к конкретному лицу оно служит предостережением, удерживающим его от новых преступлений. Это означает, что предупреждение преступлений посредством наказания возможно как в форме психологического противодействия преступлению, так и в форме физического удержания от преступной деятельности на определенный период времени.

С момента вступления в силу закона начинается процесс реализации предупредительно-устрашительного воздействия наказания. Оно уже «находится в работе», выполняет то, что от него требуется. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, согласно которому наказание в начале, то есть после его принятия, работает как безликая угроза¹.

¹ См.: *Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В.* Уголовно-правовая политика. С. 157.

Предупредительно-устрашительное воздействие наказания обнаруживается в двух направлениях. Оно оказывает общее влияние на сознание населения, действуя как мера профилактики, то есть наказание как бы напоминает людям о своем существовании, о своей «работе», но в достаточно мягкой форме. В то же время оно информирует население о том, что ему грозит в случае непослушания и совершения преступлений. Это есть реализация устрашительного воздействия наказания, которая объективна, независимо от желания государства. В данном случае устрашение осуществляется в форме психологического противодействия преступлению, а не физического удержания от преступного намерения.

С помощью предупредительных свойств наказание действует на интеллектуальную сферу человека, на укрепившиеся в его сознании ассоциации, создавая постоянную связь между идеей преступления и наказания. Устрашением же наказание воздействует на психику человека, то есть возбуждает в нем чувство страха, заставляя его соотносить свое поведение с установленными требованиями. В этом смысле уголовное наказание предполагает психологическое воздействие на население. Но на какую часть общества? По теории Фейербаха оно направлено не на общество в целом, а на возможного, потенциального преступника, принуждая его как опасного индивида к более осмотрительному образу действий или к сознательному отказу от преступлений. Но как определить возможного преступника? Если бы имелась такая возможность, то его можно было изолировать от общества до совершения преступления.

Угроза наказанием направлена на все общество в целом, с целью предупреждения преступлений. Существует мнение, что устрашение наказанием развращает людей, будто бы чувство животного страха играет главенствующую роль среди удерживающих мотивов наказания. Может быть и так, но пока лучшего средства удержания, к сожалению, не придумано.

В основе устрашительного, репрессивного психологического воздействия угрозы наказанием лежит страх перед физическим и нравственным страданием. Поэтому логически смягчение наказаний, то есть уменьшение «дозы» кары в содержании наказаний,

а также сокращение наказаний с большей «дозой» карательных элементов, должны привести к усилению нравственных, а не физических страданий. Но, как свидетельствует практика, сегодня, наоборот, исчезает чувство стыда перед общественным осуждением, то есть люди не считают позорным быть осужденными. Поэтому и нравственное страдание также не является уже основой репрессивной, предупредительной силы угрозы наказанием. Само собой разумеется, что психологическое действие угрозы наказанием тем значительнее, чем более оно согласуется с нравственными воззрениями общества. Чем выше общий уровень развития нации, гражданского общества и культуры, чем более развито личное самоуважение, тем эффективнее предупредительная сила наказания. Поэтому при повышении уровня развития нации в широком смысле центр тяжести психологического воздействия наказания перемещается с устрашения на нравственное давление.

Остается открытым вопрос, в какой мере наказание оказывает воздействие на население, но в том, что это воздействие является значительным или может быть таковым, вряд ли следует сомневаться. Поэтому обществу остается только правильно и разумно использовать наказание в достижении поставленной цели.

Устрашением наказание фактически противостоит тем качествам, потребностям, желаниям, которые толкают человека на совершение преступления, предупреждая его о невыгодных последствиях. «Мысль о наказании, — отмечает Б.С. Волков, — если даже не уничтожает намерение совершить преступление, во всех случаях играет роль противодействующего стимула, на фоне которого более отчетливо проявляется стойкость и активность антиобщественной установки, сила и стремительность господствующих побуждений»¹.

Посредством своих предупредительно-устрашительных свойств наказание выражает требование должного поведения. Поэтому сознание наказуемости поступка является важнейшей частью психологического содержания волевого процесса и выступает контрмотивом антиобщественного поведения. А из этого следует, что представление о строгости наказания, то есть о силе

¹ Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 119.

устрашения, имеет немаловажное значение в создании эффекта торможения при совершении преступления, а значит, входит в число факторов, оказывающих во многих случаях влияние на выбор вариантов поведения.

Для законодателя очень важно помнить следующее принципиальное положение: чтобы наказание могло создать эффект торможения, сдерживающий человека от совершения преступления, оно, с одной стороны, не должно быть чрезмерно жестоким, а с другой, — учитывая уровень развития населения, должно производить впечатляющее действие путем необходимых для этого способов устрашения.

Например, если исторический опыт человечества показывает, что бороться с умышленным убийством жестокими наказаниями в виде смертной казни или пожизненного заключения бессмысленно, то это вовсе не означает, что следует бросаться в другую крайность, полагая, что наказание за это преступление должно быть неосновательно мягким. Наказание по своей сути должно быть разумным и целесообразным.

В последние годы периодически появляются публикации о негативном, отрицательном характере устрашения наказанием, поскольку для цивилизованного государства оно безнравственно, неэффективно, и поэтому пора освободить наказание от «ежовых рукавиц» и перестать держать общество в страхе. Следует отметить, что эти замечания не новы, они высказывались всегда. Так, например, еще Г. Ашаффенберг писал: «Мы должны ограничиться той мыслью, что устрашающее действие наказания не настолько сильно, чтобы с успехом противостоять растущей социальной опасности»¹.

На это замечание хотелось бы ответить словами Ч. Беккариа: «Сила, подобная тяжести, заставляющая нас стремиться к личному благополучию, сдерживается только противоположными ей препятствиями. Эта сила проявляется в сложном ряде человеческих действий, и наказания, которые я назвал бы политическими препятствиями, предотвращают возможные вредные последствия

¹ *Ашаффенберг Г.* Преступление и борьба с ним. М., 2010. С. 204.

от взаимного столкновения этих действий, не уничтожая порождающей их причины, то есть неизменно присущей человеку чувствительности. Действуя так, законодатель поступает подобно искусному зодчему, обязанность которого — устранить вредное влияние силы тяжести и использовать ее там, где это способствует прочности здания»¹.

Роль и значение уголовного наказания абсолютно нельзя понимать таким образом, будто устрашающее воздействие содействует всеобщему благу за счет интересов отдельных индивидов. Поэтому совершенно неправильно утверждение о том, что наказание, по соображениям общего удержания, несправедливо по своему существу, ибо если человека наказывают для того, чтобы побудить других избегать совершения преступных деяний, то наказываемый страдает не за то, что он сделал, а из-за склонности других людей поступать подобным образом².

Общество часто обращается с людьми таким образом, чтобы это содействовало всеобщему благу за счет интересов отдельных индивидов. Это возможно при стихийных бедствиях, в ситуациях чрезвычайного положения и т. д. Однако недопустимо, чтобы общество использовало лицо, совершившее преступление, для уменьшения преступности, исходя из того, что оно находится в распоряжении государства.

Мы не подвергаем сомнению утверждение о том, что самые драконовские законы — казни огнем и мечом, колесование и виселица — не уничтожили преступность. Но мы считаем, что, возникая в сознании, вслед за идеей совершения преступления, мысль о наказании способна предотвращать, уничтожать или парализовывать стремление к противоправному деянию. Само собой разумеется, что наказание на 100% этого достичь не в состоянии. Но совершенно ясно, что оно способно с помощью устрашения оказать определенное противодействие.

¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 95.

² См.: *Buttur and Platt. The Meaning of Punishment // Issues in Criminology. 1966. N 2. P. 79, 93.*

Как справедливо отмечает И. Анденес, «еще меньше нам известно о том, сколько людей совершили бы преступление, не будь угрозы наказания»¹.

Конечно, хотелось бы жить в обществе, где отсутствует наказание, но, по словам польского общественного деятеля А.Ф. Моджевского, «человеческая испорченность так велика, люди до такой степени бесстыдны и склонны совершать преступления, что необходимы самые суровые законы, которые помешали бы злобе, поставили препятствия своеволию и положили узду на бесчеловечность. Поскольку дела имеют такой вид, из этого вытекает следующее: многочисленные и суровые законы служат наглядным доказательством того, что в данном государстве люди получили плохое воспитание, обладают несчастным характером и с каждым днем все больше и больше обнаруживают свои дурные свойства. Если правители стремятся воспрепятствовать этому, то им необходимо издавать все более тщательно составленные законы и устанавливать все более строгие наказания»².

Оценивая устрашительную силу наказания, Фейербах отмечал: «Я хочу посредством закона сделать невозможным воровство, то есть, я верю в возможность противоположности воровства, верю, что воровство случайно, что вор свободен и может с одинаковой легкостью не украсть, как украсть. Именно поэтому закон в своей низменной вере во всесилие своего желания и не требует от вора ничего большего, кроме сознания запретности воровства, чтобы присудить его тотчас же к виселице»³.

Государство установило определенные правила нашего поведения, то есть запретило совершение действий, противоречащих интересам общества и отдельных личностей. Запрет есть начало взаимодействия человека с наказанием. Поэтому в системе «человек — угроза наказанием» особое место принадлежит оценке способности человека к усвоению, восприятию самого *запрета*, ибо для признания его способным к ответу (наказанию) за на-

¹ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 31.

² См.: Правовая мысль: Антология. С. 133.

³ См.: Там же. С. 277.

рушение запрета, то есть установленного обществом порядка, необходимо выяснить, насколько он вообще способен понимать регулирующую роль базовых ценностей и норм общества. А для этого он должен иметь возможность доступа к информации о них, должен понимать, что разрешено, а что запрещено. И только после этого человек способен учитывать их наличие и находить соответствующее решение: принимать к руководству или отвергать в ситуации выбора.

Иначе говоря, лицо, желающее или намеревающееся совершить противоправное деяние, должно уяснить запреты, а также уметь оценить само действие и его последствия. При этом достаточно оценить способность к усвоению норм и ценностей, регулирующих поведение в уголовно-релевантных ситуациях, и учитывать их при выборе варианта поведения. Поэтому для наступления ответственности вполне достаточно того, что субъект осознает вред своего деяния и его последствия для других, нарушение им установленных уголовно-правовых норм¹.

Осознание вредности последствий в случае посягательств на блага другой личности или на интересы общества имеет место и при относительно невысоком уровне развития интеллекта. В связи с этим представляет интерес позиция Гегеля, полагающего достаточной для наказания способности предвидеть необходимые последствия избирательного варианта поведения, так как только их «ведение» можно вменить в вину. Причем, надо осознать «всеобщее качество» поступка, то есть уметь соотносить его с задаваемыми обществом ориентирами, о которых также должно быть «вэдомо»².

Правовая наука традиционно исходит из того, что наказание предполагает осознание как фактических, так и юридических признаков уголовно наказуемого деяния. Такой подход соответствует и общетеоретической характеристике права как инстру-

¹ Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 84.

² Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1993. С. 245–249.

мента регулирования общественных отношений, который должен проходить через сознание и волю людей. Удачной представляется мысль В.П. Сальникова о том, что достаточно ориентироваться на нравственные нормы, лежащие в основе принципов права, в частности, на основные юридические понятия, такие, например, как «преступление», выражающие эти принципы¹.

Это и дает возможность принять решение о правомерном и неправомерном поведении в условиях отсутствия информации о конкретной правовой норме, основываясь на понимании общей направленности законодательства, его функций, выражения в нем нравственных требований. За словами *запрета* следуют слова, устанавливающие *наказание*. Что это означает, понимает каждый нормальный человек. В то время как запрет позволяет пробудиться желанию, слова о наказании должны пробудить ужасающие представления.

Согласно религиозной философии существенным фактором и мотивом, поддерживающим Божественно освященные устои официального порядка, был *страх* перед наказанием при жизни или неминуемо после смерти за те или иные прегрешения либо проступки. Этот страх успешнее всего культивировался там, где опирался на стойкую веру в бессмертие души и загробный суд богов. «Дикарь, — пишет Б. Малиновский, — соблюдает свои табу не из-за страха перед общественным наказанием и порицанием. Он воздерживается от их нарушения отчасти потому, что боится дурных последствий, непосредственно проистекающих из божественной воли или действия священных сил, но, главным образом, потому, что его личная ответственность и совесть не позволяют ему делать это»².

Это же подтверждает З. Фрейд: «Табу возникли каким-то образом и должны соблюдаться вследствие непреодолимого страха. Внешняя угроза наказанием не нужна, потому что имеется внут-

¹ Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Саратов, 1989. С. 46–47.

² Малиновский Б. Магия, наука и религия. URL: <http://malinovskii-magia.filosofii.ru>

ренности уверенность (совесть), что нарушение приведет к невыносимому бедствию»¹.

«И заповедовал Господь Бог человеку.. а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Бытие 2: 16–17). Совершая грех, Адам понимал, что он нарушает запрет, то есть «Божий Закон», и что за это будет наказан. Тем не менее он не смог себя удержать. С одной стороны, запрет пробуждает в нем желание, а с другой — страшит, поскольку запрет пробуждает в нем возможность свободы. Вот почему природу первородного греха следует объяснять через категорию страха, который является содержанием любого наказания. Угроза воздействия на людей порождает у них страх перед наказанием и, тем самым, оберегает во многих случаях от совершения преступлений. Этот страх возникает еще до наступления последствий от противоправных деяний, в результате которых может наступить наказание.

Профессор Гарвардского университета В. Кеннон еще в 1927 г., исследуя физиологию эмоций, пришел к выводу, что «страх, ярость, боль и муки голода представляют собой элементарные чувства, которые, с полным правом, относятся к наиболее могучим факторам, определяющим поведение человека и животных»².

Страх возникает еще в момент пробуждения желания совершить преступление, ибо именно с этого момента появляется инстинкт самосохранения, на который опирается страх. Иными словами, страх — внутреннее состояние, обусловленное грозящим реальным или предполагаемым бедствием. Как говорят психологи, страх — это желание того, чего страшишься, это симпатическая антипатия. Человек нарушает закон, желая этого, но, одновременно, боится, ибо помнит о том, что за это предусмотрено наказание.

Страх — это чуждая сила, которая захватывает индивида, и он не может освободиться от нее, да и не хочет, так как страшится, но страшится того, чего желает. Вот почему всем потенциаль-

¹ Фрейд З.

² Кеннон В. Физиология эмоций: телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. Л., 1927. С. 15.

ным преступникам свойственно чувство страха. Это относится и к лицам, неоднократно совершавшим преступления, — к рецидивистам. Поэтому утверждение о том, что «психология так называемых рецидивистов и профессионалов-преступников общеизвестна: полная недейственность для них угрозы репрессии является фактом установленным»¹, абсолютно несостоятельно и необоснованно. Эту позицию поддерживал А.Ф. Зелинский, полагая, что одной из предпосылок рецидива преступлений выступает эмоциональная глухота не только по отношению к другим людям, но и к собственной судьбе, что делает рецидивистов равнодушными к угрозе наказания².

Речь может идти только о степени страха. Чувство страха имеет инстинктивно-биологические основы и присуще не только людям, но и животным. То, что бывают люди, которые вообще не ощущают никакого страха, следует понимать в том смысле, что и Адам никогда не почувствовал бы страха, нарушая запрет, если оставался он просто животным. Поэтому неспособность страшиться является доказательством, что данный индивид — либо животное, либо ангел, — а они оба, также в соответствии с Божьими писаниями, менее совершенны, чем человек. Следовательно, страх выступает выражением совершенства человеческой природы.

У рецидивистов чувство страха притупленное, но оно существует. Вот почему совершение очередного преступления для них не представляет большого труда, ибо угроза наказания не оказывает на рецидивистов достаточного сдерживающего воздействия. И, наоборот, человек, впервые совершающий преступление, испытывает глубокий страх, что может оттолкнуть его от преступного намерения. Если это произойдет, то можно считать, что это результат воздействия уголовного наказания.

Всем известно, что женщины, по сравнению с мужским населением, совершают преступлений гораздо меньше. В Азербайджане в среднем это 10% от всех преступлений. Одна из глав-

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. М., 1930. Т. 3. С. 68.

² Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений (структура, связи, прогнозирования). Харьков, 1980. С. 44.

ных причин этого заключается в том, что страх свойствен женщине в большей степени, чем мужчине, ибо женщина чувственнее мужчины и несет в себе больше страха уголовного наказания. Поэтому, чем глубже человек пребывает в страхе, тем более велик этот человек, хотя и не в том смысле, в каком люди это обычно понимают, когда страх наступает из-за чего-то, что лежит за пределами человека. Нет, это понимается в том смысле, что человек сам создает страх. И этот страх сохраняет его от совершения противоправного деяния.

Анализируя состояния страха и его причины, психологи выделяют четыре вида страха: биологический, социальный, моральный, дезинтеграционный. Данная классификация исходит из особенностей ситуации, вызвавшей страх. Ситуации, связанные с непосредственной угрозой жизни, вызывают биологический страх, который является первичной формой страха, возникающего в случае депривации первичных, жизненных потребностей. Состояние кислородного голодания (например, при сердечной недостаточности) вызывает острое чувство страха. Социальный страх развивается в случае нарушения взаимодействия с ближайшим социумом (страх быть отвергнутым близкими, страх наказания, страх учителя и т. д.).

Страх перед уголовным наказанием, исходя из этого положения психологии, появляется в результате нарушения человеком соответствующих правил общежития. При этом, естественно, лицо знает, что за это поведение оно должно будет нести соответствующую ответственность. Появляется ощущение страха перед наказанием, сопровождающееся интенсивными проявлениями со стороны показателей физиологической реактивности, такими как тревога, дрожь, сердцебиение и т. д.

Страх влияет на протекание психических процессов, в частности, наблюдается плохая осознанность восприятия, имеются трудности сосредоточения. На мышление страх влияет по-разному. У одних повышается сообразительность; они концентрируются на поисках выхода. В этом случае человеку, намеревавшемуся совершить преступление, легче принять то или иное решение, то есть, взвесив все варианты, определить целесообразность преступного

поведения. У других ухудшается продуктивность мышления, то есть они не в полной мере осознают последствия преступления. Поэтому угроза наказания на них действует слабо. По данным А.В. Наумова, на вопрос: «Почему, по Вашему мнению, люди не совершают преступлений?» из 400 респондентов 17, 4% ответили: «Из-за страха перед наказанием»¹.

Некоторые авторы, полностью не отрицая устрашения наказанием, не надеются на спасительное влияние страха. Так, например, Д.А. Дриль писал: «Страх не действует и не может действовать постоянно. У дурных натур легко возникают увлечения, вытекающие из особенностей их существа, и наступают моменты забвения, когда представления опасности и чувство страха отпадают и не говорят в них, и тогда они все снова и снова впадают в преступление. Необходимо, чтобы в самом человеке существовали внутренние задерживающие моменты»².

Воздействие страха наказания отрицает также Б.М. Бехтерев, полагая, что страх уже потому не может воздействовать на сокращение преступлений, что человек, совершающий преступление по расчету, прежде всего, обдумывает меры к тому, чтобы ускользнуть от правосудия³.

Однако ясно одно: пока существует уголовное право как отражение условий общественного развития, сохранится страх перед наказанием, который хотя и не единственный компонент общепредупредительного воздействия, но обязательно ему присущий.

В буддистском джагаке 44 «О моските» повествуется, что «лучше умный враг, чем друг, обделенный умишком, ибо умный враг, страшась наказания, не совершил бы человекоубийство».

В системе «человек — угроза наказания» риск играет особую, специфическую роль. В лингвистике риск определяется как «действие наудачу в надежде на счастливый исход»⁴.

¹ См.: *Наумов А.В.* Реализация уголовного права. Волгоград, 1983. С. 28.

² *Дриль Д.А.* Указ. соч. С. 75.

³ *Бехтерев Б.М.* Указ. соч. С. 716.

⁴ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1988. С. 848.

В психологии наиболее распространенной является трактовка риска как ситуативной характеристики, состоящей в неопределенности ее исхода и возможности неблагоприятных последствий неуспеха. Риск является решающим фактором с сохранением эффектов угрозы, принимаемых в расчет потенциальным преступником, ибо многие люди не преступают закон потому, что их удерживает от этого преувеличенное представление о риске. Как отмечает И. Анденес, «даже простой здравый смысл подсказывает, что степень риска быть разоблаченным и осужденным имеет первостепенное значение для предупредительного воздействия уголовного наказания»¹.

Поэтому угрозой наказания мы стремимся убедить людей, что преступление нецелесообразно из-за слишком большого риска. «Сигналы», посылаемые уголовно-правовыми санкциями, с одной стороны, содержат фактическую информацию о том, с чем связан риск неповиновения, а с другой — возвещают, что неповиновение — зло.

Обычно угроза наказанием психологически связана с уяснением санкции, то есть степени риска в случае неправомерного поведения. В связи с этим исключительно важное значение для эффективности механизма общепредупредительного воздействия, а значит, и для построения действенной уголовно-правовой санкции имеет учет психологического отношения потенциальных преступников к угрозе наказанием. Потенциальный преступник должен знать, что риск, на который он идет, совершая преступление, столь велик, а наказание столь сурово, что он может больше потерять, чем выиграть от совершения преступления. А это значит, что потенциальный преступник должен сознавать: а) величину риска; б) суровость наказания; в) расчет при совершении преступлений.

Исследование психологии потенциальных преступников позволяет сделать следующий вывод: *решающими факторами в создании удерживающего эффекта уголовного наказания являются:*

¹ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 69.

а) неотвратимость наказания; б) усиление угрозы наказанием за отдельные категории преступлений.

При этом если первый фактор является обязательным для всех преступлений, то усиление угрозы наказанием может дать общепредупредительный эффект в отношении таких потенциальных преступников, у которых, в силу специфики характера преступления, имеется достаточное время и возможность до или в процессе их совершения, во-первых, сознавать те последствия, которые его ожидают в случае разоблачения, во-вторых, противопоставить ожидаемую от преступления пользу угрозе наказанием.

Психологическое отношение потенциальных преступников этой категории к угрозе наказанием отличается тем, что у них есть возможность до или в процессе совершения преступления соизмерить выгоду от результата совершенного действия и ответственность за него. В итоге они решают: выгодно или не выгодно совершать им преступление.

В данном случае можно говорить о неэффективности общепредупредительного воздействия уголовного наказания. Значит, целесообразно усилить ответственность за это преступление до тех пределов, когда совершение этого преступления станет лицу невыгодным.

Мы не сомневаемся в том, что эффективность действия наказания зависит от степени его суровости. Если наказания не могут вызвать у потенциальных преступников страх, то это означает, что они бессмысленны. Когда люди не боятся нарушать законы, рассчитывают на безнаказанность, то это свидетельствует о слабости и кризисе уголовной политики в борьбе с преступлениями. Ф.М. Достоевский писал: «Не хотел бы я, чтобы слова мои были приняты за жестокость. Но все-таки я осмелюсь высказать. Прямо скажу: строгим наказанием, острогом и каторгой вы, может быть, половину спасли бы из них. Облегчили бы их, а не отяготили. Самоочищение страданием легче-легче, говорю вам, чем та участь, которую вы делаете многим из них сплошным оправданием их на суде. Вы только вселяете в его душу цинизм, оставляете в нем соблазнительный вопрос и насмешку над вами же. Вы не верите? Над вами же, над судом вашим, над судом всей стра-

ны. Вы вливаете в их душу безверие в правду народную, в правду Божью; оставляете его смущенного... Он уходит и думает: “Э, да вот как теперь, нету строгости. Подумали, знать. Боятся, может. Значит, оно можно и в другой раз так же. Понятно, коли я был в такой нужде — как же было не своровать”»¹.

В то же время нельзя впадать в противоположную крайность. Следует помнить, что все наказания, притупляющие нравственное чувство, ухудшающие преступника или все общество, должны быть отвергнуты. В. Гюго отмечал: «Особенностью такого рода наказаний, в которых преобладает беспощадность, то есть нечто притупляющее разум, является то, что они изменяют человека, мало-помалу превращая его путем какого-то бессмысленного преобразования в дикого зверя»².

Во-первых, следует иметь в виду, что система и характер наказаний напрямую зависят от состояния самого общества. Чем менее развитым является общество, тем более абсолютный характер власть имеет в нем и тем сильнее и интенсивнее в нем наказания. И наоборот. Во-вторых, чем выше культура человека, тем большее значение в его поведении играют целевые соображения. Поэтому общество с высоким уровнем культуры населения не нуждается в особо суровых наказаниях. И наоборот. В-третьих, чем сильнее государственная власть, тем сильнее и жестче наказания.

При выборе наказаний законодатель должен обращать внимание на то, чтобы наказания отличались такими качествами, которые служили бы гарантией как справедливости, так и пользы применения. Только те наказания, которые обладают этими качествами, законодатель должен считать надлежащими карательными мерами и принять их в свою систему наказаний³.

Главная устрашительная сила уголовного наказания заключается в его публичности, то есть в том, что оно непосредственно действует на остальных граждан. Значит, люди должны быть хорошо осведомлены об этом. Следует также учитывать, что одно и

¹ См.: Правовая мысль: Антология. С. 428.

² Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т. 6. М., 1954. С. 109–112.

³ Бернер А. О смертной казни. СПб., 1865. С. 59.

то же наказание неодинаково действует на поведение различных людей. Чем ближе момент исполнения преступления, тем сильнее оно влияет на поведение человека. Очень мягкое, но близкое наказание может быть равносильным жестокому, интенсивному наказанию. К примеру, загробное наказание — наказание отдаленное, поэтому, чтобы иметь влияние на поведение человека, оно компенсируется всеми Писаниями избытком ужаса и жестокости.

Есть категория преступлений, когда у субъекта преступления нет времени делать расчет между выгодой, которую он получит в результате своего антиобщественного поведения, и наказанием. Так, например, при совершении внезапно возникшего хулиганства лицо осознает, что совершает антиобщественное действие, но у него нет времени и возможности задуматься над тем, какой вид и размер наказания его ожидает. Таким образом, угроза наказанием свою предупредительную функцию не может выполнить полностью. Поэтому для предотвращения подобного рода преступлений наказание не нуждается в усилении.

Санкцию, точнее, ее угрозу, можно, конечно, назвать «побуждением к действию», однако это побуждение совсем другого рода, так сказать, косвенное в своем отношении к поведению как таковому, опосредованное комплексом эмоциональных, психологических, оценочных и других моментов.

Сдерживающее влияние устрашения отнюдь не такое простое явление, как полагают некоторые. Очень многие преступники в момент совершения преступления настолько напряжены (особенно, если преступление совершается впервые), что не способны осознавать последствия своих действий. Другие убеждают себя в том, что им удастся остаться безнаказанными.

Любая угроза наказания, в том числе и самая строгая, бессильна остановить лицо от намерения совершить преступление, если оно не способно соизмерять выгоду и потерю в результате антиобщественного поведения. Поэтому угроза наказания должна быть точно обозначена в уголовно-правовой санкции, с тем чтобы в сознании потенциального преступника страх перед наказанием перевесил соображения о потерях, связанных с воздержанием от преступления. Каждое преступное настроение проистекает от

представления того наслаждения, выгоды, которые ожидает человек от совершения преступления. Лицо, желающее совершить преступление, как правило, исходит из соответствующего расчета: на одной чаше весов — та выгода, которая его ожидает, а на другой — угроза причинения страданий и лишений и т. д. Поэтому если угроза окажется сильнее, то воля лица, желающего совершить преступление, будет парализована и он может отказаться от преступного намерения.

Угроза наступления возмездия усиливается эффективной деятельностью органов правосудия по разоблачению преступников и их наказанию. Поэтому факт применения наказания к конкретным лицам, осознание реальности и неизбежности наказания являются эффективными предупредительными средствами, удерживающими большую часть населения от совершения преступлений. В этом и заключается устрашительная функция наказания. Степень устрашения, таким образом, зависит напрямую от степени уверенности быть наказанным.

Еще со времен Ч. Беккариа считается общепризнанным, что неизбежность разоблачения и наказания имеет большее значение для удержания людей от совершения преступлений, чем суровость карательных мер. Даже простой здравый смысл подсказывает, что степень риска быть разоблаченным и осужденным имеет первостепенное значение для предупредительного воздействия угрозы уголовного наказания. Ч. Беккариа писал: «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность»¹.

На это важное обстоятельство обращали внимание также представители русской дореволюционной школы уголовного права. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что понятие «безнаказанность» включает в себя не только факт неразоблачения преступника, но и возможность уйти от ответственности на стадии расследования и судебного разбирательства, а также расчет на институт помилования и амнистии.

¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 124.

В принципе, надо согласиться с тем, что в современных условиях среди населения достаточно широкое распространение получило мнение о возможности избежать ответственности и наказания за совершенное преступление. Такое недоверие к органам правосудия, естественно, оказывает существенное влияние на уровень преступности в стране. В среднем в Азербайджане ежегодно остаются нераскрытыми 8–10% преступлений от общего количества всех выявленных преступлений; от 10 до 14% — тяжких и особо тяжких преступлений, около 10% — умышленных убийств.

В своей книге «О преступлениях и наказаниях» в разделе «О помиловании» Ч. Беккариа предупреждал: «Показывать людям, что можно прощать преступление, что наказание не является необходимым их последствием, — значит питать в них надежду на безнаказанность, заставлять думать, что, раз может быть дано прощение, исполнение наказания над теми, кого не простили, является, скорее, злоупотреблением силы, чем проявлением правосудия»¹.

С 1996 по 2010 г. в отношении 53 558 человек были приняты акты о помиловании и амнистии. За 15 лет, то есть с 1995 по 2010 г., было принято 48 указов о помиловании, на основании которых освобождены от отбывания наказания 5121 человек, из них: 2623 — осужденных за умышленное преступление, 29 — осужденных к пожизненному лишению свободы. С 1996 по 2009 г. на основании 9 актов об амнистии оказались на свободе 48 437 преступников, из которых 3394 отбывали наказание в местах лишения свободы. Без сомнения, гуманизм необходим, но нельзя так часто и широко жертвовать общественной безопасностью в пользу отдельного лица, ибо создается общее представление о безнаказанности.

В науке уголовного права дискуссионным является вопрос относительно объекта угрозы наказания. В свое время Э. Ферри в уголовной социологии распределил социальные классы по трем категориям по их отношению к уголовному наказанию.

¹ Там же. С. 155.

К первой группе принадлежат высшие в нравственном отношении классы. Они никогда не совершают преступлений и составляют наиболее многочисленную часть общества. Эта категория людей, для которых уголовное наказание совершенно бесполезно.

Ко второй группе принадлежит низший класс, который составляет большинство прирожденных преступников. Наказание как угроза против них бессильно, потому что эта угроза попадает на почву, лишенную общественного чувства, благодаря чему на наказание они смотрят как на простой риск.

Наконец, у последнего социального класса индивидов нет прирожденной склонности к преступлению, но их честность не выдерживает испытания. Для них наказание в качестве психологического воздействия может иметь некоторое значение¹.

Р. Гарофало, разделяя идеи Э. Ферри, считал, что необходимо отличать класс преступников, способных чувствовать устрашающую силу угрозы наказания, от тех преступников, на которых этот страх оказывает меньшее влияние².

По мнению современного сторонника теории общего предупреждения И. Анденеса, население можно разделить на три категории: а) законопослушные люди, которые идут по правильному пути, независимо от угрозы закона; б) потенциальные преступники, которые нарушили бы закон, не будь угрозы наказания, и в) преступники, которые, вполне возможно, боятся закона, но не настолько, чтобы это удержало их от правонарушений. Удерживающий эффект наказания действует в отношении промежуточной категории — потенциальных преступников³.

С.Н. Тимошев еще в 1914 г. пришел к выводу, что абсолютное большинство населения царской России удерживалось от совершения преступлений лишь угрозой наказания⁴. Такие утверждения свидетельствуют о высоком общепредупредительном значе-

¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 258–259.

² Garofalo. Criminologia. 2-е изд. Турин, 1886. С. 217.

³ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. С. 125.

⁴ Тимошев С.Н. Уголовное осуждение. СПб., 1914. С. 304–306.

нии уголовного наказания, хотя никаких данных, подтверждающих такое заключение, не имеется. По мнению С.И. Курганова, прямыми адресатами угрозы наказания являются не все субъекты, а те из них, которые не совершают преступлений только из-за страха перед наказанием¹.

В.М. Коган полагает, что с точки зрения действия угрозы наказания население можно разделить на три категории. Первую категорию составляют люди, для которых угроза не имеет мотивирующего значения, так как они не совершают преступлений в силу сознательности или других обстоятельств, вообще не связанных с уголовным запретом. Ко второй категории принадлежат люди, для которых угроза не имеет мотивирующего значения, так как они совершают преступления, несмотря на угрозу неблагоприятных последствий. К третьей категории относятся люди, для которых угроза имеет мотивирующее значение, так как они не совершают преступлений из страха перед неблагоприятными уголовно-правовыми последствиями. Они составляют главный объект угрозы наказанием².

Анкетирование осужденных к лишению свободы, то есть лиц, которых угроза уголовного наказания не удержала от совершения преступления, показало следующее. По данным А.И. Марцева, из 200 человек при совершении преступления 58% относились к грозящему им наказанию безразлично³, а по данным И.С. Ноя, из 245 человек 64% не думали о наказании при совершении преступления⁴. Положение о том, что угроза возможного наказания удерживает какую-то часть людей от совершения преступлений, можно считать аксиомой⁵.

¹ Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный аспект. М., 2008. С. 172.

² Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 160–161.

³ Марцев И. Общая превенция преступлений // Правоведение. 1970. № 1. С. 73.

⁴ Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания... С. 153.

⁵ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тен-

Однако количественно определить эту часть не представляется возможным. И дело не только в уголовном наказании, а в большей степени в невозможности на сегодняшний день объяснить причины преступности вообще.

Наука уголовного права, в той новой форме, в которую она начинает облекаться, ищет, прежде всего, естественные причины патологического общественного явления, называемого преступлением; она, таким образом, старается найти верное средство если не для полного уничтожения, то для удержания его в известных границах. Гиппократу принадлежат слова: «Чего не лечат лекарства, излечивает железо; чего не врачует железо, исцеляет огонь; чего не исцеляет огонь, то следует считать неизлечимым».

Преступность в современном обществе — явление неизлечимое, ибо человечество использовало и сейчас использует все необходимые средства, включая самое важное и вынужденное — уголовное наказание, которое можно сравнить с огнем. Угроза наказания охватывает всех членов общества, а не какую-то категорию людей, ибо законодатель не в состоянии определить конкретную направленность этой угрозы. Однако люди по-разному воспринимают наличие уголовного наказания. Для одних это предупреждение, а для других — средство удержания от намерения совершить преступление. Но страх перед угрозой наказания присутствует у всех. Этот вывод основан на данных психологии о том, что в психике любого человека взаимодействуют рациональная, эмоциональная и волевая сферы.

Внешнее поведение людей в индивидуальных поступках продиктовано их внутренней психической деятельностью. При этом волевые акты психики порождаются как мыслями, так и чувствами, взаимовлияющими друг на друга. Воздействуя на разум и чувства извне, можно предопределить волю человека, сформировать ее «изнутри» и пробудить к проявлению в виде волевого действия.

Задача устрашения состоит именно в возбуждении такого мотива поведения, который, вступая в борьбу с иными мотивами, должен преодолеть их и склонить субъекта к требуемому правомерному

поведению. Как правило, это мотив страха перед неблагоприятными последствиями неповиновения.

Но об этом можно говорить, по-видимому, только применительно к тем преступлениям, совершению которых предшествует определенный расчет, взвешивание «за» и «против», то есть борьба мотивов. Поэтому совершенно прав К.А. Сыч, утверждая, что «страх, чтобы иметь значение действенного мотива, способного изменить поведение человека, удержать его от общественно опасного поступка, должен быть реальной категорией, оказывающей постоянное влияние на сознание лица»¹.

Степень устрашительного воздействия зависит от уровня социально-нравственной запущенности субъекта. Несомненно, чем больше «запущен» индивидуум в этом отношении, а значит, меньше социализирован, тем сложнее воздействовать на него угрозой наказания. На граждан, более образованных и более нравственных, мягкие наказания, то есть меньшая доза устрашения, могут производить такое же действие, как жестокие наказания на граждан другой страны, отличающиеся грубостью, дикостью и невежеством.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что угроза наказания затрагивает психологию людей. Поэтому, если бы психологи заинтересовались воздействием угрозы наказания на человека, это привело бы к важным практическим и теоретическим результатам. Речь идет об изучении психологической закономерности системы «человек — угроза наказания». Только таким образом мы сможем уяснить психологическое отношение к этой угрозе. Рассмотрение этого вопроса требует в очень краткой форме обратиться к науке психологии, которая изучает закономерности и механизмы психической деятельности людей. Изначально психология развивалась как составная часть философии, и только в середине XIX в. она выделилась в самостоятельную науку.

В.П. Тугаринов отмечал: «Философия является итогом, обобщением всего предшествующего развития науки и практики. Это обстоятельство делает философию теоретической основой, идей-

¹ Сыч К.А. Указ. соч. С. 16–17.

ным фундаментом всех социальных наук»¹. Философия помогает решать ряд важнейших проблем, среди которых вопросы о природе психического, об уровнях психического и концепции человека и личности. С чувством сожаления приходится констатировать, что юриспруденция на сегодняшний день не в полной мере использует результаты этих исследований применительно к области изучения причин преступного поведения человека.

Что касается исследования проблем психического воздействия наказания на человека и механизма восприятия личностью самой угрозы, а также сдерживающей роли наказания, то они практически никогда не были объектом научного рассмотрения. Нельзя, конечно, не отметить, что исследования в области юридической психологии за последние 30 лет имеют широкий диапазон.

Как известно, в настоящее время достаточно глубоко исследованы такие области юридической психологии, как судебная психология, психологические основы предварительного расследования, психология судебной деятельности, исправительно-трудовая психология и т. д. Представляется, что назрела необходимость в исследовании и разработке общей психологией в союзе с уголовным правом научных критериев и методов системы «человек — угроза наказания». Это поможет законодателю сформулировать научно обоснованные рекомендации при построении уголовно-правовой санкции.

Конечно, наказание не останавливает всех преступников от совершения преступлений, подобно тому как медицина не вылечивает всех больных. Мы не сомневаемся в том, что человек способен самостоятельно и независимо от существования наказания находить правильное решение в сложившейся правовой ситуации, ибо люди и без уголовного закона могут различать правомерное, законное от незаконного. Но мы также не сомневаемся в том, что индивидуум очень часто не совершает преступлений именно из-за существования уголовного наказания.

¹ Тугаринов В.П. Законы объективного мира, их познание и применение. Л., 1954. С. 98.

Эффективность устрашительных свойств наказания всегда была предметом споров прогрессивных мыслителей всех времен — юристов, философов, психиатров, писателей и т. д.

За последние годы появилось достаточно много работ, посвященных эффективности уголовного наказания. И, несмотря на то, что авторы высказывают самые различные точки зрения по этому вопросу, в конечном счете все сходится на том, что при определении эффективности следует придерживаться формулы «цель — результат».

Мы также считаем, что определить степень реализованности, действенности наказания целесообразно путем соотношения поставленной цели и полученного результата. При этом, естественно, следует иметь в виду, что между поставленной обществом *целью* — систематическим уменьшением состояния преступности в целом, ее тяжких и особо тяжких видов в частности — и фактическим *результатом* существует довольно значительная дистанция, которую следует преодолеть. На этом пути может возникнуть целый комплекс взаимосвязанных обстоятельств, влияющих на эффективность достижения. Сложность определения полезности наказания связана также с неопределенностью, неясностью самой цели, в отличие от результата, который свободно и точно выражается в числовых показателях.

Иначе говоря, если результат достижения возможно «материализовать», «овеществить» посредством введения соответствующих показателей, которые придают ему количественную и качественную определенность, то в отношении *цели* этого сделать невозможно. Следовательно, чтобы измерить величину цели, необходимо найти отношение измеряемой величины к другой однородной величине, принятой за единицу измерения. Иначе говоря, чтобы осуществить процедуру измерений, нужно, прежде всего, провести их сравнительный анализ, то есть, во-первых, найти непосредственный эталон оценки, во-вторых, выразить в однозначных единицах измерения как цель, так и результаты. Поэтому, чтобы измерить, хотя бы приблизительно, эффективность наказания, необходимо выразить предварительно цель, поставленную обществом, и результаты в соотносимых единицах измерения, для

чего требуется разработать систему показателей. Так, например, для определения эффективности пожизненного лишения свободы, заменившего смертную казнь, можно провести сравнительную характеристику между показателями уровня преступлений, за которые по законодательству предусмотрена эта мера наказания. Если уровень этой категории преступлений системно растет, то можно предположить, что смертная казнь была более эффективна, чем ее заменитель.

Этот же метод можно использовать при определении эффективности лишения свободы в случае изменения его границ, то есть при увеличении или уменьшении его пределов. Поэтому измерение эффективности наказания посредством числовых показателей невозможно. Они могут основываться на относительных величинах числа: низкая, средняя, максимальная; худшая, средняя, лучшая; малая, средняя, большая. Мы предлагаем выделить четыре условных ступени эффективности уголовного наказания в зависимости от существующего результата преступности: высокоэффективная, среднеэффективная, малоэффективная, неэффективная (нулевая эффективность)¹.

К сожалению, уровень, характер и динамика преступности за последние 20 лет свидетельствуют о малоэффективности уголовного наказания в достижении поставленной обществом цели. Понятно, что сводить эффективность наказания к реально наступившим желаемым результатам нельзя, ибо практически трудно представить ситуацию, когда цель и результат совпадают полностью. Однако хотелось бы, чтобы результат двигался к желаемой цели — высокоэффективной ступени, а не к нулевой эффективности. Следует также учесть, что результаты наказания могут быть не достигнуты не из-за того, что она неэффективна, а по причине того, что она плохо реализована, например из-за необеспечения принципа неотвратимости наказания.

Цель, ради которой применяется уголовное наказание, обращена в будущее. Поэтому многие проблемы эффективности сегодняшнего наказания непосредственно связаны с его прогно-

¹ Подробнее см.: *Рагимов И.М. Преступность и наказание. М., 2012.*

стической сущностью. Следовательно, не вызывает никакого сомнения тот факт, что будущее наказания связано с использованием прогнозирования в учении о наказании и в практическом его применении в законотворческой, судебной деятельности, а также в процессе исполнения приговора.

В значительной степени эффективность устрашительного воздействия наказания и в целом достижение цели предупреждения преступлений зависят от предвидения будущих его результатов. Именно в этом и заключается проблема, ибо мы сталкиваемся с прогнозированием, то есть с предвидением, будущих результатов наказания в момент принятия решения — начиная с принятия уголовно-правовой санкции и заканчивая исполнением судебного решения. Поэтому без научного прогнозирования практически невозможно устранить те препятствия, которые мешают повысить эффективность уголовного наказания. А это означает, что его малоэффективность — результат неиспользования научных достижений в области прогнозирования в процессе уголовного правотворчества, в судебной деятельности по назначению наказания, а также при исполнении судебного приговора.

Рассмотрев сущность, содержание и свойства наказания, можно дать следующее философское определение.

Наказание — особое специфическое средство в руках государства для удержания людей от совершения преступления, сущность которого — возмездие, содержание — кара, а свойства — предупреждение и устрашение.

§ 3. ПРАВО НАКАЗАНИЯ

Наступило время, когда государство взяло в свои руки право наказания. Но как и вследствие чего оно стало органом, исполняющим те функции, которые когда-то принадлежали общине и частному лицу? Кто дал государству это право? Хотя эти философские вопросы существуют давно, однако и по сегодняшний день они являются актуальными и спорными.

Как справедливо отмечает Ю.В. Голик, «правильный ответ на вопрос о праве государства наказывать позволит точнее понять роль государства в современном, быстро меняющемся мире, роль и значение уголовной юстиции и уголовной превенции, построить такую систему наказаний, которая будет приниматься всеми и, главное, будет работать»¹.

Право наказания дает также право на определение целей, которые субъект этого права собирается достичь посредством наказания. Поэтому эти вопросы не только чисто философские, но и практические, ибо от их решения зависит определение уголовной политики.

Когда-то философская проблема о праве государства наказывать была в центре внимания философов, представителей религии, а также многих мыслителей. Однако сейчас эта тема не является предметом серьезных обсуждений и исследований. Ю.В. Голик такое положение объясняет следующим образом: «Право переросло в обязанность. Именно поэтому и прекратились поиски оснований права наказания»².

Итак, берет ли право наказания свое начало в религии, нравственности или просто в общественном интересе?

Теория божественного происхождения права наказания ищет основы права наказания не в начале нравственности, в общественном интересе, возмездии или же в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого общения, в законах мироздания, то есть в религии. Суть рассуждения в следующем: сам Бог, с сотворения мира, взял на себя труд управлять всеми делами в жизни физической, как и в жизни духовной, в политике, как и в религии; Он один сделал людей такими, какими они стали теперь; Он — их законодатель, учитель, их господин и судья.

Представители теорий божественного происхождения права наказания утверждают, что право отмщения, принадлежащее Богу, в то же время может быть делегировано духовным и свет-

¹ Голик Ю.В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 21.

² Там же. С. 50.

ским властителям. На последних возлагается обязанность наказывать. Таким образом, получается, что право наказывать принадлежит лишь Богу и что без его полномочия никто, даже общество, не имеет права посягать на жизнь человека и его свободу. Следует отметить, что канонисты в период Средневековья, ссылаясь на Божественные писания, а также на рассматриваемую теорию, могли осуществлять с помощью наказания неопишущие жестокости, казни и пытки для достижения своих целей.

По логике, правом наказания обладает тот субъект, который установил правила поведения, определил, какое поведение считать правильным, а какое — противоправным, то есть преступлением. Поэтому, чтобы доказать, что право наказания принадлежит Богу, необходимо, в первую очередь, обратиться к Божественным посланиям, которые рассматриваются также как законодательные акты. Если в них предусмотрено, что считать преступлением и какое наказание за это следует, то, безусловно, именно Богу как субъекту законодательства принадлежит право наказания на основании этих Писаний.

Начнем с христианского учения о преступлении и наказании. То, что эта религия так же, как и все остальные, предусматривает определенную модель поведения, — бесспорно, хотя она не имеет публичного характера, не может выступать от имени государства, адресовать свои догматы всему обществу в качестве общеобязательных. Потому христианство нельзя рассматривать в качестве средства регулирования общественных отношений.

Вот почему христианство как норма поведения имеет отношение к конкретному человеку, принявшему данное вероучение, отражающее его отношение к другим людям. Среди религиозных источников, имеющих историческое значение, следует выделить законодательство Моисея — Закон, переданный еврейскому народу Богом через Моисея.

Законодательство Моисея представляет собой системное образование, ключевым элементом которого являются 10 заповедей Божьих, именуемых также Десятисловием. Утверждается, что текст Завета Моисей получил от Бога на горе Синай (Исх. 20: 1–17) и вместе с законами объявил своему народу (Исх. 21: 1–36;

22: 1—31; 23: 1—33). И Завет, и законы имели вид договора, а значит, и юридически значимого акта. Поэтому можно исходить из двух позиций: автором законодательства является не только Бог, но и еврейский народ, или же субъект этого первого акта — только Бог, а Моисей выступает в качестве посредника в отношениях еврейского народа с Богом. Будем исходить из того, что ветхозаветное право исходит от Бога и потому считается Божественным правом. Несомненно, законодательство Моисея обладает рядом показателей, свойственных уголовному закону. Наиболее важными из них являются определения преступления, установления, касающиеся вины, наказания и обстоятельств, исключающих ответственность. Так, например, в Законе дается подробное описание признаков умышленного убийства, имеющих криминалистическое, доказательственное значение. Наказание — неотъемлемый компонент законодательства Моисея; оно освящено Богом, принято еврейским народом как должное. Значит, оно изначально установлено Богом как средство воздействия на созданное им человеческое существо.

Итак, был Закон Моисея, который имел отношение только к одному народу — еврейскому. Автором этого правового акта был Бог. Следовательно, до того исторического времени, пока этот Закон не потерял юридическую (а не духовную) силу, право наказания принадлежало Богу. Понятно, что сам Бог не наказывает, по крайней мере в этой жизни. В определенный период исторического времени эту задачу выполняла Церковь от имени и по велению Всевышнего, в точном соответствии с теми нормами, которые указаны Самим Основателем и его непосредственными учениками. В качестве видимого главы церкви, видимого наместника Христова на земле, Папа воздает должное наказание за преступление, в виде возмездия, в том смысле, в каком Бог предоставил Себе Самому это возмездие, говоря: «Мне отмщение, Азь воздам».

В отличие от католической Церкви, православная Церковь, не имея другого главы, кроме невидимого Христа, не может передать в руки какой-либо видимой власти воздаяние за преступления в виде удовлетворения Божественной справедливости, предоставляя это воздаяние непосредственному суду Божьему.

В отличие от Закона Моисея, который прекратил действие как юридическое средство, но продолжает действовать в духовном плане, Коран как Закон, посланный Аллахом для мусульман, действует для некоторых народов и сейчас.

После Божественного откровения арабы начали жить по Корану. Это означало, что следует поступать так, как велит Аллах, в противном случае их ожидает суровое наказание. Однако в реальной жизни люди встречались с обстоятельствами, которые ставили их в затруднительное, безвыходное положение, то есть Коран «молчал» и они не знали, как поступать в таких ситуациях. Хотя, в отличие от Закона Моисея, Закон, посланный Пророку Мухаммеду, более конкретно и деятельно регулирует уголовно-правовые отношения. В таких ситуациях основой поведения людей и их ответственности служила Сунна. Это арабское слово («ас — сунна») имеет множество значений, например: обычай, нрав, традиции, образ жизни и т. д.

В связи с этим можно поспорить с Г. Оппенгеймером, утверждающим, что «основания магометанского уголовного права, заложенные в Коране, являются чрезвычайно скудными, и ученые не согласны между собой в толковании немногих текстов, относящихся к этому предмету»¹. Во-первых, Коран — это послание человечеству посредством Пророка Мухаммеда, а не продукт творчества человека. Во-вторых, как единогласно подтверждают современные ученые, в Коране очень четко предусмотрено, что Аллах считает преступлением и какое наказание за эти деяния он требует.

В отличие от Корана, содержащего послания Аллаха Мухаммеду, Сунна является сборником адатов, традиций, связанных с действиями и словами самого Пророка. Сунна явилась дополнением к Корану в области уголовного права и применялась тогда, когда в Коране не было специального указания на разрешение тех или иных казусов из правовой жизни. В Сунну вошли и сообщения о сподвижниках и последователях Пророка. Образно о значении Сунны можно сказать так: «Соблюдать Сунну — значит

¹ *Оппенгеймер Г.* Историческое исследование о происхождении наказания. М., 2012. С. 47.

подражать Мухаммеду». Пророк Мухаммед от имени Аллаха адресовал некоторые основные правила поведения, нормы и наказания верующим мусульманам. Другая часть юридически значимых норм сложилась в результате жизни и деятельности Мухаммеда. После смерти Мухаммеда его нормотворческую деятельность продолжали ближайшие сподвижники — праведные халифы — Абу Бакр, Омар, Осман и Али. Опираясь на Коран и Сунну, они формировали новые правила поведения, соответствующие, на их взгляд, воле Аллаха и Пророка Мухаммеда. В случае же отсутствия ответов на возникающие вопросы из области преступления и наказания уголовно-правовые нормы устанавливались совместным усмотрением либо единолично каждым халифом, как и рекомендовал Пророк.

Итак, в VII–VIII вв. источником мусульманского уголовного права выступали Коран и Сунна, а также высказывания сподвижников Пророка. А это означает, что *право наказания к этому времени принадлежало Аллаху — автору Корана, Пророку Мухаммеду как автору дополнений к Посланию Аллаха в области уголовного права и сподвижникам Пророка*. В принципе, следует согласиться с утверждением, что Пророк Мухаммед не стремился создать какое-то право в строгом смысле, а учил людей, как поступать во всех жизненных ситуациях, как относиться к тому или иному событию, факту, поступку и т. д.

Следует подчеркнуть, что лишь в VIII в. мусульманским юристам удалось отделить уголовно-правовые нормы от религиозных, то есть они разработали мусульманское право, в том числе и уголовное, стремясь обосновать решения, вытекающие из Корана или Сунны.

Однако имеется достаточно много примеров, когда подтверждается, что религиозная и сформировавшаяся на ее основе уголовно-правовая норма, регулировавшая сходные отношения, могла полностью и не совпадать по содержанию закрепляемого ими правила поведения. Так, за умышленное убийство и телесные увечья Кораном, по существу, допускается кровная месть и наказание по принципу талиона. Мусульманское же уголовное право, отвергая применения принципов Корана относительно на-

казания, настаивает на уплате выкупа и лишь в крайних случаях допускает смертную казнь. Начиная с IX–X вв., роль источника мусульманского права постепенно перешла к доктрине, которая разработала значительное большинство конкретных уголовно-правовых норм мусульманского права.

Первым шагом на пути возникновения мусульманско-правовой доктрины явился *рай* — относительно свободное усмотрение, которое применялось при толковании Корана и Сунны и формировании новых правил поведения в случае молчания этих источников.

Однако к концу X в. мусульманские судьи лишились права при отсутствии в Коране, Сунне и других источниках нужных уголовно-правовых норм выносить решение по своему усмотрению. Необходимо было руководствоваться принятым населением страны толком. К XIII в. мусульманское уголовное право практически утратило свою целостность и стало правом полудоктринальным, разделенным на разные ветви.

Итак, до конца XV в. мусульманское уголовное право в форме доктрины — выводов крупнейших представителей основных толков — выступало ведущим источником, устанавливавшим систему наказания за преступление и регулировавшим порядок их применения. С образованием Османской империи заметное влияние на эту отрасль права стала оказывать расширяющаяся законодательная практика правителей. Правители принимали законы по вопросам, не урегулированным Кораном и Сунной. Издание нормативно-правовых актов по уголовным вопросам имело место практически при всех османских султанах, но лишь Мехмед Фатих систематизировал их и ввел в действие в виде двух сводных законов — Канун-наме, причем второй из них содержал обширный раздел об уголовных наказаниях.

Начиная со второй половины XIX в., в положении мусульманского уголовного права произошли серьезные изменения, связанные, прежде всего, с тем, что в правовых системах наиболее развитых мусульманских стран оно постепенно уступило ведущее место законодательству, основанному на западноевропейских образцах. В частности, в 1840 г. был издан Уголовный кодекс, взявший за

основу французское законодательство. Действие Кодекса распространялось почти на все входившие в состав Османской империи арабские страны. Однако с распадом империи, после поражения Турции в первой мировой войне, в некоторых из них было принято новое уголовное законодательство, также основанное на европейских моделях.

К середине XX в. в наиболее развитых арабских странах было принято уголовное законодательство, которое ориентировалось на буржуазные образцы и заменило мусульманское деликтное право в качестве основного источника при решении уголовных дел. В Саудовской Аравии до сих пор нет единого уголовного кодекса. В Йемене уголовное право также не кодифицировано. Процесс исламизации уголовного права наиболее ярко проявляется в Пакистане, Иране, Судане. Законодательство Марокко, Иордании и Пакистана предусматривает и сейчас для мусульман уголовную ответственность за несоблюдение поста во время Рамазана. Специальные мусульманские суды в Иране, созданные для борьбы с так называемой моральной деградацией, могут применять наказание за пренебрежение мусульманскими традициями в одежде или нарушение шариатских норм общественного поведения.

Итак, именно государству принадлежит право наказания, поскольку оно определяет правила поведения членов общества. Но как это право оказалось у государства?

Право наказания принадлежит государству по необходимости. Манувриэ пишет: «Я думаю, что право наказания есть не что иное, как необходимость наказания. Общество должно стремиться, если не уничтожить, то уменьшить эту необходимость. А пока слово “наказание” должно выражать собою не что иное, как концепцию полезной и необходимой реакции против актов, вредных для общего благополучия и социального прогресса»¹.

По мнению Н.Д. Сергиевского, «государство имеет право наказания на том основании, что оно не может существовать без уголовного правосудия. Для уголовного правоправедения юридиче-

¹ *Manovrier*. Указ. соч. С. 116.

ское обоснование права наказания сводится к следующему: если существует правопорядок, то *eo ipso* должно существовать и уголовное правосудие»¹.

Ю.В. Голик, так же как и И.Я. Фойницкий, считает, что право наказания, принадлежащее государству, составляет его обязанность, от осуществления которой оно не может воздержаться².

А. Франк на вопрос, кому принадлежало право наказания до государства и как это право перешло к государству, отвечает следующим образом: «Не вправе ли мы думать, что право наказания, взятое в самом себе, в своем принципе, отвлеченное от всех исторических причин, заставивших отнять его у частного лица и поручить обществу, — не что иное, как право мести?» «Право наказания существует повсюду, где только предполагает обязанность повиноваться и где обязанность повиноваться, в свою очередь, предполагает право принуждения и наказания»³.

В настоящее время во всех цивилизованных государствах, безотносительно к их политической организации, конкретным носителем общественного уголовного права является верховная государственная власть. Поэтому проблема не в том, заслуживает ли зло наказания, — это очевидно, а в том, может ли общество наказывать и в каких пределах, в какой сфере и во имя чего обществу предоставляется это право?

В период семейной и родовой жизни народов право наказывать детей, отчасти жен, за преступления и проступки, совершаемые в семейном кругу, принадлежало главе семейства или рода. В принципе, не было и нет ни одного сообщества, которое не имело бы своих обязательных правил и не поддерживало бы себя с помощью тех или иных принудительных мер. Предводители племен, родов, союзов вначале являлись не только законодателями, но

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право // Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 231.

² Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением // Там же. С. 305; Голик Ю.В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Там же. С. 50.

³ Франк А. Указ. соч. С. 116.

также судьями и исполнителями собственного приговора. Право наказания принадлежало только им.

На смену роду и его членам в качестве факторов реакции против противоправных, а точнее, вредоносных действий в ходе исторического развития мало-помалу выступала в поступательно развивающемся государстве государственная власть. Она и взяла на себя обязанность охранительницы заповедуемого ею внутреннего мира от всяческих нарушений. Ей единственной стало принадлежать как право запрета известных деяний и недеяний под страхом наказания, так и право назначения и исполнения наказаний. Таким образом, право наказания перешло от руководителей племен, родов и союзов к государству, потому что все члены общества отказались от него в пользу этого органа.

Однако это вовсе не означает, что государство произошло или образовалось в результате произвола людей. В его составе лежит нравственная необходимость. Люди по самой природе своей вынуждены жить в государстве, ибо для благосостояния и развития человека и роста культуры необходима совместная организованная жизнь людей, называемая общежитием, которое немислимо без правового порядка. А правопорядок возможен только в государстве, которому предоставлено право останавливать тех, кто нарушает его законы, то есть общество поручило государству защитить его соответствующими средствами от противозаконных действий. Речь идет о таких средствах защиты, как уголовное наказание. Поэтому можно утверждать, что *естественное начало — основной принцип права наказания вытекает из необходимости защиты как самого общественного организма, так и отдельного его индивидуума*. Право наказания, принадлежащее государству, составляет его обязанность, долг перед отдельными членами общества, а также перед всем обществом.

С другой стороны, всякое нарушение установленных правовых норм вызывает реакцию не только со стороны общественного мнения, но и со стороны государства, прилагающего свои силы на защиту того или другого закона, исходящего от общественной власти.

Итак, право наказания, принадлежащее государству на основе общественного договора, так же неоспоримо, как и право нака-

зания главы семейства, с тем только различием, что у первого оно не может иметь ту же цель, что у последнего¹.

В руках государства наказание становится средством охраны общественного порядка и предупреждения преступлений путем принуждения и устрашения. При этом следует особо подчеркнуть, что речь не идет о предоставлении государству права мстить нарушителю за его деяния, а о том, что наказание представляет собой такую же нравственную необходимость.

Именно чувство справедливого возмездия (не мести) требует существования и применения уголовного наказания, без которого не может существовать само государство. Вот почему наказание правомерно и справедливо. Ради устранения самосуда, беспредела, мести общество в лице государства берет на себя обязанность наказывать преступника, ибо этого требует человек, который претерпел зло, стал объектом насилия, оскорбления, лишился имущества и т. д. Наконец, чтобы убедиться в том, нужно наказание или нет, полезно оно или бесполезно в современном обществе, достаточно представить себе, что произойдет на другой день, после объявления об отмене уголовного наказания за преступное поведение.

Таким образом, по словам И.Я. Фойницкого, «право наказания принадлежит единственно и исключительно государству как субъекту»². Что касается Божественного права наказания, то оно может применяться в пределах Божественных писаний — Законов.

Мы не ставили перед собой цель подробно рассматривать существующие в литературе теории относительно права государства наказывать. Однако считаем необходимым отметить, что, по данным Н.Д. Сергиевского, начиная с Гуго Гроция насчитывается до 24 философских систем и около 100 отдельных теорий различных юристов, примыкавших к тому или иному направлению³. В их числе есть также школы философов и правоведов, которые абсо-

¹ См.: Там же.

² Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. С. 302.

³ См.: Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1890. С. 77.

лютно отвергают право наказывать, так как отрицают существование объекта этого права, то есть нравственного зла.

Представители другого направления, в частности Спасович, признаком отрицания права наказывать признают отрицание свободы воли и включают в эту группу всех детерминистов с теологами и материалистами.

Существует также школа, которая, не отрицая права наказания, не признает того, чтобы этим правом могло пользоваться общество и вообще какая-нибудь человеческая власть. Из этого делается вывод о том, что право наказания — область врачебного искусства. Поэтому преступников никто не имеет право наказывать, их следует лечить с помощью различных инструментов, упражнениями, которые мало-помалу возвратят больному органу недостающие ему силы и здоровье или исправят неправильность его формы, извращенной по капризу природы. Но существуют ли для этого лекарства? Места тюрем заменят особенного рода госпитали, а правосудие и уголовное законодательство будут низвергнуты с престола в пользу новой терапевтической и гигиенической системы.

§ 4. БУДУЩЕЕ НАКАЗАНИЯ

I. Наказание и некарательное воздействие. В последнее время на Западе получила распространение идея о переходе от карательной юстиции к восстановительному правосудию, то есть к некарательному наказанию. В свое время П. Сорокин писал: «Мы не беремся пророчествовать, но поскольку история показывает постепенное и все ускоряющееся вымирание карательных актов и улучшение социальной психики и поведения человека, постольку нет никаких оснований утверждать, что это и впредь не будет совершаться. А раз это так, то, очевидно, пределом эволюции, к которому стремится переменная кар, может быть лишь *нуль*, то есть исчезновение кар»¹.

¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 374.

На самом деле история наказания свидетельствует о тенденции его постепенного смягчения. Кровавая месть заменяется законом талиона, то есть установлением равенства между преступлением и наказанием. Далее вводится система денежного выкупа. Сегодня заканчивается процесс отмены смертной казни и т. д. И это совершенно нормальное явление, ибо с ростом культуры нужны и менее жестокие способы воздействия на людей. Однако изменяется не сущность наказания, которая заключается в справедливом воздаянии, а содержание, то есть карательный характер воздействия. Что означает некарательное воздействие? Это практически уничтожение карательного содержания наказания, то есть отказ от страданий, которые причиняются наказанием человеку, совершившему преступление.

В Норвегии в г. Осло перед одними и теми же студентами читали лекции два видных ученых-криминолога. По утрам член норвежской Академии наук и Шведской королевской академии наук Н. Кристи говорил слушателям: «Я лично полагал бы, что сейчас настало время, когда нужно остановить дальнейшее продвижение теории общего предупреждения, а также воспрепятствовать дальнейшему усилению влияния идей неоклассицизма, по крайней мере, у нас, в Скандинавии»¹.

На вопрос студента: «Почему Вы так считаете?» — Н. Кристи утвердительно ответил: «Я не вижу серьезных оснований для того, чтобы считать нынешний уровень причинения боли вполне справедливым и естественным, поскольку вопрос этот весьма важен и я должен сделать выбор; я не вижу иной позиции, которую можно было бы отстаивать, кроме как борьба за уменьшение боли»².

Слушатели поняли, что академик — не утопист, ибо он во все не отказывается от уголовного наказания. Речь идет о минимизации боли в возможной степени, так как одна из основных предпосылок, из которых он исходит, состоит в том, что борьба

¹ Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб., 2011. С. 47.

² Там же. С. 20.

за уменьшение на земле боли, причиняемой людьми, — справедливое дело¹.

Что же предлагает Кристи?

Первое: осознать суть наказания, которое он определяет как причинение «боли», страданий, ограничений, лишений и т. д.

Второе: решить вопрос о пределах причинения этой боли, для чего следует вместо наказания создать самодеятельные общины.

Хотя лектор в открытой форме и не заявляет о своей симпатии к теории некарательного воздействия, тем не менее студенты это улавливают. Высказывание Н. Кристи, действительно, привлекает многих своим гуманизмом, ибо наказание, назначаемое и исполняемое, представляет собой сознательное целенаправленное причинение боли, которая, по его мнению, «останавливает или тормозит духовный рост человека, делает его злым»².

Лекция, как правило, завершалась прекрасными словами: «Одно из правил, которому нужно было бы следовать, таково: если есть сомнения, то нельзя причинять боль. Другое правило должно состоять в том, чтобы причинять как можно меньше боли. *Ищите альтернативу наказанию, а не альтернативное наказание*»³.

Как видим, Кристи, в принципе, отказывается от наказания, ибо сомневается в справедливом воздаянии из-за невозможности точного определения соответствия тяжести совершенного преступления и наказания. Поэтому он осторожно относится к безоговорочному признанию правильного возврата к концепции общего предупреждения. В то же время взамен наказания он ничего конкретного не предлагает. Главное, чтобы было как можно меньше «боли».

Совершенно очевидно, что Н. Кристи усматривает суть наказания в причинении боли преступнику, то есть в страдании, лишении и т. д. А это означает, что уменьшение боли свидетельствует об изменчивости сущности наказания, в то время как сущность явления неизменчива. А вот содержание наказания, то есть кара-

¹ Там же.

² Там же.

³ Кристи Н. Указ. соч. С. 21.

тельная его сторона, изменчива, о чем свидетельствует история учения о наказании. Н. Кристи пишет: «Моя позиция... кратко сводится к тому, что социальные системы должны строиться таким образом, чтобы свести к минимуму ощутимую потребность в причинении боли с целью социального контроля. Неизбежна скорбь, а не ад, создаваемый людьми»¹. Но как этого добиться? Где граница этой боли? Некарательное воздействие сравнивается с соматической медициной и воспринимается как благо. Лечение, а соответственно, и некарательное воздействие в системе уголовной юстиции имеют целью улучшить состояние здоровья человека. Есть одна благородная цель — вернуть человеку социальное здоровье, излечить его от преступления². Некарательное воздействие как «лечение от преступления» утратило доверие, хотя некарательное воздействие как оказание помощи доказало свою состоятельность. В этом признается сам Н. Кристи. В то же время он глубоко убежден, что «государство всеобщего благоденствия сможет в будущем, не прибегая к использованию тюрем, оказывать более эффективную помощь тем, кто создает трудности и причиняет беспокойство общине»³.

Теория некарательного воздействия, по сути, есть отрицание наказания как устрашения, то есть она направлена только на личность преступника, а не на потенциальных преступников. С другой стороны, эта теория ведет к скрытому наказанию, к тайному причинению боли под видом предлагаемого лечения. Причинение боли могло допускаться теорией некарательного воздействия, но лишь как звено в цепи событий, которые в перспективе должны были улучшить участь страдающего. Как практически перейти к этой теории? Отказаться от тюрем, мест лишения свободы и других страданий или же до минимума уменьшить боль от этих страданий, ограничений и т. д. Как же тогда добиться устрашения, предупреждения других от совершения преступлений?

¹ Там же.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 130.

Н. Кристи отмечает: «Дискуссия по вопросам общего предупреждения — это обсуждение не того, как непосредственно воздействует боль, а, главным образом, того, как влияет на А тот факт, что Б подвергся наказанию»¹. Совершенно очевидно, что наказание — это намеренное причинение страданий и лишений, а не средство лечения их от болезней. И боль причиняется в качестве воздаяния за совершенное, а также в интересах других людей. Иное дело — регулирование причинения боли, которое становится более важным вопросом и должно находиться в центре внимания общественности и науки.

О важности и целесообразности наказания в предотвращении преступных проявлений говорил еще Платон в «Законах»: «Если законодатель заметит, что человек тут неисцелим, он назначит ему наказание и установит другой закон. Законодатель сознает, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; тем самым они принесли бы двойную пользу всем остальным людям: они послужили бы примером для других в том смысле, что не следует поступать несправедливо, и к тому же избавили бы государство от присутствия дурных людей»². В «Дхармашастре Наряды» говорится: «Ведь никто не остается на верном пути, если нет наказания»³. А в Законах Ману наказанию уделено особое внимание и подчеркнута его исключительная роль: «Наказание правит всеми людьми, наказание же охраняет, наказание бодрствует, когда все спят; мудрые объявили наказание воплощением дхармы... Если бы царь не налагал неустанно наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле»⁴.

¹ Там же. С. 36.

² См.: Платон. Законы. С. 350.

³ См.: Дхармашастра Наряды / Пер. с комм. А.А. Вигасина, А.М. Самозванцева. М., 1998. С. 62.

⁴ Законы Ману (VII. 18, 20) // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 1. М., 1999. С. 105.

Во второй половине дня в той же самой аудитории и перед теми же слушателями читал лекции о достоинствах и необходимости теории общего предупреждения И. Анденес — видный ученый в той же области права, что и Н. Кристи, президент норвежской Академии наук. Лектор начинает с того, что идея некарательного воздействия на преступника вместо применения к нему наказания была благородной мыслью, оказавшей сильное влияние на законодателей многих стран мира. «Однако в долгой истории преступлений и наказаний преобладание концепции некарательного воздействия представляется в виде интермедии длительностью менее ста лет. Это не значит, что попытки исправления преступника должны быть оставлены, однако они должны предприниматься в рамках справедливого наказания. Исходная цель наказания — не изменение личности преступника, а утверждение социальных норм. А это значит — общее предупреждение»¹.

На вопрос студентки: «Что Вы понимаете под понятием “общее предупреждение”?» — И. Анденес отвечает: «Способность уголовного закона и его применения обеспечивать законопослушное поведение граждан»². Поэтому простейший способ сделать людей более законопослушными — увеличить наказание. Когда законодатели и суды пытаются сдерживать заметный рост коэффициента преступности, они, обыкновенно, усиливают суровость наказания³.

Возможно, в это же время студенты юридического факультета Санкт-Петербургского университета слушали лекцию профессора Д.А. Шестакова по этой же проблеме, где он подчеркивал, что к концу XX в. стал критически оцениваться институт уголовного наказания как инструмент регулирования массового человеческого поведения. Поэтому криминология XXI в. должна обратить внимание на перспективность некарательных санкций, включив их в контекст индивидуальной профилактики преступлений⁴.

¹ *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений. С. 18.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 261.

⁴ См.: Криминология XX век. СПб., 2000. С. 5, 12.

Итак, будущее наказание видится для науки уголовного права и криминологии в двух направлениях: переход от уголовного наказания к некарательному воздействию или совершенствование самого наказания как средства предупреждения преступлений в современных условиях.

Некарательное воздействие. Факт малоэффективности уголовного наказания поставил под сомнение его будущее в борьбе с преступностью, начиная с Ч. Ломброзо, который, опираясь на антропологию, уголовную статистику, уголовное право и тюремноеведение, предложил отказаться от наказания как средства бесполезного и заменить его другими мерами. Что же предлагается взамен устрашения, наказания?

Доктрина уголовно-антропологической школы, признающая биологические свойства преступности, предлагала заменить уголовное наказание «мерами безопасности», а уголовно-социологическое направление — «мерами социальной защиты». Такая замена сводилась к поиску универсального средства преодоления преступности как социально-психологического явления посредством психолого-медицинского и социального влияния на сознание преступника. Так, А. Принс попытался теоретически обосновать необходимость замены уголовного наказания мерами социальной защиты, которые, по его убеждению, имеют принципиальную особенность.

В связи с тем, что в настоящее время в теории уголовного наказания все чаще и настойчивее напоминает об идее социальной защиты, появляется необходимость и практическая потребность в проведении разграничения между институтом наказания и мерами социальной защиты. Как известно, понятие мер социальной защиты имеет давнее происхождение. Однако до настоящего времени окончательно не установлены ни сущность их отношений к наказанию, ни их объем. Существующие в литературе взгляды относительно природы мер социальной защиты можно свести к двум направлениям: признание принципиального различия между наказанием и мерами социальной защиты или отрицание его. Рассматривая внешнее выражение этого института и выясняя его внутреннее содержание, мы обнаруживаем, что меры социаль-

ной защиты — совершенно самостоятельный институт, занимающий особое место среди прочих форм преступности. В отличие от наказания применение мер социальной защиты вызывается не потребностью дать оценку уже совершенному преступлению, а исключительно потребностью предотвратить возможность совершения преступления со стороны того лица, против которого они применяются. Из этого следует, что этому институту присущ исключительно превентивный характер. Поэтому можно утверждать, что понятие наказания — более узкое понятие в том смысле, что меры социальной защиты представляют собой широкий круг возможностей для достижения поставленной цели.

С.К. Гогель отождествлял наказание с репрессией, источником которой, несомненно, является месть. Он пишет: «С зарождением и развитием государства в современном смысле слова месть в виде репрессии перешла в руки государственной власти... Репрессия, выполнение коей было в обязанности государства, оказалась совершенно бессильна в борьбе с преступностью и мало-помалу была признана, хотя и не окончательно, негодной в борьбе с преступностью»¹.

Представляется ошибочным и с юридической, и с социально-политической точек зрения ставить знак равенства между репрессией и наказанием. Репрессия — это исключительно политическое мероприятие со стороны государства и к правосудию прямого отношения не имеет. В то же время даже самые жестокие уголовные наказания, применяемые в борьбе с преступностью, не могут быть названы репрессивными, если нет политических целей.

Таким образом, отрицая наказание, Гогель предлагает переход от репрессии к превенции. «В пользу возможности такого перехода — и, притом, полного — от репрессии к превенции говорят следующие соображения. Совершение преступления в большинстве случаев является не случайностью в жизни отдельного человека, а результатом, завершением медленного и последователь-

¹ Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М., 2010. С. 142.

ного процесса экономического, физического и нравственного ослабления»¹.

В том же духе выступал в свое время Д. Дриль. Он писал: «Результаты тщательного изучения явлений живой действительности громко возражают против применения в борьбе с породившимся уже преступником завещанных нам от седой старины мер репрессий, рассчитанных на причинение боли и страданий»².

Как видим, особой разницы между концепцией социальной защиты и превенцией не существует, ибо в обоих случаях речь идет о предупреждении преступности не средствами наказания, а некарательными воздействиями на причины и источник преступности. Последователи концепции социальной защиты по инициативе итальянского адвоката Ф. Грамматика в 1945 г. в Генуе основали Центр социальной защиты, а француз М. Ансель организовал течение «новой социальной защиты». Идеи Ф. Грамматика представляют собой новый, современный вариант итальянской позитивистской школы, получившей развитие в работах Р. Гарофало и Э. Ферри. Ф. Грамматика отрицал право государства наказывать преступников, а М. Ансель исходил из того, что в отношении преступников следует применять лишь гуманные меры воздействия с целью их исправления и перевоспитания.

Таким образом, сторонники нового движения социальной защиты признают концепцию социологов о социальной защите и соглашаются с их отказом от классического понимания наказания как ответственности за вину. Между тем, в отличие от сторонников социологической школы, представители нового направления пытаются найти равновесие между обществом и личностью, обвиняя классиков и неоклассиков в том, что они наказание считают единственно возможным и справедливым видом реакции со стороны государства. А.А. Пионтковский решительно опровергал теорию «новой социальной защиты», усматривая в

¹ Там же. С. 139.

² Дриль Д. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. С. 158.

ней чрезмерную субъективизацию и психологизацию института наказания¹.

Сегодня некоторые авторы полагают, что «криминология XXI в. должна обратить внимание на перспективность некарательных санкций, включив их в контекст индивидуальной профилактики преступлений»². Что же такое некарательное воздействие, ссылки на которое в последнее время стали очень модными в науке уголовного права и криминологии?

Для некоторых оно означает, в целях восстановления личности правонарушителя, вместо карательных методов, привлечение психиатров, медиков и других специалистов. Другие предлагают включить для этого также методы, используемые в процессе исполнения наказания в местах лишения свободы. Наиболее радикальные реформаторы исходят из того, что система некарательного воздействия была основана на принципах восстановления личности, если, конечно, это возможно. В противном случае личность необходимо изолировать до тех пор, пока она не восстановится, чтобы лишить ее возможности совершать новое преступление. Это означает, что людей, виновных в одинаковых преступлениях, следует приговаривать к различным мерам воздействия во имя их реабилитации, наказывать не за деяние, а в связи с условиями его совершения.

Иначе говоря, идея наказывать не за деяние, а в связи с условиями его совершения, варьируя меры наказания в соответствии с предполагаемыми опасными свойствами личности преступника, в конечном счете вызвала к жизни теорию и практику некарательного воздействия. Эта система основана исключительно на принципах восстановления личности преступника или, если это невозможно, его изоляции до тех пор, пока это необходимо, чтобы лишить его возможности вновь совершить преступление. Для этого некоторыми представителями этой теории предлагается

¹ Пионтковский А.А. О теории «новой социальной защиты» в уголовном праве // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 14.

² Криминология XX век. С. 12.

привлекать психиатров, психологов с целью восстановления психики лица, совершившего преступление.

На самом деле, некарательное воздействие на преступника и меры по восстановлению его личности, по сравнению с уголовным наказанием, имеющим долгую, а нередко и «мрачную» историю, выглядит просвещенным, гуманным и современным. Именно поэтому задачу будущего некоторые ученые и специалисты видят именно в замене наказания мерами воздействия без элементов кары.

Поэтому некарательное воздействие воспринимается как мероприятие благородное, гуманное, ибо оно преследует одну цель — вернуть человеку социальное здоровье, излечить его от преступления. Однако, чтобы лечить, надо знать причину болезни. Как известно, и по сегодняшний день причина преступного поведения человека точно еще не определена. Кроме того, если даже эта причина кроется в самом человеке, помимо внешних условий, то тогда необходимо уточнить конкретный источник, скрывающийся в сложном биологическом организме. Но возможно ли это? Сегодня наука не в состоянии дать положительный ответ на этот вопрос.

Идея некарательного воздействия имеет еще одно преимущество. Дело в том, что не только теоретически, но и практически предупреждение преступности посредством уголовного наказания более сложный процесс, с точки зрения определения его эффективности, чем некарательное воздействие, ибо речь идет в данном случае о четко определенном объекте.

Сторонники некарательного воздействия, как правило, рассуждают таким образом: опыт учит нас, что наказание оказывает на преступника как раз противоположное действие, так как ему свойственна тенденция деморализовать осужденного. И оно часто переводит его в класс социально отверженных. Возможно, процесс исполнения наказания, на самом деле, оказывает на определенную часть осужденных отрицательное влияние, что в итоге приводит к рецидиву. Однако положительная роль наказания заключается в том, чтобы другие не совершали преступлений, то есть в предупреждении посредством устрашительно-предупредительного воздействия.

Представляется, что предпринимаемые лучшими намерениями попытки заменить наказание совокупностью мер некарательного воздействия могут порождать неопределенность и произвол. Следует также помнить, что и с этической стороны концепция некарательного воздействия порывает со сложившимися тысячелетиями понятиями о справедливости, мере добра и зла, соразмерности вины и ответственности и т. д.¹

Один из ярких современных представителей этой теории Н. Кристи отмечает, что «теория некарательного воздействия весьма успешно снимала вопросы ценностного характера. Основанное на аналогии с соматической медициной, некарательное воздействие воспринималось как очевидное благо. Лечение, а соответственно и некарательное воздействие, в системе уголовной юстиции имело цель улучшить состояние здоровья клиента. Поэтому было неуместно спрашивать, причиняет ли некарательное воздействие страдание»².

К.А. Сыч справедливо замечает: «Концепция некарательного воздействия являет собой, на наш взгляд, пример продолжения развития позитивистских идей в виде учения о “прирожденном преступном типе” (Ч. Ломброзо) концепции “опасного состояния” и “преступника — больного человека”, подлежащего лечению (Э. Ферри, Р. Гарофало)»³.

Таким образом, суть теории социальной защиты, концепции превенции и идеи некарательного воздействия, за исключением некоторых принципиальных отличий, заключается, как мы усмотрели, в отрицании или же в недоверии наказанию как средству борьбы с преступностью. Представляется, что речь может идти не о замене наказания какими-то другими мерами, а об усовершенствовании его эффективности, а также о параллельном существовании различных мер борьбы с преступностью. Без сомнения, теоретически не исключается, что наступит «время, ког-

¹ Никифоров Б.С. Вступительная статья к книге И. Анденеса «Наказание и предупреждение преступлений». С. 9.

² Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 45.

³ Сыч К.А. Указ. соч. С. 60.

да кара наказания утратит интенсивность в такой мере, что потребуются вводить новую терминологию»¹.

Однако, отказавшись от устрашения, причинения зла, страдания, логически следовало бы отказаться от самого наказания, которое в настоящее время не представляется явлением позорящим, наоборот, оно признается неизбежным и необходимым последствием известной профессии.

Говоря о наказании, очень часто выдвигаются абсолютно нормальные и естественные аргументы: человечество перепробовало все средства репрессии, включая квалифицированные виды смертной казни и изощренные пытки, однако ни преступность, ни иные формы девиантного поведения почему-то не исчезли. Ведь когда мы говорим о наказании как средстве борьбы с преступностью, речь идет не о каких-то чудесах, об искоренении преступности, а, главным образом, о приостановлении ее дальнейшего роста. Следует также учитывать, что иногда достижение поставленной цели зависит не только от того, правильно ли она поставлена, но и во многом от эффективности использования имеющихся в нашем распоряжении средств достижения. Может быть, на самом деле, наказание по своим объективным возможностям — весьма полезное средство, однако мы не умеем им пользоваться в максимальной степени. Мы согласны с мнением С.К. Гогеля, который в свое время подчеркивал: «Наказания исключаются законодателем из лестницы наказаний тогда, когда они более совершенно не соответствуют взглядам и нравам общества вследствие происшедшего смягчения этих нравов, не допускающих более совершения жестокостей и насилий ни в частной, а тем более, в общественной жизни»².

Теперь хотелось бы задать вопрос: соответствует ли уровень нашей морали и нравственности и вообще нашего развития в широком смысле слова тому, чтобы отказаться от наказания и заменить его некарательными воздействиями? Одно время в науке уголовного права советского периода существовало направление,

¹ Криминология XX век. С. 225.

² Гогель С.К. Указ. соч. С. 129.

которое считало, что уголовно-правовая политика идет по пути сужения сферы применения уголовного наказания за счет мер общественного воздействия и воспитания. Так, И.И. Карпец писал: «В соответствии с совершенствованием общественных отношений, с ростом сознательности людей будет отпадать надобность в различных формах государственного принуждения. Наказание будет все более вбирать в себя черты не столько карательной меры, сколько воспитательной»¹.

Некоторые авторы указывали, что развитие процесса замены наказания мерами общественного воздействия включает в себя в качестве предпосылки их постепенное смягчение, что рост культурного уровня трудящихся приводит не только к снижению преступности, к процессу замены мер наказания воспитательными мерами, но и к тому, что происходит смягчение самих мер, потому что более строгие меры во все большем числе случаев уже не нужны².

По словам Н.А. Беляева, «основным путем замены наказания мерами общественного воздействия и воспитания является сокращение круга уголовно наказуемых деяний и сокращение преступности»³.

Понятие «меры общественного воздействия и воспитания» по своей сути тождественно понятиям «меры социальной защиты», «некарательное воздействие». Как известно, термин «социальная защита» возник раньше, а позднее начали использовать понятие «некарательные меры». Что касается мер общественного воздействия и воспитания, то этот термин был в моде в советский период, и, как правило, использовался в идеологических и политических целях.

Сторонники постепенной замены уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания, ошибочно, на наш взгляд, полагают возможным существование наказаний, во-

¹ Карпец И.И. Социальные и правовые аспекты учения о наказании // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 68.

² См.: Ной И. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.

³ Беляев Н.А. Избранные труды. СПб., 2003. С. 76.

обще лишенных карательных элементов, что принципиально невозможно, ибо наказание — это, прежде всего, наличие в его содержании элементов кары. Поэтому полагать, что наказание вообще должно быть лишено элементов, причиняющих физические страдания или унижения, абсурдно. С.П. Мокринский писал: «Как факт чувствительной жизни, уголовное наказание является актом принуждения к страданию. С момента, когда государство перестает реагировать на определенные факты посредством причинения страдания, должно будет исчезнуть из юридического лексикона и само это исторически сложившееся понятие»¹.

Представляется, что изменение содержания наказаний путем постепенного сведения к нулю всех карательных его элементов есть мероприятие, практически несостоятельное и даже в современных условиях вредное, что подтверждается также состоянием, структурой и динамикой преступности. Речь может идти не о постепенной замене уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания, а о параллельном существовании мер некарательного характера с уголовным наказанием, что вытекает из принципиального взгляда на исторические судьбы государства и права, на роль и место принуждения и убеждения в обществе. При этом следует особо подчеркнуть, что широкое применение мер общественного воздействия вместо наказания сегодня, без всесторонней и глубокой предварительной подготовки к этому, может привести к нежелательным последствиям.

Существенную роль в развитии научной мысли в этом направлении должны сыграть пересмотр длительного срока наказания в виде лишения свободы, а также коренное изменение содержания исполнения наказания. Поэтому мы не можем согласиться с позицией, утверждающей, что «социальные системы должны строиться таким образом, чтобы свести к минимуму ощутимую потребность причинения боли с целью социального контроля»².

Такой подход является отрицанием общепредупредительного воздействия уголовного наказания, которое, как известно, играет

¹ Мокринский С.П. Наказание, его цели и предложения. С. 3.

² Кристи Н. Указ. соч. С. 12.

существенную роль в предупреждении преступности. Без страдания, боли, лишений, являющихся элементами содержания наказания, вряд ли возможно воздействовать на поведение людей в социально полезном плане. Речь может идти только об ограничении этих карательных свойств наказания для лиц, совершивших незначительные преступления. Однако в ближайшей перспективе исключаются возможность ограничения роли наказаний в предупреждении преступности и усиление внимания к другим мерам воздействия, прежде всего, к тем, которые способны оказывать воздействие на личность не только непосредственно, но и через изменения социально-экономических, культурных и т. п. условий, в которых она живет и формируется.

Таким образом, хотелось бы напомнить тем, кто утверждает, что сейчас настало время, когда нужно остановить дальнейшее продвижение теории устрашения: теория удержания полностью приемлема, если речь идет о выборе между двумя крайностями — все или ничего. Если не принимать никаких мер к правонарушениям, если их не устрашать, то это, повторяем, несомненно, приведет к росту общего уровня преступности.

Нельзя забывать, что в настоящее время способность эффективно противостоять преступности уже не частная проблема, а проблема выживания общества в целом. Сегодня нет необходимости доказывать, что положительных результатов в сдерживании преступности можно достичь не только с помощью рациональной социальной политики, но и оказывая воздействие на личность преступника.

Поэтому социальный контроль над преступностью включает борьбу посредством наказания и профилактики. В связи с этим хотелось бы сделать еще одно очень важное уточнение. Когда мы говорим об устрашении, речь не идет о применении мер жестокости, а имеется в виду воздействие на определенную неустойчивую часть населения посредством целесообразного наказания с целью помочь приспособиться к условиям жизни в обществе. Тем не менее можно было бы с большой радостью принять некарательное воздействие и отказаться от наказания, если была бы хоть какая-нибудь уверенность в том, что после этого преступность начнет

постепенно уменьшаться. А раз такой уверенности нет, то следует уголовное наказание рассматривать в качестве предупреждения преступлений и в недалеком будущем. Правда в том, что показатели фактической преступности говорят о малой эффективности предупредительного воздействия наказания, но в то же время они не дают ответа на вопрос о количестве людей, не совершивших преступлений вследствие именно этой угрозы.

Основываясь на этом, законодатель не задумывается над тем, применять или нет наказание, хотя ему известно, что угроза наказания не действует на всех исключительно. Поэтому вычленив страх наказания, устрашения из всей совокупности обстоятельств, по причине которой человек отказался от совершения преступления, и определить точно, какую долю эта угроза занимает в общем массиве причин, — практически невозможно.

Влияние уголовного наказания не поддается численному определению. Оно действует незаметно. Реальность заключается в том, что для современного законодателя мотив предупреждения является главным при определении уголовных наказаний. Значит, не подлежит сомнению, что устрашительно-предупредительное действие наказания возрастает в отношении определенных категорий преступлений. Из опыта борьбы с преступностью в советский период можно привести факты, когда, действительно, вследствие ужесточения наказания за конкретный вид преступления (за хулиганство, взяточничество, хищение государственного и общественного имущества и т. д.) наблюдалось резкое снижение ее уровня. Однако представляется совершенно недопустимым делать выводы о влиянии наказания на преступность с учетом жестокости репрессии и динамики судимости. На практике не может быть такого положения, чтобы уровень преступности колебался лишь под влиянием жесткости наказания. Обязательно требуется многофакторный анализ воздействующих на преступность обстоятельств в конкретных условиях.

Итак, рассуждая о будущем уголовного наказания и возможности его замены мерами некарательного воздействия, мы придерживаем позицию И. Анденеса, который сказал: «Я выбираю уголовное право, которое имеет открытый и прямой карательный

характер и не пытается спрятаться за великодушной риторикой об исправлении и восстановлении личности, то есть уголовное право, основанное, главным образом, на общем удержании и соображениях справедливости, и предсказываю, что ему принадлежит будущее»¹.

Вот почему мы должны не о «кризисе наказания» говорить и спорить, а глубоко изучить и понять механизм воздействия угрозы наказания на человека. Можно ли открыть то, что прежде не было известно, или же восстановить позитивную истину и подкрепить ее новыми доказательствами?

Американские криминологи утверждают, что «в конечном счете не так важно, действует наказание или нет, потому что оно выходит из употребления...»² Почему? Потому что, как они полагают, наказание становится все менее совместимым с господствующей моралью. «И можно представить время, когда кара наказания утратит интенсивность в такой мере, что потребуются вводить новую терминологию»³.

В России уже был такой период, когда наказание именовалось мерами социальной защиты. Однако реакция государства на преступления не изменилась, а осталась тем же воздаянием. Датский УК 1954 г. отказался от термина «наказание» для Гренландии и заменил его термином «мера». Предложение отказаться от термина «наказание» серьезно обсуждалось после второй мировой войны в Швеции, тем не менее новый УК 1962 г. сохранил термин «наказание». Представляется, что такие мнения относительно наказания на Западе выражают существенные изменения моральных оценок, а в странах постсоветского пространства связаны с демократическими преобразованиями.

Несомненно, ныне национальные законодательства о реагировании на преступность нуждаются в подлинной реформе, соизмеренной по глубине с реформами конца XVIII — начала XIX сто-

¹ *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений. С. 261.

² *Bittner and Platt.* The meaning of Punishment // *Issues in Criminology.* 1966. Vol. 2. P. 79.

³ *Криминология XX век.* С. 225.

летия, когда человечество освободилось от членовредительских наказаний и квалифицированных видов смертной казни¹.

Однако попытки изобрести новый термин взамен «наказания» ничего не изменят, и не могут быть признаны сколь-либо серьезными. В связи с этим И. Анденес замечает: «Я не думаю, что произойдут большие изменения, если прогрессивно настроенная законодательная власть решит заменить термин “наказание” термином, звучащим более нейтрально, например, “санкция” или “социальная мера”»².

Что изменится, если мы сейчас согласимся с Н. Кристи и вместо понятия «наказание» используем в УК термин «причинение боли»? Ровным счетом ничего, ибо сущность реакции общества на преступление останется неизменной. Другое дело, если мы постараемся подвергнуть тщательному исследованию полезность роли наказания в предупреждении преступлений и построить обновленную концепцию наказания, с учетом социально-экономических, этико-религиозных, национальных особенностей того или иного народа. Ясно одно: все очевиднее становится факт малоэффективности уголовного наказания в борьбе с преступлениями.

Таким образом, отказ от термина «наказание» и замена его каким-либо другим, более гуманным, демократическим, современным названием ничего не меняет по существу. Об этом свидетельствует история учения о наказании. Поэтому будущее наказания связано не с изменением его названия, а со многими факторами как объективного, так и субъективного характера. Надо исходить из того, что будущее наказания нельзя определять вне контекста причин преступления. До тех пор, пока мы не сможем ответить на вопрос о причинах преступного поведения человека, вряд ли может идти речь относительно кардинальных изменений в карательной сущности наказания.

Некарательное воздействие на преступников займет место уголовного наказания только в том случае, если будет доказано, что человек совершает преступление не по своей воле, а в силу не за-

¹ Шестаков Д.А. Введение // Криминология XX век. С. 12.

² Анденес И. Указ. соч. С. 260.

висящих от него причин, и что эти причины могут быть устранены без карательного воздействия. Будущее наказания, в плане степени его карательной сущности, будет зависеть напрямую от характера, динамики и уровня преступности в целом по стране. А это приведет к появлению новых альтернативных видов наказания вследствие появления неизвестных нам сейчас преступных деяний. Процент осужденных к лишению свободы останется почти на сегодняшнем уровне, исходя из уровня и характера преступности.

Будущее наказания связано с расширением судебного усмотрения, ибо будут увеличены границы низшего и верхнего пределов, а также с появлением новых альтернативных наказаний. Краткосрочные виды наказаний со временем выйдут из «моды» и будут заменены крупными штрафными санкциями. Некоторые страны вновь вернуться к смертной казни из-за увеличения тяжких и особо тяжких преступлений.

Будущее наказания непосредственно связано также с определением уровня его эффективности. Если будет доказано, что наказание практически не дает того результата, которого ждет от него общество, то существуют серьезные основания от него отказаться и найти другие меры воздействия на преступное поведение, в том числе и некарательного характера. Однако если мы убедимся, что наказание приносит какую-то пользу, то следует искать пути его совершенствования. В принципе, будущее наказания не исключает применения, наряду с наказанием, также методов некарательного воздействия для определенных категорий преступлений и преступников.

II. Будущее смертной казни. Сегодня почти во всех странах, как сохранивших смертную казнь, так и отказавшихся от нее, время от времени вспыхивает острая полемика. Это касается европейских стран, Соединенных Штатов Америки, государств постсоветского пространства. Так, например, в английский парламент, после окончательной отмены смертной казни в 1969 г., 18 раз вносились предложения о ее восстановлении.

В свое время А. Бернер писал: «В последние десять лет почти везде, где удерживалась смертная казнь, торжественно объявляли,

что настанет время для полного ее уничтожения»¹. Эта мера наказания, как известно, существует и реально исполняется во многих странах мира, хотя противников смертной казни значительно больше и их аргументы имеют достаточную силу. В частности, многие ученые, выступающие против смертной казни, так же как и Беккариа, стараются в основание своих позиций приводить доказательства из жизни, истории тех или иных народов: так, в доказательство бесполезности смертной казни они указывают на то, что она не делает людей лучшими и не устрашает преступников, что преступность от существования смертной казни не уменьшается. Так, например, А. Бернер замечает: «Кровавое зрелище частных казней совершенно деморализует нравы народа: оно развивает в нем грубость, заглушает человеческое сострадание, возбуждает жестокость и кровожадность»². Даже Нерон — подлинное воплощение человеческой жестокости, — когда ему дали подписать, как полагалось, смертный приговор одному преступнику, воскликнул: «Как бы я хотел не уметь писать!» — так сжалось у него сердце при мысли осудить человека на смерть. Иногда противники смертной казни ссылаются на высказывание Т. Мора о том, что человеческую жизнь нельзя сравнивать со всеми богатствами мира. Однако Т. Мор имел в виду ненужность смертной казни в отношении экономических преступлений. Он писал: «По моему мнению, совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег. Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира. А если мне говорят, что это наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов, то почему тогда не назвать с полным основанием это высшее право высшей несправедливостью. Бог запретил убивать кого бы то ни было, а мы так легко убиваем за отнятие ничтожной суммы денег»³.

Аргументация в пользу отмены смертной казни часто увязывается с тем, что смертная казнь произошла из обычаев кровной

¹ Бернер А. О смертной казни. С. 90–91.

² Там же. С. 30.

³ Мор Т. Утопия. М.; Л., 1958. С. 68.

мести. Так, С.В. Жильцов полагает, что «объективной основой смертной казни как уголовного наказания является возмездие за убийство, принцип талиона: равное за равное. Ни за какие другие преступления объективно смертная казнь назначаться не может»¹.

Такой подход представляется ошибочным, хотя в науке имеет место мнение о том, что существует факт генетической связи наказания в виде смертной казни с обычаем кровной мести, которая характеризуется такими признаками, которые не присущи и не могут быть характерны для смертной казни. Кровная месть считалась моральным долгом, невыполнение которого влекло позор и признание недостойными предков. Поэтому, в отличие от смертной казни как возмездия, кровная месть преследует цель поддержания авторитета рода, племени, семьи.

В.В. Есипов правильно полагал, что смертная казнь не может быть выведена из кровной мести, поскольку последняя «естественно выродилась в систему композиций, которая просуществовала довольно долго еще до введения смертной казни»².

Отличие мести от смертной казни заключается не только в том, что одна совершается по воле частного лица, а другая — по воле государства, а в том, что при кровной мести субъект получает удовольствие от совершенного деяния, он и совершает его именно ради удовлетворения чувства удовольствия и справедливости и своего, и своих родственников, племени, рода и т. д. При смертной казни этот компонент отсутствует. Однако речь может идти лишь об удовлетворении чувства справедливости членов общества, в том числе и близких потерпевшего.

Кроме того, кровная месть не предусматривала обязательной соразмерности между вредом и мезтью. За обиды можно было даже откупиться. Если объектом смертной казни выступал непосредственно сам преступник, то объектом мести мог быть не только сам обидчик, но и любой другой член данного рода, племени,

¹ Жильцов С.В. Указ. соч. С. 7.

² Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. Варшава, 1903. С. 42.

семьи и т. д. Таким образом, источником кровной мести являются обычаи и нравы того или иного народа, а смертной казни — охрана общественных и частных интересов.

Основной аргумент сторонников немедленной отмены смертной казни всегда сводился к тому, что это наказание не имеет предупредительного значения. Самым сильным доводом против этого наказания Г.Д. Тард считает не соображения его бесполезности для общества, а то моральное и эстетическое отвращение, которое оно вызывает: «Я долго пытался преодолеть в себе чувство ужаса перед смертной казнью и не мог»¹.

Утверждать, будто люди не боятся смерти, — значит, утверждать ложь, восставать против природы, заявлять верх бессмыслицы. А.Ф. Кистяковский совершенно справедливо отмечает, что «нет ничего нагляднее, проще и очевиднее, как устрашимость смертной казни. Человек чувствует ужас при одном мысленном представлении этого наказания»².

Страх смерти — серьезный барьер для преступника. Даже, исходя из обычного здравого смысла, люди боятся смерти более других видов наказания, а, следовательно, смертная казнь сдерживает преступников больше, чем какое-либо другое наказание. В.А. Жуковский писал: «Казнь — не что иное, как представитель строгой правды, преследующий зло и спасающий от него порядок общественный, установленный самим Богом. Смертная казнь как угрожающая вдали своим мечом Немезида, как страх возможной гибели, как привидение, преследующее преступника, ужасна своим невидимым присутствием, и мысль о ней воздерживает многих от злодейства»³.

Поэтому доводы о том, что смертная казнь совершенно не страшна, потому что она есть удел каждого, и что разные мудрецы считали ее успокоением, а также физиологические соображения о безболезненности и даже некоторой приятности отнятия жизни посредством гильотины или виселицы, хотя бы они в научном от-

¹ Тард Г.Д. Указ. соч.

² Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 55.

³ Жуковский В.А. О смертной казни // Соч. Т. XI. СПб., 1857. С. 186.

ношении и были справедливы, противоречат общему ощущению общей настроенности¹.

Следующий довод сторонников отмены смертной казни звучит таким образом: смертная казнь — наказание противное; оно основывается на силе, а не на правде, на гуманизме. Несомненно, выступать против гуманизма глупо. Поэтому мы бы полностью поддержали этот аргумент, если бы не два существенных момента.

Во-первых, если мы считаем смертную казнь наказанием антигуманным и требуем гуманного отношения к преступнику, тогда давайте не забывать и о потерпевших от преступления. Разве гуманно оставлять женщину, мужа которой жестоко убили преступники, с двумя, тремя и более детьми на произвол судьбы? Почему-то в этот момент мы больше думаем о гуманизме в отношении преступника. Гуманность и справедливость полностью восторжествуют тогда, когда государство возьмет на свое полное обеспечение семью потерпевшего от преступления.

Во-вторых, если смертная казнь антигуманна, то гуманность ее заменителя, то есть пожизненного лишения свободы, — не бесспорна. Поэтому отказаться от смертной казни следует в том случае, если мы убедимся в том, что это самое негуманное наказание, но в то же время ее альтернатива обладает не меньшим предупредительным эффектом. К сожалению, на сегодняшний день в этом мы не убеждены. Без сомнения, по сравнению со смертной казнью пожизненное лишение свободы — мера более гуманная, хотя она обрекает преступника на пожизненное мучение.

Однако следует признать, что страх перед смертной казнью сильнее, чем перед пожизненным лишением свободы. Это факт бесспорный, хотя некоторые с этим не согласны. Преступник, которого приговорили к смертной казни, предпочел бы самое жестокое и длительное лишение свободы, самые тяжкие работы и условия отбывания, чем смертную казнь. Поэтому страх даже пожизненного лишения свободы не может удержать от совершения преступлений в такой степени, в какой смертная казнь.

¹ Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 57.

Справедливость смертной казни может быть признана только тогда, когда доказана ее необходимость и незаменимость. И, наоборот: справедливость смертной казни подвергается сомнению, если доказана ее нецелесообразность и заменимость. Отрицая смертную казнь с позиций гуманизма, мы, тем не менее, утверждаем, что эта мера уголовного наказания обладает самым высоким качеством устрашения.

Каково будущее смертной казни? Общества, отказавшиеся от этого наказания, вновь вернуться к вопросу о ее восстановлении, а те страны, которые сохранили по сегодняшний день смертную казнь, еще больше убедятся в правильности своей позиции. Для такого вывода существуют религиозные, философские и юридические основания.

1. Религиозное основание смертной казни. Хотя вопросы права, в частности уголовного, нельзя разрешать на основе религиозных тенденций и священных Божественных книг, тем не менее их значение при рассмотрении проблемы сохранения или уничтожения смертной казни, а также характера наказания, уголовного в частности, не может быть оставлено без внимания. Обращаясь к теологическим воззрениям, мы, откровенно говоря, находим непонятным, как образованный, просвещенный, цивилизованный человек может строить защиту смертной казни на отжившем принципе: «Кто прольет кровь, кровь того должна быть также пролита».

Всем известно, что голос народный, то есть мнение народа, которое нельзя игнорировать, требует кровь за кровь. Но откуда берется этот голос народа? Из религиозного чувства, ибо Божественное послание «око — за око и зуб — за зуб» живет в народном сознании как символ справедливости и правосудия.

Жизнь подтверждает многими историческими фактами, что «люди патологически любят смотреть на казнь себе подобных»¹. Если бы объявили, что днем кого-то казнят на площади, то люди с самого раннего утра уже начали бы там собираться. Почему?

¹ Голлик Ю.В. Философские проблемы наказания... С. 37.

Теория возмездия так, как понимают ее люди, исходя из Священных книг, при выводе из нее безусловной необходимости смертной казни, может быть ошибочна в основании и негодна для применения, но она существует и имеет серьезное не только религиозное, но и философское и юридическое основания. В то же время, справедливости ради, следует отметить, что первые почтенные голоса против смертной казни постоянно раздавались в христианском мире. Кстати говоря, приговаривая Адама к смерти, Бог отдает преимущество лишению свободы в виде неопределенного приговора, а не смертной казни немедленной, то есть переводит его в иную жизнь: из рая — на землю, из жизни вечной — в жизнь смертную. Наказание, таким образом, «изображается как предоставление полной свободы действий силам природы, стремящимся привести живой организм к распаду»¹. В то же время для Бога Адам с момента согрешения уже умер, но не физически, а в духовном плане, ибо произошел разрыв связи человека с Богом.

Коран призывает не убивать: «Не убивайте человека, кроме как по праву, ведь это запретил Аллах» (Сура 17 «Перенес Ночью», аят 33). Поэтому наиболее строгий вид наказания, по Корану, — смертная казнь. Ее основой является постулат: «душу за душу». «И не убивайте душу, которую запретил Аллах, иначе, как по праву. А если кто был убит несправедливо, то Мы его близкому дали власть, но пусть он не излишествует в убиении. Поистине, ему оказана помощь» (Сура 17 «Перенес Ночью», аят 35).

В Священной книге Аллаха очень часто встречается выражение «мучительное наказание». Представляется, что речь идет о смертной казни. Указание в Коране о предании смерти следует понимать однозначно как фактическое лишение жизни, как смертную казнь. В то же время, по Корану, понятие «убийство» как преступление и «смертная казнь» как наказание нетождественны.

В убийстве всегда имеет место произвол, воля одного человека, а в наказании в виде смерти, то есть лишении жизни, —

¹ Гольбити Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий завет) // Христианская Россия. Милан; М., 1992. С. 97.

высшая воля Аллаха, обеспечение высшей справедливости. Предусматривая в качестве возмездия за убийство смертную казнь, Коран в то же время предоставляет право выбора стороне потерпевшего. «Если же у кого-нибудь убьют родственника, то он может выбирать одно из двух: либо получить выкуп за убитого, либо отомстить за него в другом месте» («Сахих Аль-Бухари» — сборник хадисов Пророка Мухаммеда (92). Книга веры).

Специальное наказание в Коране предусмотрено за убийство верующих. Аллах обращается к людям с призывом: «Верующему не следует убивать верующего — такое допустимо лишь по ошибке. А если кто убьет верующего по умыслу, то возмездие ему — ад, где пребудет он вечно. Аллах разгневется на него, проклянет его и уготовит ему великое наказание» (Коран. Сура 4 «Женщины», аяты 92–93).

Не только ислам, но и другие религии, исходя из Божественных посланий, считают смертную казнь наказанием справедливым.

2. Философское основание смертной казни. Требование смертной казни основано не только на требовании религии «кровь за кровь», но также на принципе и идеях философии Канта и Гегеля. Таким образом, сохранение смертной казни — это не только религиозный принцип *воздаяния*, но и требование философии. Можно ли считать Канта и Гегеля защитниками смертной казни на основании их философского положения: равное — за равное, жизнь — за жизнь? Как мы знаем, эта теория существует несколько тысячелетий, то есть со времен первобытного человечества. Кант кладет в основу определения меры наказания принцип уравнивания преступления с наказанием. Из этого следует, что за убийство обязательно должна наступать смертная казнь.

Гегель также желает установить известное равновесие между преступлением и наказанием. Но это равновесие не должно быть специфическим равенством, а лишь равенством, сообразным качеству преступления, которое определяется приблизительной оценкой.

Б.Н. Чичерин писал: «Справедливая же кара состоит в отнятии того, что имеет одинаковую цену. Если, несмотря на то, что смертная казнь иногда отменяется и заменяется другими наказа-

ниями, то это происходит не в силу требований правосудия, а по другим соображениям»¹.

Интересно и то, что и противники, и защитники смертной казни ссылаются на *справедливость*. В связи с этим А.Ф. Кистяковский отмечает: «Что же это за общая справедливость, которая приводит к двум противоположным выводам и одни говорят: смертная казнь есть святое учреждение, она соответствует моим требованиям; другие — смертная казнь мне противна, она основывается на силе, а не на правде»².

3. Юридическое основание сохранения смертной казни. Рост преступности и характер преступлений новые современные методы, средства и орудия убийств, имеющие массовый характер, все чаще заставляют юристов задуматься о целесообразности сохранения смертной казни как средства устрашения.

Еще Б.Н. Чичерин писал: «Если для защиты общества требуется устрашение преступников, то в этом отношении смертная казнь действует всего сильнее. Это — одно, перед чем останавливаются закоренелые злодеи, которые даже на пожизненное заключение смотрят весьма равнодушно. Для общества полезно отсечение зараженного члена. Если есть неисправимые преступники, то лучше всего от них отделаться разом»³.

Даже Ч. Ломброзо в последнем издании (1907) своего труда «Преступление, причины и средства лечения» возвращается к проблеме смертной казни и находит нужным, «чтобы перспектива смертной казни висела, как меч Дамокла, над головами наиболее ужасных злодеев, которые, уже будучи осуждены на пожизненное заключение, тем не менее, несколько раз посягали на жизнь других». В этих случаях, по его мнению, «не остается ничего более, как прибегнуть к этому тяжкому средству отбора». Смертная казнь, в таких случаях, «относительно справедлива, как и все другие наказания». Ч. Ломброзо полагал, что «смертная казнь вписана яркими буквами в книгу природы и в книгу истории и что даже

¹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 156.

² Кистяковский А.Ф. Исследования о смертной казни. Тула, 2000. С. 13.

³ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 156.

органический процесс всецело покоится на борьбе за существование».

Как же сами преступники относятся к смертной казни? Согласны ли они на пожизненное лишение свободы вместо смертной казни?

Ответить на эти вопросы пока еще никому не удалось и вряд ли когда-нибудь удастся, ибо речь идет о людях с разной психологией, характерами, волевыми качествами и т. д. Проведенные нами исследования показали, что в некоторых случаях преступники предпочитают смертную казнь пожизненному заключению, хотя именно смертная казнь всего сильнее действует на душу человека: она заставляет его перед лицом вечности углубиться в себя и покаяться в своих преступлениях. Однако очевидно и то, что многие преступники идут к смерти совершенно равнодушно. Когда мы говорим, что боимся смерти, то думаем, прежде всего, о боли как ее предшественнице. Смерть или была или будет, она не имеет отношения к настоящему, и менее чувствительна сама смерть, чем ее ожидание. М. де Монтень заметил: «Деревья — и те как будто издают стоны, когда им наносят увечья. Что касается смерти, то ощущать ее мы не можем; мы постигаем ее только рассудком, ибо от жизни она отделена лишь мгновением»¹. То же самое сказал Ф. де Ларошфуко: «Невозмутимость, которую проявляют, порой, осужденные на казнь, равно как и презрение к смерти, говорит лишь о боязни взглянуть ей прямо в глаза; следовательно, можно сказать, что то и другое для их разума — все равно что повязка для их глаз»².

Воздействие мягкого наказания на граждан с более высоким уровнем развития может быть таким же сильным, как воздействие тяжкого наказания на людей необразованных или малообразованных. Логически из этого вытекает следующее положение: если мы хотим, чтобы система наказаний была более мягкой, то необходимо позаботиться о повышении нравственного и образовательно-

¹ См.: О природе человека. Монтень. Ларошфуко. Паскаль. М., 2009. С. 32.

² См.: Там же. С. 201.

го уровня граждан. И из этого можно заключить, что отмена или сохранение смертной казни зависит именно от этого основания. Поэтому следует с пониманием относиться к тем странам, где сегодня еще существует этот вид наказания. На самом деле, на людей с более высоким уровнем развития в нравственном, правовом и политическом отношении демонстрация смертной казни производит болезненное впечатление. Совершенно по-иному она действует на людей необразованных или малообразованных. Для них это обычное явление, зрелище.

По нашему мнению, законодательство должно предусмотреть для умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, а также за изнасилование малолетних при исключительно отягчающих обстоятельствах два вида наказания: смертную казнь, а также пожизненное лишение свободы. Право выбора должно быть предоставлено самому подсудимому, вина которого доказана.

III. Лишение свободы и его будущее. Нет ни одного уголовного кодекса ни в одном государстве, где в качестве наказания не было бы предусмотрено лишение свободы. Мало того, оно чаще, чем другие виды наказаний, применяется на практике.

Каждое государство по-разному определяет пределы лишения свободы. Так, например, в Бельгии минимальный срок лишения свободы — 5 лет, а максимальный — 30, с учетом того, что существует и пожизненное лишение свободы. В Голландии определенный срок тюремного заключения начинается с первого дня и не может превышать 15 лет (в исключительных случаях — 20 лет). Швейцарским уголовным законодательством предусмотрено наказание в виде заключения в каторжную тюрьму на срок от 1 года до 20 лет. В исключительных случаях — пожизненное лишение свободы. Помимо каторжной тюрьмы в системе наказаний существует и тюремное заключение от 3 дней до 3 лет. В Китае, наряду со срочным наказанием (от 6 месяцев до 15 лет), уголовное законодательство предусматривает также бессрочное лишение свободы, то есть пожизненное, хотя в системе наказания имеется и смертная казнь. Кстати, и грузинское законодательство вместо пожизненного лишения свободы использует понятие «бессрочное

лишение свободы». В Сан-Марино минимальный срок тюремного заключения — 3 месяца, а максимальный — 35 лет.

Следует обратить внимание на то, что некоторые государства вместо понятия «лишение свободы» употребляют понятие «тюремное заключение», что, по сути, одно и то же.

На рубеже XVIII и XIX вв. началось «триумфальное шествие» современной тюремной системы. Как известно, до этого существовали ужасные телесные наказания и смертная казнь (повешение, обезглавливание, колесование, отсечение частей тела); заключение в каторжные тюрьмы, где содержались лица, совершившие разные преступления (разбойники, воровы, проститутки, бродяги и т. д.). Иначе говоря, до второй половины XVIII столетия в тюрьмах царили ужасные условия. Основной целью общества было предупредить, утратить людей. Лишения свободы на длительное время и принудительных работ в качестве наказания не существовало.

Джон Говард был первым, кто изучил у себя на родине, в Англии, и в других странах условия отбывания наказания и выступил с известным обвинением тогдашних тюремных порядков. Параллельно многие ученые начали признавать тот факт, что преступник — это также и жертва общества, поэтому его необходимо не уничтожать, а постараться спасти. Впоследствии в Филадельфии даже был сооружен знаменитый образец тюрьмы с одиночными камерами. Как и сейчас, число заключенных в тюрьмах того времени превышало количество имевшихся мест. Появлению мест лишения свободы способствовал также стремительный рост преступности, с которой было невозможно бороться одними казнями и телесными наказаниями. В то же время появилась необходимость в дешевой рабочей силе. Поэтому лишение свободы со строго принудительной работой на долгие годы стало новым карательным средством для защиты общества. Этот вид наказания в течение XIX столетия приобретал господствующее положение в карательной системе и так глубоко укоренился в массовом сознании, что полезность его считалась почти бесспорной. Разногласия могли быть только в определении наилучшей системы лишения свободы. Представители науки, а также практические работники

начали поиски путей совершенствования и повышения эффективности мест лишения свободы (которые продолжают по сей день) в направлении гуманизации процесса отбывания наказания, уменьшении страданий и боли осужденных. Но до каких пределов? Ведь без причинения страданий и боли лицам, совершившим преступления, исполнение наказания в виде лишения свободы невозможно, и следует признаться, что современные учреждения такого типа основаны именно на признании необходимости воздаяния и причинения страдания, а не на исправлении осужденных. Поэтому фактические современные места лишения свободы необходимы только для изоляции преступников.

Причинение страданий и боли осужденным абсолютно не означает их подавления или унижения. В то же время при организации системы лишения свободы следует считаться с общим жизненным уровнем населения. Осужденные должны чувствовать эту разницу, иначе наказание не окажет устрашающего воздействия как на самого преступника, так и на общество в целом.

Наказание лишением свободы, не теряя сущности причинения страдания, боли в разумных пределах, должно одновременно посредством разнообразных реформ превратиться в систему исправления, воспитания и восстановления человека. К сожалению, современные места отбывания наказания не в состоянии решать эту задачу. Они не только не способны сократить рецидивную преступность, а наоборот, порождают все новое и новое число преступников. Сегодня эти учреждения не могут защитить общество от новых преступлений, ибо они потеряли устрашающую силу, которой они когда-то обладали.

Необходима продуманная и практически приемлемая система исправительного воздействия, сопровождающаяся гуманным исполнением наказания. Ведь в современных учреждениях осужденные полностью не включены в трудовой процесс, хотя сами места лишения достаточно благоустроены. Почему бы определенную категорию осужденных не использовать на работах в частных компаниях, если для этого нет возможности в местах лишения свободы. При этом не следует забывать, что только та работа пойдет на пользу в деле исправления, которую выбирает

сам осужденный, которая ему по душе и доставляет радость. В состоянии ли мы сейчас пойти на это и решить эту проблему? Над этим стоит задуматься.

По сравнению с местами лишения свободы, существовавшими в Советском Азербайджане, современные пенитенциарные учреждения внешне выглядят гораздо лучше. В лучшую сторону произошли изменения также во внутренней части этих учреждений. Однако по сути и социальному значению они стали гораздо хуже, то есть карательно-воспитательный процесс практически не достигает поставленных целей.

Обращает на себя внимание тот факт, что количество осужденных к лишению свободы с каждым годом не только не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. Если средний показатель осужденных к лишению свободы в 60-е годы составлял 28–32%, то, начиная с 1970 г., этот показатель начал расти быстрыми темпами и к 1983 г. составлял уже 55%. Анализ карательной практики судов показывает, что процент осужденных к этой мере наказания в 1971–1991 гг., то есть до развала СССР, колебался в пределах 35–55%. Так, в 1971–1977 гг. он составлял 41–45%. За период с 1980 по 1997 г. произошло увеличение этого показателя до 50–54%.

Стремление широко использовать эту меру наказания связывалось с желанием сократить уровень преступности. Однако результаты оказались отрицательными. Преступность росла. Так, например, если среднегодовой уровень преступности за период с 1961 по 1970 г. составлял 13 600 преступлений, то в 1971–1980 гг. — 14 650, в 1981–1990 гг. — 15 850.

Начиная с 1976 г. происходит рост тяжких, а также других насильственных преступлений. Так, в 1980 г. показатель осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления составлял более 25%. Неэффективность уголовной политики, проводимой в советский период, заключалась не только в ошибочном представлении действительности лишения свободы в предупреждении преступлений, но также в довольно широком использовании этого наказания за совершение малозначительных деяний, не представляющих боль-

шой общественной опасности, что приводило к искусственному росту процента осужденных к лишению свободы.

До развала коммунистического режима в Азербайджане ежегодно из общего числа всех осужденных от 6 до 10% осуждалось за спекуляцию сельхозпродуктами, в том числе, к лишению свободы; столько же — за обман покупателей. В частности, в 1982 г. из числа всех осужденных к лишению свободы (54,2%), лица, совершившие нетяжкие преступления и нерецидивисты, составляли 58,4%.

Уголовная политика суверенного Азербайджана в отношении применения к преступникам наказания в виде лишения свободы осталась неизменной. За последние 13 лет (2000—2013) лишение свободы на определенный срок находилось в пределах 42—49%, хотя в настоящее время нет таких преступлений, как спекуляция и обман покупателей.

Необходимость в обращении к этим статистическим данным связана с обоснованием вывода о том, что лишение свободы всегда было самым популярным и применяемым на практике видом уголовного наказания. А потому будущее наказание непосредственно связано с лишением свободы. И если уж говорить о замене наказания некарательным воздействием, то это возможно только с постепенным уменьшением роли лишения свободы до полного его исчезновения как средства воздействия на преступное поведение. Но возможно ли это?

К сожалению, статистика преступности, в частности, в Азербайджане за последние 10 лет не позволяет дать положительный ответ, ибо идет тенденция к ее росту. Так, если в 2000 г. в республике было зарегистрировано 13 958 преступлений, то в 2010 г. этот показатель достиг 23 000, а в 2011 г. — уже 24 000.

Следует также учитывать и тот факт, что за отмеченный период количество тяжких и особо тяжких преступлений, умышленных убийств, изнасилований, то есть всех видов преступлений против личности, не только не уменьшилось, а, наоборот, наблюдается тенденция к их росту. Можем ли мы отказаться от применения лишения свободы, если сейчас 50% от общей массы совершенных преступлений составляют преступления против личности?

Лишение свободы и в будущем останется главным видом наказания для тяжких насильственных преступлений и рецидивистов. В то же время в перспективе отпадет необходимость в изоляции в местах лишения свободы определенных категорий преступников, совершивших преступления ненасильственного характера: экономические, неосторожные преступления, а также преступления, связанные с потреблением наркотиков. А это приведет к уменьшению процента лишения свободы и к увеличению доли таких видов наказания, как штраф, исправительные работы, ограничение свободы. Представляется, что будущее наказание связано также с отказом от кратковременного лишения свободы, ибо оно абсолютно не способно достигать каких-либо положительных результатов. Об этом ярко свидетельствует практика применения этой формы лишения свободы.

Если в современных условиях мы понимаем под лишением свободы определенное ограничение свободы распоряжаться собой, своими правами, но не полное их отнятие, то есть причинение страданий, то будущее этого наказания связано с ограничением его карательного содержания. Однако если места лишения свободы будут выглядеть как мотели, как дома отдыха, построенные за счет налогоплательщиков, то это приведет к полному исчезновению этого вида наказания по сути, а значит, и к потере главного и почти единственного устрашительного воздействия.

Итак, от мест заключения, лишения свободы, тюрем, пенитенциарных учреждений — не имеет значения, как они называются, — задуманных и созданных в 1780 г. в Филадельфии с целью полной изоляции преступников, сегодня еще ни одно государство не отказалось, хотя всеми ставится под сомнение их эффективность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История учения о преступлении и наказании свидетельствует о том, каких огромных успехов добилось человечество в решении тех проблем, которые занимают эту область уголовного права. Поэтому вызывают удивление следующие высказывания Н. Хавронюка на Научно-практической конференции по проблемам наказания, проходившей в Пекине в декабре 2012 г.: «Таким образом, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие лучшие умы человечества и ученые-юристы в вопросе об уголовном наказании продвинулись, прямо скажем, недалеко: по сути, они лишь констатировали, что наказание должно быть справедливым и милосердным... Не много сделано для того, чтобы наказание в каждом конкретном случае действительно было таким. Мы до сих пор не знаем, какое наказание нужно назначать преступнику для того, чтобы была достигнута цель кары, а также для того, чтобы он исправился и более не совершал преступления»¹.

Как отмечалось в книге, именно из-за прогностической сущности наказания мы не в состоянии предвидеть будущий результат наказания на стадии правотворчества и в процессе назначения и исполнения наказания. По этой причине не представляется возможным определить эффективность как отдельных видов наказания, так и всей системы наказаний в целом.

Следовательно, можно сделать вывод, что юристы не в полной мере используют достижения других наук в целях совершен-

¹ См.: *Хавронюк Н.* Каким должно быть уголовное наказание, или Почему юриспруденция отстает от физики? // Материалы Научно-практической конференции по проблемам наказания в Пекине, 2012 г., 1–3 дек. С. 13.

ствования эффективности уголовного наказания. Об этом, кстати, упоминает и сам Н. Хавронюк, задаваясь вопросом: «Почему успехи криминалистической науки столь несущественны? В чем причины такого отставания юридических наук, и в частности уголовного права?» И сам же отвечает: «...или в том, что уголовно-правовая наука, как и любая другая юридическая наука, забывает о необходимости учета естественных закономерностей развития общества и человека, возможного лишь на стыке наук, и поиска возможностей для максимально более точного отражения в нормах законов достижений других наук, прежде всего — социологии, криминологии, уголовной статистики, психологии, психиатрии, медицины»¹.

Как известно, результаты и значение гуманитарных наук, в отличие от естественных исследований, не могут быть определены сразу. Для этого требуется достаточно длительный период времени, поскольку они непосредственно связаны с общественно-политическими процессами, историческими условиями, с сознанием, в том числе и правосознанием, людей.

Несомненно, теория гелиоцентрической системы мира Н. Коперника (1543); законы наследственности Г.Н. Менделя (1865); клеточное строение растений, открытое Р. Гуком (1665); основы эмбриологии, разработанные К.Э. фон Бэр (1828); космические открытия и т. д. — это величайшие достижения человечества, которые реально осязаемы и видны. Ну а разве идеи Ч. Беккариа, изложенные в «Преступлениях и наказаниях», не являются такими же величайшими для развития человеческого общества, как теория относительности или учение Ч. Дарвина об эволюции? Разве современная система уголовного законодательства не построена на его идеях и принципах?

Классическое направление в уголовном праве было естественным порождением эпохи Просвещения, которая дала миру таких мыслителей, как Руссо, Вольтер, Монтескье. В сфере уголовного права указанное направление исходило из основных требований: свести к возможному минимуму меру воздействия на поведение

¹ Там же. С. 2.

людей, то есть наказание не должно превышать требований справедливости; преступление и наказание должны быть четко определены заранее; наказание должно точно соответствовать тяжести преступления. С точки зрения развития человеческой цивилизации и культуры эти идеи не менее великие, чем открытия вышеперечисленных ученых.

Н. Хавронюк прав лишь в том, что, используя теорию относительности на практике, мы в то же время не можем до сих пор найти критерии разграничения преступлений по их общественной опасности и тяжести и на этом построить справедливую систему соразмерности наказания совершенному преступлению.

Следует согласиться и с утверждением автора о том, что мы по сегодняшний день не смогли разработать достаточно эффективный и справедливый «инструмент», позволяющий судье назначать и определять наказание не «с потолка», а на научной основе. Но зато именно к заслугам лучших мыслителей и ученых-юристов следует отнести существенные изменения в сторону гуманизации системы определения, применения и исполнения уголовного наказания. Достаточно отметить отказ от смертной казни в подавляющем большинстве стран мира. Разве это заслуга физиков, биологов, медиков, астрономов?

Сегодня мы должны думать о будущем наказания, о том, каким образом найти новые, более эффективные, но менее мучительные виды наказания, учитывая современные условия, а также уровень развития общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АФОРИЗМЫ О ЗАКОНЕ

Законы — владыки государства.

Алкидамант

Закон — паутина; маленькие насекомые погибают в ней, крупные же благополучно пробиваются.

Анахарсис

Есть тысяча способов быть очень дурным человеком, не нарушая ни одного закона.

Анна Сталь

Суров закон, но это закон.

Античная мудрость

Мужество — добродетель, в силу которой люди в опасностях совершают прекрасные дела, руководствуясь законом и повинуюсь ему.

Аристотель

Жестокость и страх пожимают руки друг другу.

О. де Бальзак

Плохие законы — худший вид тирании.

Э. Берк

Страх перед людьми — вот источник любви к законам.

Л. Вовенарг

Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов.

Многочисленность законов в государстве есть то же, что большое число лекарств: признак болезни и бессилия.

Законы нужны не только для того, чтобы устрашать граждан, но и для того, чтобы помогать им.

Вольтер

Царство законов — застывшее изображение существующего мира, мира явлений.

Гегель

Не быть подчиненным никакому закону — значит, быть лишенным самой спасительной защиты, ибо законы должны нас защищать не только от других, но и от себя самих.

Г. Гейне

Закон силен, сильней нужда.

И. Гете

Мужчины создают законы, женщины — нравы.

Ф. Гибер

Законодательство — жернов, мелющий бедных и приводимый в движение богатыми.

Законы, чтобы быть полными, должны были бы не только карать, но и награждать.

О. Голдсмит

Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов?

Гораций

Законы — дурная выдумка. Законы создаются людьми, а от природы — атомы и пустота.

Законы бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше.

Демокрит

Кто для других законы составляет, пусть законы первым соблюдает.

Ч. Джефри

Законы пишутся для обыкновенных людей, поэтому они должны основываться на обыкновенных правилах здравого смысла.

Т. Джефферсон

Закон есть высшее проявление человеческой мудрости, использующее опыт людей на благо общества.

С. Джонсон

Терпи закон, который ты сам сделал.

Дюмолен

Лучшие законы рождаются из обычаев.

Ж. Жубер

Народ без законов подобен человеку без принципов.

Захария

Закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть, собственно, применение наших поступков к этому закону.

И. Кант

Закон и справедливость — две вещи, которые Бог соединил, а человек разъединил.

К. Колтон

Люди путают законы с правами.

Е. Ленц

Закон должен быть выражен в словах, внушающих трепет.

Тит Ливий

Создавайте лишь немного законов, но следите за тем, чтобы они соблюдались.

Д. Локк

Законы — это государи над государями.

Людovic XII

Закон должен быть краток, чтобы его легко могли запомнить и люди несведущие.

Законы тщетно существуют для тех, кто не имеет могущества и средств защищать их.

Т. Маколей

Закон (юридический) — друг слабых.

Закон (юридический) — компромисс государства и права.

Т. Манн

Не может быть справедливым закон, который предписывает человеку, не имеющему ничего, уважать другого, у которого есть все.

Маркиз де Сад

Жестокость характерна для законов, продиктованных трусостью, ибо трусость может быть энергична, только будучи жестокой.

К. Маркс

Только разум может создать обязательные и прочные законы.

О. Мирабо

Жестокость законов препятствует их соблюдению.

Законы должны иметь для всех одинаковый смысл.

Именно с помощью законов надо сделать так, чтобы богатство было столь же тягостно, как и бедность.

Ш. Монтескье

Легче составлять законы, чем исполнять их.

Наполеон Бонапарт

Справедливость, не поддержанная силой, немощна, сила, не поддержанная справедливостью, — тирания.

Законы, не основанные на справедливости, не имеют силы, так же как сила, не поддержанная справедливостью, — тирания.

Б. Паскаль

Дураку закон не писан.

Русская поговорка

Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества.

Ж.-Ж. Руссо

Законы, точно паутина, в которую попадает мелкая мошкара, но через которую прорываются шершни и осы.

Дж. Свифт

Некоторые неписанные законы тверже всех писанных.

Сенека (младший)

Что не запрещает закон, то запрещает делать стыд.

Сенека

Власть времени — закон, с которым следует считаться. Время диктует свои законы. Неумолимая власть времени.

П. Сир

Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва — мерзость.

Соломон

Чем ближе государство к падению, тем многочисленнее его законы.

Добрые нравы имеют большее значение, чем хорошие законы.

Тацит

Закон есть величественная статуя, перед которой снимают шляпу, но мимо которой проходят; юриспруденция меняется каждые двадцать лет.

И. Тэн

Наряду с законами государственными есть еще законы совести, восполняющие упущения законодательства.

Г. Филдинг

Законам слишком мягким редко повинуются, законы же слишком суровые редко приводятся в исполнение.

Б. Франклин

Законам покорствуй.

Хилон из Эфор

Крайняя строгость закона — крайняя несправедливость.

Чтобы стать свободными, мы должны быть рабами законов.

Знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы постигать их смысл.

Когда бряцает оружие, законы безмолвствуют.

Благо народа — высший закон.

Закон — не что иное, как истинное веление разума, согласное с божественной сущностью, приказывающее делать честное и запрещающее поступать бесчестно.

Цицерон

Законы, зиждящиеся на страхе, — незаконны.

Н. Шамфор

Закон Бога — это закон перемен.

Б. Шоу

Когда проступки скрываются — народ победил закон; когда же преступления строго наказываются — закон победил народ.

Шан Цзюнь Шу

Людям необходимы даже самые дурные законы, ибо не будь их, люди пожрали бы друг друга.

Эпикур

АФОРИЗМЫ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Где нет закона, нет и преступления.

Апостол Павел

Преступление нуждается лишь в предлоге.

Аристотель

В беду падают, как в пропасть, вдруг, но в преступление сходят по ступеням.

Что такое воля, как не мысль, переходящая в дело!

А.А. Бестужев-Марлинский

Общество готовит преступление, преступник его совершает.

Г. Бокль

Возможность украсть создает вора.

Ф. Бэкон

Кто прощает преступление, становится его сообщником.

Наиболее суеверные эпохи были всегда эпохами самых ужасных преступлений.

Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны.

Необходимо, чтобы были преступления и бедствия и чтобы они составляли удел хороших людей.

Вольтер

Преступление — это зло, переступившее границы души.

В. Гаврилов

Всякий религиозный догмат — это зародыш преступлений и раздоров между людьми.

К. Гельвеций

Страшные преступления влекут за собой страшные последствия.

А.И. Герцен

История — это всего лишь журнал регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества.

Э. Гиббон

Поступки — плоды помыслов. Будут разумные помыслы — будут хорошие поступки.

Б. Грасиан

Если все, что говорят о добре и зле, правда, тогда вся моя жизнь — одно непрерывное преступление.

Д. Джебран

Перелистайте историю всех народов земли: везде религия превращает невинность в преступление, а преступление объявляет невинным.

Д. Дидро

Самые серьезные проблемы современного человека происходят оттого, что он утратил чувство осмысленного сотрудничества с Богом в Его намерении относительно человечества.

Есть минуты, когда люди любят преступление.

Ф.М. Достоевский

Если не хочешь знать страха, не чини зла.

Кабус

Каждое преступное деяние имеет двойное значение — по отношению к личности обвиняемого и по отношению к обществу.

А.Ф. Кони

Не преступайте закона, ибо Аллах не любит преступающих границы.

Коран. Сура 5 «Трапеза», аят 87

Если бедность — мать преступлений, то недалекий ум — их отец.

Ж. де Лабрюйер

Между гениями и преступниками, с одной стороны, и безумными — с другой, гораздо больше сходства, чем между гениями, преступниками и здоровыми людьми нормального типа.

Ч. Ломброзо

Широкую публику интересует только три вещи: деньги, любовь и преступление.

М. Ларни

Человек, не способный на большое преступление, с трудом верит, что другие вполне на него способны.

Ф. де Ларошфуко

Зло порождает зло.

М.Ю. Лермонтов

Там, где умеренность — ошибка, там равнодушие — преступление.

Г. Лихтенберг

Люди склонны к злу.

Н. Макиавелли

Когда-нибудь, когда изучение анатомии продвинется, появится возможность связать поведение человека и его пристрастия.

Маркиз де Сад

Что бы ни говорили, есть в человеке что-то необыкновенное — такое, чего никакие ученые не могут объяснить.

Ж.-Б. Мольер

Преступление — это внутреннее разрушение через внешнее.

Преступность — это преступление несправедливого общества.

Т. Мор

Не преступление преступника, а его трусость и безалаберность в совершении преступления заставляет нас относиться к нему с презрением.

Женщина совершает преступлений в десять раз меньше, чем мужчина, следовательно, в моральном отношении она в десять раз лучше, — говорит статистика.

Ф. Ницше

Мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного.

Овидий

Лучше преступление, чем тошнотворная пустота существования: бесплодного и иссушающего.

Р. Роллан

Задуманное, хотя и не осуществленное преступление, есть все же преступление.

Тяжелая ошибка часто приобретает значение преступления.

Одни преступления прокладывают путь другим.

Кто, имея возможность предупредить преступление, не делает этого, тот ему способствует.

Сенека

Преступление, приобретающее характер всеобщий, перестает быть преступлением и становится нормой жизни.

Е. Синегут

Дурные последствия преступлений живут дольше, чем сами преступления.

В. Скотт

На вопрос: «Как изжить преступление среди людей?» — Солон ответил: «Нужно, чтобы пострадавшим и не пострадавшим было одинаково тяжело».

Солон из Афин

В желании выражается сущность человека.

Спиноза

Тому, кто совершит преступление дважды, оно уже кажется дозволенным.

Талмуд

Девять десятых из всего числа преступлений, пятнающих человечество, совершены под влиянием вина.

Один из самых обычных и ведущих к самым большим бедствиям соблазнов есть соблазн словами: «Все так делают».

Л.Н. Толстой

Никакие выгоды, достигнутые ценой преступления, не могут вознаградить потерю душевного мира.

Г. Фильдинг

Большое число соучастников не оправдывает преступление.

Т. Фуллер

Преступные желания — верх несчастья. Менее прискорбно не получать того, чего желаешь, чем достичь того, что преступно желать.

Цицерон

АФОРИЗМЫ О НАКАЗАНИИ

Нет более мучительного наказания, чем не быть наказанным.

Р. Акутагава

Справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам.

Античный афоризм

Я боюсь не наказания, я боюсь заслужить наказание.

Л. Берне

Чистосердечное раскаяние ничем не отличается от любого хорошего поступка: оно тоже приносит награду.

П.О. Бомарше

Незнание закона не спасает от наказания. А знание — от произвола.

*Николай Борский
(псевдоним русского поэта Н. Лудякова)*

Один несправедливый приговор влечет большие бедствия, чем многие преступления, совершенные частными людьми; последние портят только ручьи, только одинокие струи воды, тогда как несправедливый судья портит самый источник.

Ф. Бэкон

Наказание преступников должно приносить пользу; когда человек повешен, он ни на что не годен.

Вольтер

Угрызение совести начинается там, где кончается безнаказанность.

Жестокость есть всегда результат страха, слабости и трусости.

Гельвеций

Кара входит в сердце человека в минуту совершения им преступления.

Гесиод

Правосудие есть основание всех общественных добродетелей.

Возмездие в жизни загробной — не что иное, как признак, выдуманный для помрачения человеческого разума, изобретенный для того, чтобы обмануть и сбить с толку людей, чтобы навсегда лишить их спокойствия и превратить в послушных рабов духовенства.

Страх перед Богом удерживает от греха тех, кто не способен сильно желать или уже не в состоянии грешить.

П. Гольбах

Не наказывай грозным бичом того, кто заслуживает лишь плетки.

Гораций

Кто поспешно осужден, часто осужден напрасно.

Ф. Грильпарцер

Если закон ваш наказывает без вины, то судите сами.

*Святое Евангелие с толкованием
Блаженного Феофилакта,
Архиепископа Болгарского
(Свято-Успенская
Почаевская Лавра. 2008)*

Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели их наказывать.

Лучше оправдать десять виновных, нежели обвинить одного невинного.

Екатерина II

Позорно не наказание, а преступление.

Г. Иоганн

Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое — мерзость перед Господом.

Книга притчей Соломоновых

Наказывай не только за проступок, но и за намерение.

Периандр Коринфский

Все, что достигнуто дрессировкой, нажимом, насилием, — непрочное, неверно и неудачно.

Я. Корчак

Наказанный преступник — это пример для всех негодяев; невинно осужденный — это вопрос совести всех честных людей.

Ж. Лабрюйер

Из любви к добру праведные люди не желают грешить; из страха перед наказанием дурные люди не желают грешить.

Преступник, совершивший преступление в гневе, вызванном потерпевшим, заслуживает менее сурового наказания.

Тот, кто совершает преступление, будучи пьяным, подвергается наказанию, когда он трезв.

Латинские юридические изречения

Наказываю тебя не потому, что ненавижу, а потому, что люблю.

Латинская пословица

Цель наказания — предотвращение зла; оно никогда не может послужить побуждением к добру.

Х. Манн

Мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием.

Наказание не должно внушать больше отвращения, чем поступок.

К. Маркс

Есть средство воспрепятствовать преступлениям — это наказание; есть средства изменять нравы — это благие примеры.

Справедливость заключается в том, чтобы воздавать каждому по заслугам.

Есть средства бороться с преступлениями: это — наказания; есть средства для изменения обычаев: это — примеры.

Ш. Монтескье

Наказывается не преступление, а глупость.

Маргарита Наваррская

Несчастье всех публичных уголовных наказаний заключается в том, что они учат не совершать деяния только ради его наружных последствий.

Теми мотивами, которыми оправдывается наказание преступника, можно оправдать и его преступления.

Ф. Ницше

Сделайте так, чтобы наказание за проступок было не вне, а внутри виновного — и вы дойдете до идеала нравственного воспитания.

Н.И. Пирогов

Разумный наказывает не потому, что был совершен проступок, а для того, чтобы он не совершался вновь.

Платон

Ошибка в помиловании лучше и полезнее, чем ошибка в наказании.

И. Рагимов

Преступник может иногда избежать наказания, но не из страха перед ним.

Сенека

Гораздо тяжелее кажется то наказание, которое назначается мягким человеком.

Сенека (младший)

Как нельзя приступить к лечению глаза, не думая о голове, или лечить голову, не думая о всем организме, так нельзя лечить тело, не врачую душу.

Сократ

Случается, что наказание влечет за собой преступление.

С. Лем

Всякое преступление искупается теми страданиями, которые оно влечет за собой.

А.И. Урусов

Лучше мне отменять хадд (наказание) в сомнительных случаях, чем налагать его в сомнительных случаях.

Умар ибн ал Хаттаб-Халиф

Лучше избирать наказание, чем казнь, ибо первое огорчит человека один раз, а второе — навсегда.

Хилон

Величайшее поощрение преступления — безнаказанность.

Преступно брать деньги за вынесение приговора, еще преступнее осудить того, с кого возьмешь деньги за оправдание.

Цицерон

Наказание — это плоть власти.

Чжуан-Цзы

Как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика, так и порицание и критика — когда они переходят меру справедливости.

А. Шопенгауэр

Первое наказание для виновного заключается в том, что он не может оправдаться перед собственным судом.

Тому возмездием за преступления был крест, а этому — царская диадема.

Ювенал Децим Юний

О Т З Ы В

На книгу доктора юридических наук, профессора И.М. Рагимова «Философия преступления и наказания»

Книга профессора И.М. Рагимова посвящена проблеме философии преступности и наказания, которая остается актуальной с самого раннего периода человеческой истории.

В первой главе раскрываются философские и юридические аспекты самого понятия преступления, раскрываются причины их совершения. Также заостряется внимание на учетывании фактора человеческой личности во время вынесения приговора за совершенное преступление.

Вторая часть книги посвящена исследованию сущности понятия наказания. Автор подверг детальному анализу его содержание и особенности, ссылаясь при этом на мнения известных ученых. Наряду с юридическими аспектами понятий преступления и наказания, автор раскрыл также и социологические и психологические проблемы, связанные с ними, и сумел их обосновать ссылками на труды известных философов и социологов, таких как Гегель, Дюркгейм и др.

Кроме того, при исследовании проблем, связанных с преступлением и наказанием, автор затронул и этические категории добра и зла.

В данной книге имеется ряд интересных моментов, которые привлекут внимание читателя. Одним из них является исследование проблемы философии преступления, которая представляется в качестве базиса, необходимого для понимания ее причин. С этой точки зрения И.М. Рагимов обращает внимание на осмысление поведения человека при определении причин преступлений. При этом автор ставит во главу своих рассуждений философию самопознания и напоминает читателю суть известного изречения «Познай самого себя», которое было высечено на храме Аполлона в Дельфах.

Другой достойной внимания особенностью книги является разъяснение причин совершения преступления с точки зрения религии.

Также в книге отводится место роли традиций и обычаев в преступлении и наказании. Был проведен анализ «полезных» и «вредных» традиций, которые распространены в среде народа с точки зрения, как философии, так и социологии.

Убежден, что данная монография И.М. Рагимова будет встречена с большим интересом в кругах специалистов не только в области уголовного права, но и философии, социологии, психологии человека, а также в среде самой широкой читательской аудитории.

Гусейнов Сакит Яхья оглы

*доктор философских наук,
Зав. отделом «Религиоведения
и философских проблем культуры»
института Философии, Социологии
и Права Национальной Академии
Наук Азербайджанской Республики,
Член-корреспондент Академии
Административных наук Российской
Федерации*

О Т З Ы В

на монографию И.М. Рагимова «Философия преступления и наказания»

Как известно, систематизация, анализ и обобщение научно-теоретических воззрений, взглядов и суждений о преступлении и преступности в рамках диссертационных и монографических исследований проводились и ранее. Так, опубликована монография Э. Позднякова «Философия преступности». Д. Бабичевым защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Политико-правовое исследование философии преступности». Совсем недавно увидела свет солидная монография А. Александрова «Философия зла и философия преступности».

Можно полностью согласиться с И. Рагимовым в том, что «философия служит научной базой, основой для исследования конкретных проблем других наук, в том числе и правовых».

И. Рагимов изучает и системно анализирует институты «преступление» и «наказание» в свете философии, отраженном и преломленном в философских учениях и воззрениях виднейших представителей философской науки, открывая тем самым новые горизонты в изучении таких сложных и многогранных понятий, как преступление и наказание.

Автор правильно считает, что «сложность, труднообъяснимость понятий преступления и наказания связана с их философской сущностью. Поэтому более всего обнаруживается потребность в интегративном и, одновременно, глубинном, философском подходе к этим феноменам, с целью раскрытия их философской сущности...».

И. Рагимов отмечает: «Уверен, что каждый, кто осмелится взяться за исследование такой нелегкой и неблагодарной проблемы, как преступление и наказание, обязан тщательно и внимательно ознакомиться с трудами не только выдающихся юристов, но и известных философов, психологов, социологов, писателей, имеющих отношение к этим институтам уголовного права». При этом, анализируя различные мнения и взгляды философов, правоведов, социологов, психологов и других мыслителей прошлого, «изучая историю философии, религии, права и других наук о преступлении и наказании», автор исходил из того, что «все новое — это хорошо забытое старое».

И это действительно так. Многие ученые-юристы (А.И. Долгова, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Минковский, А.М. Яковлев, Н.В. Кудрявцев, И.И. Карпец, Г.Ф. Хохряков, С.М. Иншаков и другие) правильно подчеркивали, что уроки истории заставляют нас по-новому всматриваться в современность; изучение предшествующего развития науки помогает увидеть ее будущее. Изучение истории имеет немаловажное значение для решения многочисленных проблем на современном этапе. В развитии учения о преступлении и наказании были сложные ситуации, кризисные периоды, знание которых позволит избежать ошибок в будущем. И наоборот, все прогрессивное, то, что в свое время было отвергнуто, забыто и лишь теперь приобретает свои права, способно обогатить последующее развитие научной мысли. С этих позиций изучение истории важно для формирования ответственности за будущее у каждого нового поколения. В настоящее время, когда происходит бурное развитие науки, когда к ней предъявляются все большие требования, изучение ее истории необходимо.

Отмечая важность и необходимость изучения исторического развития науки о преступлении и наказании и считая, что античные, средневековые и современные представления о преступлении, преступности и преступнике образуют единую цепь, Л.П. Иванова и Л.В. Ильина подчеркивали, что «каждая наука, которая порождена той или иной эпохой, несет на себе отпечаток ограниченностей, заблуждений своего времени. Однако, будучи наукой, она вносит в представление исследователя о предмете познания и нечто новое, момент истинного. Истинное же неподвластно времени, хотя бы и революционному, а потому обязательно будет включено в науку следующего исторического этапа, который придет на смену своему предшественнику. Этот процесс Гегель называл “снятием” прошлого. Это означает, что, наряду с отрицанием, удерживается все то положительное, рациональное, что порождено минувшими историческими ступенями».

Как отмечает сам автор, в монографии предпринята попытка ответить на некоторые вопросы, которые имеют философскую сущность, а именно: «что такое преступление вне уголовного закона? Где находятся причины и истоки преступного поведения человека? В чем заключается сущность наказания? Откуда оно взялось? За что и зачем наказывать? Кого и как наказывать? Кому принадлежит право наказания и кто это право дал? Нужно ли вообще наказание обществу и каково его будущее?».

Считаем, что научная достоверность и обоснованность положений, сформулированных в монографии, обеспечили основополагающие принципы и положения философии, науковедения и теории научного познания таких наук, как уголовное право, криминология, уголовная политика, социология, психология и т. д. Применение в совокупности системно-структурного подхода, методов историко-правового, логико-правового, сравнительно-правового анализа, широкое использование фундаментальных теоретических работ ученых — философов, социологов, психологов, криминологов и т. д. в комплексе позволили правильно определить структуру монографии, исходные научные позиции исследования, выбрать надлежащие методы сбора, систематизации и анализа общетеоретического материала, обеспечили высокую надежность и обоснованность результатов исследования. Все это позволило автору подготовить работу, которую можно считать первой объемной, логически завершенной монографической работой, посвященной исследованию философии преступления и наказания.

Многие положения, концептуальные подходы, взгляды и суждения автора, изложенные и обоснованные в монографии и имеющие солидную научно-теоретическую базу, вызывают интерес, заслуживают поддержки и одобрения.

Проведенное И. Рагимовым исследование по теме «преступление и наказание» ценно тем, что оставляет место для продолжения дискуссии по ряду вопросов. Думается, продолжится научная полемика по многим проблемам преступления и наказания, которых коснулся автор, а монография займет достойное место в юридической науке и будет востребована учеными, аспирантами, практикующими юристами, всеми, кто интересуется вопросами преступления и наказания.

Доктор юридических наук,
профессор

Ф.М. Джавадов

РЕЦЕНЗИЯ

на рукопись монографии доктора юридических наук, профессора И.М. Рагимова «Философия преступления и наказания»

Рецензируемый труд является продолжением работы автора — профессора И.М. Рагимова по поиску ответов на основополагающие вопросы уголовного права, связанные с преступлением и наказанием. Ранее им была написана содержательная монография «Преступность и наказание» (М., 2012).

Уже само название рецензируемой монографии — «Философия преступления и наказания» говорит о сложности проблем, которые поставил своей задачей изучить и осветить автор. Вот те вопросы, ответы на которые стремится получить автор: «Что такое преступление вне уголовного закона? Где находятся причины и истоки поведения человека, преступного в частности? В чем заключается сущность наказания? Откуда оно взялось? За что и зачем наказывать? Кого и как наказывать? Кому принадлежит право наказания и кто это право дал? Нужно ли вообще наказывать обществу и каково его будущее?»

К теме философии преступления и наказания обращались многие мыслители прошлого и настоящего, причем это не только представители юридической науки и философы, но и отчасти психологи, медики, социологи, религиозные деятели, писатели, политики и др. Это свидетельствует о том, что ответы на вопросы о философии преступления и наказания, с одной стороны, интересуют не только юристов, а с другой — они вряд ли могут быть получены только в рамках уголовно-правовых исследований, на что автор в своем труде неоднократно обращает внимание.

В связи с этим в монографии большое внимание уделяется рассмотрению соответствующих вопросов в других областях знания. В частности, отдельно анализируется трактовка преступления и наказания в религиозных учениях, подвергаются анализу воззрения на данные явления философов, социологов, психологов, конечно же, исследуются теории представителей науки уголовного права. Это позволило, если можно так выразиться, с большей высоты взглянуть на проблемы и прийти к интересным в научном отношении выводам.

Книга написана в соответствии с логичным и последовательным планом, и состоит из двух глав. В первой главе рассматривается философия преступления, во второй — философия наказания и содержится попытка определить будущее наказания.

Рассуждая о сущности преступления, автор приходит к выводу о том, что «изучение преступника и преступления вне времени и пространства путем искусственного вынесения их из той социальной среды, из тех условий социального общежития, при которых они только и могут иметь место и с которыми они стоят в органической неразрывной связи, — невозможно и не имеет никакого значения». С этим выводом, считаю, следует согласиться. Заслуживает внимания и основной вывод о философской сущности преступления, согласно которому она представляет собой «свободную волевою форму поведения человека, истоками которого являются психолого-физиологические особенности личности, в результате влияния на них внешних отрицательных социально-экономических условий и обстоятельств».

Безусловно, имеют научную ценность размышления автора о философии наказания, которые позволили ему прийти к заслуживающим внимания содержательным выводам. Так, анализируя проблему альтернативы наказанию, которой могло бы стать некарательное воздействие, автор небезосновательно утверждает, что «некарательное воздействие на преступников займет место уголовного наказания только в том случае, если будет доказано, что человек совершает преступление не по своей воле, а в силу не зависящих от него причин, и что эти причины могут быть устранены без карательного воздействия». В то же время в монографии отмечается, что «будущее наказания не исключает применения, наряду с наказанием, также методов некарательного воздействия для определенных категорий преступлений и преступников».

Заслуживают внимания положения о будущем наказания. Автор считает, что «будущее наказания, в плане степени его карательной сущности, будет зависеть напрямую от характера, динамики и уровня преступности... А это приведет к появлению новых альтернативных видов наказания...».

Конечно же, как в любом серьезном научном труде, в работе профессора И.М. Рагимова имеются суждения, требующие дальнейшего изучения и предполагающие и даже порождающие широкую научную дискуссию. Полагаю, к ним следует отнести такие прогнозы о будущем наказания и отдельных его видов, как, например, «будущее наказания связано с расширением судебного усмотрения, ибо будут увеличены границы низшего и верхнего пределов, а также с появлением новых альтернативных наказаний. Краткосрочные виды наказаний со временем уйдут из "моды". Они будут заменены крупными штрафными санкциями. Некоторые страны вновь вернутся к смертной казни из-за увеличения тяжких и особо тяжких преступлений». Данные прогнозы базируются на анализе истории развития института наказания, определении его роли как правового и социального регулятора, исследовании статистических данных. Обоснование таких прогнозов требует дальнейшего исследования, что, впрочем, признается и самим профессором И.М. Рагимовым.

Требует осмысления предложение автора по изменению законодательства, согласно которому для умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, а также за изнасилование малолетних при исключительно отягчающих обстоятельствах необходимо предусмотреть два вида наказания: смертную казнь, а также пожизненное лишение свободы. При этом право выбора должно быть предоставлено самому подсудимому, вина которого доказана.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, следует заключить, что в ней отражены взгляды автора по ключевым вопросам философии преступления и наказания, которые в своей совокупности составляют единую стройную систему логически взаимосвязанных и взаимозависимых положений.

Интерес вызывают положения, содержащиеся в конце книги, которые представляют собой афоризмы о законе, преступлении и наказании. Здесь читатель найдет высказывания философов, юристов, писателей и поэтов, царствовавших особ и иных «представителей власти», известных врачей, юридические изречения, выдержки из религиозных писаний, поговорки о законе, преступлении и наказании.

Книга написана хорошим литературным языком, что делает ее доступной для восприятия широкого читателя.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что книга И.М. Рагимова безусловно заслуживает рекомендации к опубликованию и должна увидеть свет. Она будет интересна для широкого круга специалистов в разных областях знания, а также для студентов юридических факультетов, аспирантов, представителей суда и правоохранительных структур и всех интересующихся проблемами преступления и наказания.

Рецензент:

Заместитель директора Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)

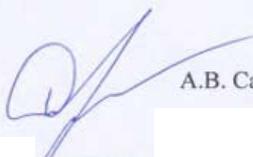
Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации,

заслуженный работник прокуратуры

Российской Федерации,

кандидат юридических наук

А.В. Сальников

Мы ждем Ваши отзывы и предложения по адресу:
191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 27
Издательство «Юридический центр-Пресс»

Размещение рекламы в книгах	(812) 571-23-58
Система «Книга-почтой»	(812) 571-89-72
Телефон для оптовых закупок	(812) 571-23-58
По вопросам сотрудничества	(812) 571-89-72
Факс	(812) 571-23-58
Электронная почта	izdat@hotmail.com urizdat@mail.ru www.juridcenter.ru

Научное издание

Рагимов Ильгам Мамедгасан-оглы

ФИЛОСОФИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Издательство «Юридический центр-Пресс»

Редактор *Ю. А. Безуглая*

Корректор *С. С. Алмаметова*

Компьютерная верстка *С. Л. Кузьминой*

Подписано в печать 28.07.2015 г.
Формат 60×90/16. П. л. 18. Уч.-изд. л. 18,2.
Тираж 300 экз. Заказ . Цена свободная.

Адрес

Издательство «Юридический центр»
191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 27
Телефоны: (812) 571-23-58, 571-89-72
Факс: (812) 571-23-58. E-mail: urizdat@mail.ru

Отпечатано в типографии
"Литография СПб"
191119, СПб., ул. Днепропетровская, д. 8

ISBN 978-5-94201-668-5

9 785942 016685

Рагимов Ильгам Мамедгасан-оглы

родился 14 января 1951 года в Азербайджанской Республике

В 1970 году поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета. В 1975 году поступил на очное отделение аспирантуры по кафедре уголовного права Ленинградского государственного университета, в 1978 году получил ученую степень кандидата юридических наук.

С 1982 по 1992 год работал начальником Управления по законодательству Министерства Юстиции и был членом Коллегии. В этот период им было подготовлено множество проектов нормативных актов, а также заключений по законодательным актам.

В 1988 году защитил докторскую диссертацию в Ленинградском университете, став самым молодым доктором наук в области уголовного права на постсоветском пространстве. С 1996 года — профессор.

С 1992 по 1996 год работал директором Научно-исследовательского института по проблемам судебной экспертизы, криминалистики и криминологии.

В 1996—2000 годах преподавал право в различных высших учебных заведениях, а также был проректором по научной части в Высшем дипломатическом колледже.

Автор около ста научных статей по уголовному праву, исправительно-трудовому праву, а также нескольких монографий, посвященных фундаментальным проблемам законодательства и судопроизводства в числе которых: Теоретические и практические проблемы исправительно-трудового воздействия (Баку, 1981); Теория судебного прогнозирования (Баку, 1987); Философия наказания и проблемы его назначения (Баку, 1998); Преступность и наказание (М., 2012). Является первым автором Концепции реформирования судебной системы, подготовленной в 1992—1993 годах. В 1994 году подготовил государственную программу по борьбе с преступностью.

18 апреля 2004 года избран академиком Российской академии безопасности, обороны и правопорядка. Ильгам Рагимов второй азербайджанец, удостоенный звания академика Российской академии безопасности, обороны и правопорядка.

В 2005 году награжден орденом Петра Великого второй степени за личный вклад в развитии дружественных отношений и сотрудничество между Россией и Азербайджаном. Является первым азербайджанцем, который удостоился этой высочайшей награды.

27 августа 2009 года был избран Почетным членом Совета директоров Международного фонда сотрудничества и партнерства Черного моря и Каспийского моря. За вклад в сближение народов и религий, а также развитие общества был награжден дипломом и медалью Международного фонда. Первый диплом фонда был выдан представителю Азербайджанской Республики.

В 2011 году указом президента Азербайджанской Республики награжден почетным званием «Заслуженный юрист Азербайджанской Республики»

В 2011 году Ильгам Рагимов был награжден Французской международной ассоциацией «Международный комитет защиты прав человека» международным орденом «Полумесяца и Звезды» I степени (высший) и званием Кавалера международного Ордена «Полумесяца и Звезды».